

СОЧЕТАНИЕ ИНТЕРЕСНЕЙШИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДЕТАЛЕЙ
С ПЕРВОКЛАССНЫМ ДЕТЕКТИВОМ.
ПО-НАСТОЯЩЕМУ ЗАХВАТЫВАЮЩАЯ КНИГА.

Independent on Sunday

Каменное СЕРДЦЕ

К. ДЖ. СЭНСОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Мэтью Шардлейк

Кристофер Сэнсом
Каменное сердце

«Азбука-Аттикус»

2010

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Сэнсом К. Д.

Каменное сердце / К. Д. Сэнсом — «Азбука-Аттикус»,
2010 — (Мэтью Шардлейк)

ISBN 978-5-389-19762-6

Лето 1545 года. Франция стягивает армаду своих кораблей к берегам Альбиона. Англия в опасности, и король Генрих VIII, несмотря на кризис, охвативший страну, тратит последние денежные запасы на то, чтобы противостоять врагу. Мэтью Шардлейк со своим верным помощником Джеком Бараком по поручению королевы Екатерины Парр отправляется в Портсмут, самый уязвимый из городов, расположенных в непосредственной близости от корабельных пушек французов. Поручение у Шардлейка непростое: следует разузнать все о некоем молодом человеке, воспитаннике королевского двора, и о том, почему его бывший учитель, посетивший поместье приемной семьи воспитанника, неожиданно покончил с собой... В мире литературных героев и в сознании сегодняшнего читателя образ Мэтью Шардлейка занимает почетное место в ряду с такими известными персонажами, как Шерлок Холмс, Эркюль Пуаро, Ниро Вулф и комиссар Мегрэ.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-19762-6

© Сэнсом К. Д., 2010
© Азбука-Аттикус, 2010

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	38
Глава 5	46
Глава 6	55
Глава 7	61
Глава 8	73
Глава 9	81
Глава 10	89
Глава 11	97
Часть вторая	104
Глава 12	104
Конец ознакомительного фрагмента.	110

К. Дж. Сэнсом Каменное сердце

C. J. Sansom
HEARTSTONE
Copyright © C. J. Sansom, 2010
All rights reserved

Перевод с английского Юрия Соколова

Книги К. Дж. Сэнсома О Мэтью Шардлейке, опубликованные Издательской Группой «Азбука-Аттикус»:

Горбун лорда Кромвеля

Темный огонь

Суверен

Седьмая чаша

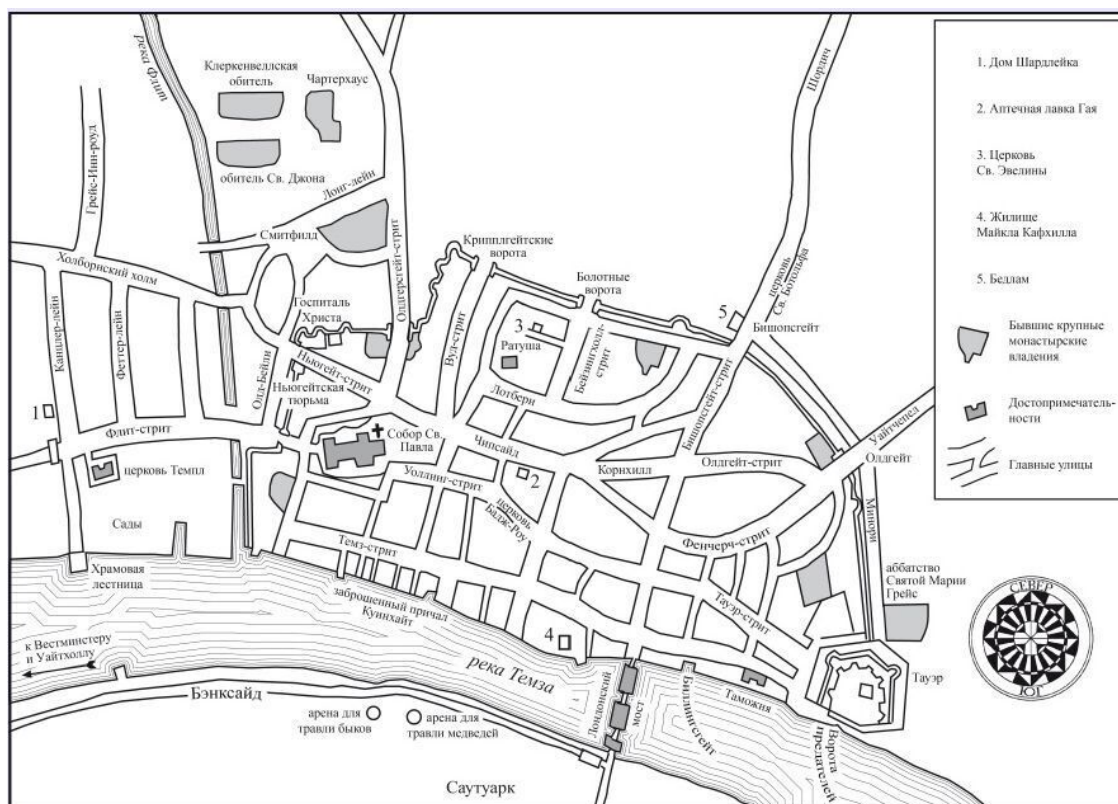
Каменное сердце

© Ю. Р. Соколов, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

Часть первая Лондон

Глава 1

Летним вечером на кладбище царила тишина. Гравиевую дорожку покрывали ветки и сучья, сорванные с деревьев буйными ветрами, что бушевали над страной весь грозовой июнь 1545 года. В Лондоне мы в основном отделались легким испугом, разве что с крыш кое-где посшибало трубы, однако на севере ветер учинил настоящий разгром. Поговаривали, что градины были величиной с кулак и на них угадывались какие-то физиономии. Однако, как ведомо любому адвокату, всякая история по мере своего распространения обрастает красочными подробностями.

Все утро я провел в своих палатах в Линкольнс-Инн, трудясь над краткими изложениями нескольких дел, которые прислали из Суда палаты прошений. Заслушивать их предстояло уже осенью: из-за угрозы французского вторжения Троицкая судебная сессия по приказу короля завершилась досрочно.

В последние месяцы я обнаружил, что бумажная работа начала докучать мне. За редким исключением, из Суда палаты прошений снова и снова поступали одинаковые дела: желая получать прибыль от торговли шерстью, лендлорды всячески пытались заставить фермеров-арендаторов разводить овец или по той же самой причине стремились отобрать общинные земли, от которых зависела беднота. Ведение подобных дел сулило адвокатам стабильные доходы, но, признаться, все-таки хотелось бы какого-нибудь разнообразия. Разгребая рутину,

я время от времени поглядывал на письмо, доставленное посыльным из Хэмптон-корта¹. Оно лежало на уголке моего стола – белый прямоугольник, в центре которого поблескивал красный комоч восковой печати. Письмо это порядком встревожило меня, не в последнюю очередь благодаря отсутствию на нем какой-либо надписи. Наконец, чтобы удержать мысли от беспорядочного разброда, я решил пройтись.

Оставив палаты, я увидел цветочницу – молодую женщину, каким-то образом проскользнувшую мимо привратника Линкольнс-Инн. Одета в серое платье с грязным фартуком, она стояла на углу Гейтхаус-корт и, выглядывая из глубины белого чепца, предлагала свои букетики идущим мимо барристерам². Поравнявшись с цветочницей, я услышал, как она назвала себя вдовой и сказала, что ее муж погиб на войне. Желтофиоль в ее корзинке напомнила мне о том, что я уже почти месяц не был на могиле моей бедной домоправительницы. Джоан любила желтофиоль. Я попросил букет и, когда цветочница протянула мне его, невольно заметил, какие у нее мозолистые и грубые руки. Я отдал ей полпенни. Изящно присев, женщина поблагодарила меня, сопроводив этот жест холодным взглядом. Пройдя Великими воротами, я направился вверх по только что замощенной Канцлер-лейн к небольшой церквушке.

По пути я ругал себя: не пристало мне, советнику при Суде палаты прошений, волноваться как мальчишке. Недаром же многие из коллег завидуют моему высокому нынешнему положению, а также тому, что я время от времени получаю весьма выгодные дела от Роберта Уорнера, адвоката самой королевы. Однако на улице мне попадалось множество задумчивых и встревоженных прохожих, что ясно свидетельствовало о том, что нынешние беспокойные времена способны вселить тревогу в сердце любого человека. Поговаривали, что французы собрали тридцать тысяч солдат в портах по ту сторону Ла-Манша и что они уже готовы вторгнуться в Англию с помощью многочисленного флота, причем некоторые корабли такие огромные, что на них имеются даже конюшни для лошадей. Никто не имел представления о том, где могут высадиться враги, и по всей стране собирали ополченцев, отправляя их оборонять побережье. Все суда королевского флота приготовили к выходу в море, большие торговые корабли отбирали в казну и готовили к войне. Король ввел беспрецедентные налоги, чтобы хоть как-то пополнить казну после своего прошлогоднего вторжения во Францию. Тот поход закончился полной неудачей, и с минувшей зимы английская армия была осаждена в Булони, ну а теперь война могла прийти и к нам самим.

Я вошел на кладбище. Благочестив ты или нет, но атмосфера на церковном дворе неизменно располагает к умиротворенной задумчивости. Преклонив колени, я возложил цветы на могилу Джоан. Эта женщина вела мое скромное хозяйство почти двадцать лет. Когда мы познакомились, она была вдовой сорока лет от роду, а я – желторотым юнцом, только что вылупившимся из яйца барристером. Эта тихая одинокая дама, не имевшая собственных родственников, посвятила свою жизнь заботам о моих нуждах. А этой весной она подхватила инфлюэнцу, которая за какую-то неделю свела бедняжку в могилу. Я тосковал по Джоан, поскольку за последние двадцать лет деловитая и любезная домоправительница, искренне беспокоившаяся обо мне, стала неотъемлемой частью моей жизни. И горько было сознавать, что человек, который служил мне теперь, даже в подметки ей не годился.

Я поднялся, хрустнув коленями. Посещение могилы успокоило меня, пробудив тем не менее меланхолические гуморы³, воздействию которых я всегда был подвержен. Я продолжил

¹ *Хэмптон-корт* – загородная резиденция английских королей, расположенная на берегу Темзы в лондонском предместье Ричмонд-на-Темзе.

² *Барристеры* – в Великобритании одна из двух категорий адвокатов, которые ведут дела; являются адвокатами более высокого ранга, чем солиситоры.

³ *Гуморы* – согласно античным и средневековым представлениям, некие элементарные жидкости, влияющие на психическое и физическое функционирование организма.

свой путь среди могильных камней, потому что на этом кладбище покоились также и другие мои знакомые, и остановился возле превосходной мраморной плиты, на которой значилось:

РОДЖЕРУ ЭЛЛИАРДУ,
БАРРИСТЕРУ ИЗ ЛИНКОЛЬНС-ИНН,
ВОЗЛЮБЛЕННОМУ МУЖУ И ОТЦУ
(1502–1543)

Вспомнив свой разговор с Роджером, случившийся два года назад, незадолго до его смерти, я печально улыбнулся. Тогда мы с ним беседовали о том, что король бездумно проматывает отобранные у монастырей богатства, расходуя их на свои прихоти, ничем не заменив ту посильную помощь, которую монахи всегда оказывали беднякам. И теперь, положив руку на могильную плиту, я негромко произнес:

– Ах, Роджер, видел бы ты, во что он втравил нас теперь!..

Старуха, возившаяся с цветами на соседней могиле, обернулась и тревожно посмотрела на меня: ее морщинистое лицо исказилось при виде горбатого адвоката, разговаривающего с покойником. Я направился прочь.

Невдалеке находился другой надгробный камень, который ставил я сам, как и на могиле Джоан. Надпись на нем была краткой:

ДЖАЙЛС РЕНН,
БАРРИСТЕР ИЗ ЙОРКА
(1467–1541)

До этого камня я дотрагиваться не стал, равно как и обращаться к лежавшему под ним старику. Лишь вспомнил о том, как именно умер Джайлс, что, вполне ожидаемо, привело меня в мрачное настроение.

Голос труб, внезапно раздавшийся в этот самый момент, испугал меня едва ли не до беспамятства. Старуха распрямилась и принялась осматриваться по сторонам круглыми, полными страха глазами. Догадавшись, в чем дело, я отправился к стене, отделявшей кладбище от Линкольнс-Инн-филдс, открыл деревянную калитку и, шагнув наружу, стал рассматривать то, что происходило снаружи.

Поля Линкольнс-Инн являли собой открытую и незаселенную пустошь, где студенты-законники ловили кроликов на заросшем травой холме Кони-Гарт. В обычный день после полудня тут можно было увидеть лишь нескольких направлявшихся в разные стороны прохожих. Сегодня же здесь собралась целая толпа. Люди пришли поглазеть на пять десятков молодых людей, облаченных в рубашки и камзолы либо в синие балахоны подмастерьев. Новобранцы выстроились в пять неровных шеренг. У одних вид при этом был угрюмый, у других – задумчивый, третьи бодрились. Большинство рекрутов держали боевые луки, которыми, согласно закону, все достигшие воинского возраста мужчины должны были вооружаться ради упражнения в стрелковом деле. Правда, многие нарушали этот закон, предпочитая гонять шары по лужайкам, а также играть в кости и карты, теперь запрещенные для простых людей, не имеющих статуса джентльмена. Длина боевых луков достигала двух ярдов, тем самым обычно превышая рост их владельцев. У некоторых, впрочем, в руках были луки поменьше, среди которых усматривались также и более слабые, сделанные из вяза, а не из тиса, как полагалось. Почти у всех молодых людей были кожаные нарукавники на одной руке и наперстки на другой. Тетивы натянуты, люди напряжены...

Строил их в ряды по десять человек средних лет вояка, на квадратном, обрамленном короткой черной бородкой лице которого застыло суровое и неодобрительное выражение. Он

блистал великолепием мундира лондонской городской милиции⁴: белым дублетом с рукавами, в прорезях которых алела подкладка, и круглым полированным шлемом.

Ярдах в двухстах от них располагались мишени – покрытые дерном насыпные холмики шести футов высотой. Здесь подлежащие призыву ратники должны были практиковаться каждое воскресенье. Прищурившись, я разглядел соломенное пугало, облаченное в лохмотья, в помятом шлеме и с намалеванной на животе французской лилией. Итак, здесь происходил очередной смотр, новая группа горожан проверялась на стрелковое мастерство, чтобы отобрать тех, кого можно послать в собиравшиеся на побережье войска или на королевский флот. Приятно было сознавать, что я, будучи горбуном сорока с лишним лет от роду, не подлежал призыву!

За неторопливыми действиями лучников наблюдал, сидя верхом на превосходной серой кобыле, какой-то полный мужчина. Голову его лошади, покрытой попоной лондонского Сити, венчал металлический налобник с отверстиями для глаз, превращавший ее в некое подобие черепа. Туловище всадника обхватывал полудоспех, защищавший его тело и руки полированной сталью, а ветерок теребил павлинье перо на широком черном берете. Я узнал Эдмунда Карвера, одного из старших городских олдерменов: два года назад мне случилось выиграть в суде его дело. В панцире Карвер выглядел неуклюжим и время от времени неловко менял позу. Это был вполне приличный купец, торговавший шелком и бархатом, большой любитель вкусной еды. Возле него находились еще двое солдат в мундирах городской милиции. Один из них держал в руках длинную медную трубу, а второй – алебарду. Рядом застыл писец в черном дублете: на шее его висел переносной пюпитр со стопкой бумаг.

Внезапно солдат с алебардой положил свое оружие и подобрал с земли полдюжины кожаных колчанов. Пробежав перед первой шеренгой рекрутов, он рядком сыпанул на землю горсть стрел. Командовавший смотром все еще мерил стоявших перед ним людей острым оценивающим взглядом. Нетрудно было понять, что передо мной профессиональный офицер, из тех, кого я видел четыре года назад в Йорке. Должно быть, этот человек работал теперь с городской милицией – корпусом добровольцев, учрежденным в Лондоне несколько лет назад, и учил их солдатскому ремеслу.

Наконец он обратился к своим людям громким и звучным голосом:

– Англии нужны бойцы, способные послужить ей в час величайшей опасности! Французы готовы вторгнуться на нашу землю, готовы обрушить огонь и смерть на наших женщин и детей. Но мы не забыли Азенкур!⁵

Он сделал драматическую паузу, и под одобрителный ропот рекрутов Карвер воскликнул:

– Так точно!

Офицер продолжил:

– После Азенкура мы знаем, что один англичанин стоит трех французов, а потому выйдем неприятелю навстречу наших легендарных стрелков! Те, кого изберут сегодня, получат мундир и жалованье три пенса в день! – Голос его сделался более жестким. – А теперь мы посмотрим, кто из вас, ребята, учился стрельбе каждую неделю, как того требует закон. Те же, кто пренебрег тренировками, – он сделал многозначительную паузу, – могут оказаться в копейщиках, чтобы встретиться с французами лицом к лицу! Так что не надейтесь, что плохая подготовка избавит вас от выполнения своего долга.

⁴ Милиция – территориальные войска в британской армии. Милиция не выводилась из пределов Великобритании, созывалась лишь на время войны в прибрежных графствах для обороны страны от вторжения неприятеля; в Средние века сыграла важную роль в обороне городов.

⁵ Имеется в виду сражение, состоявшееся 25 октября 1415 г. между французскими и английскими войсками близ местечка Азенкур на севере Франции; одна из самых знаменитых побед Англии во время Столетней войны.

Вояка вновь оглядел строй неловко переминавшихся с ноги на ногу и явно взволнованных рекрутов. Его окаймленное темной бородой лицо ясно выразило гнев.

– А сейчас, – снова заговорил он, – по сигналу трубы каждый из вас по очереди, начиная с того, кто стоит слева в первом ряду, со всей возможной быстротой выпустит полдюжины стрел. Специально для вас мы приготовили чучело, так что можете представлять себе, будто видите перед собой французишку, явившегося, чтобы изнасиловать ваших мамаш, у кого они есть!

Я окинул взглядом собравшуюся толпу. Среди зрителей преобладали взволнованные мальчишки и люди постарше и победнее, однако было здесь и несколько встревоженных женщин, должно быть жен или возлюбленных кого-то из рекрутов.

Солдат поднес трубу к губам и протрубил. Первый из стрелков, крепкий и симпатичный молодой парень в кожаной куртке, уверенно шагнул вперед со своим боевым луком. Подняв стрелу, он наложил ее на тетиву. А затем быстрым и плавным движением откинулся назад, распрямился и по высокой дуге послал стрелу через отделявшее его от мишени пространство. Она вонзилась в лилию на животе пугала с такой силой, что соломенный манекен дернулся, словно живой человек. Не более чем за минуту рекрут выпустил еще пять стрел, и все они попали в цель. Мальчишки отозвались неровным ободрительным ропотом. Улыбнувшись, парень повел широкими плечами.

– Неплохо! – скупой похвалил его офицер. – Ступай, пусть твое имя запишут!

Новобранец подошел к писцу, приветственно помахав луком толпе.

Следующим был долговязый молодец в белой рубахе, вряд ли достигший двадцати лет. Лук у него был сделан из вяза, и во взгляде юноши ясно читалась тревога. Я не заметил у него ни нарукавника, ни наперстка. Офицер мрачным взором проводил движение его руки, откинувшей с глаз копну нечесанных светлых волос. Парень пригнулся, поднял стрелу, приложил ее к тетиве, а затем с явным усилием напруг лук и выстрелил. Стрела вонзилась в землю едва ли не на полпути к цели. Движение лишило беднягу равновесия, и он едва не упал, подпрыгнув в последний момент на одной ноге, чем очень развеселил зрителей.

Вторая стрела ушла в сторону, вонзившись в вал, а юноша вскрикнул от боли и схватился за руку. Между пальцами потекла кровь. Офицер бросил на него суровый взгляд:

– Значит, не практиковался, да? Даже стрелу пустить толком не можешь. Стало быть, пойдешь в копейщики, вот как! Высокому парню вроде тебя самое место в рукопашной.

На лице молодого человека появилось испуганное выражение.

– Давай дальше! – рявкнул офицер. – У тебя есть еще в запасе четыре стрелы. И оставь в покое свою руку. Вон народ собрался, надо же его повеселить!

Я отвернулся. Некогда и мне пришлось претерпеть унижение перед лицом толпы, и с тех пор подобные зрелища не доставляли мне удовольствия.

Когда я вернулся в Гейтхаус-корт, цветочницы уже не было. Я отправился к себе. Скелли, мой младший клерк, переписывал в приемной какие-то распоряжения. Он низко пригнулся к столу, внимательно рассматривая документ сквозь очки.

– На полях Линкольнс-Инн сегодня смотр стрелков, – заметил я.

Он посмотрел на меня и невозмутимым тоном ответил:

– Я слышал, что городскому ополчению приказано выставить тысячу человек на южное побережье. Вы и вправду считаете, сэр, что французы могут начать вторжение?

– Не знаю, Скелли, – ответил я с успокаивающей улыбкой. – Но полагаю, что тебе беспокоиться не о чем. Ты женат, и у тебя трое детей, а кроме того, без очков ты ничего не видишь. Так что тебя точно не призовут.

– Всей душой уповаю на это, сэр.

– Все будет хорошо, нисколько в этом не сомневаюсь, – заверил я его. Впрочем, в чем можно быть уверенным в наши дни? – А что, Барак еще не вернулся из Вестминстера? – сменил

я тему, глянув на пустой стол помощника, которого послал в Суд палаты прошений, чтобы передать некоторые показания.

– Нет, сэр.

Я нахмурился:

– Надеюсь, что с Тамазин ничего не случилось.

Скелли улыбнулся:

– Полагаю, сэр, все дело в том, что он не может переправиться на лодке через реку. Вы же знаете, как трудно теперь найти перевозчика.

– Возможно. Скажи Бараку, чтобы он зашел ко мне сразу же, как только вернется. А я пока займусь бумагами.

И я отправился в свой кабинет, ничуть не сомневаясь в том, что писец считает, будто я делаю из мухи слона. Но Джек Барак и его жена Тамазин были моими близкими друзьями. Их первый ребенок, к несчастью, родился мертвым, и вот теперь Тамазин вновь была на седьмом месяце беременности. Еще бы мне за них обоих не волноваться.

Я со вздохом рухнул в кресло и взял в руки лист с претензией, которую читал прежде. Взгляд мой снова коснулся письма, остававшегося на углу стола. Я заставил себя отвернуться и сосредоточиться на прошении, однако мысли мои вскоре вернулись к смотру стрелков... Я представил себе вторжение французов и этих молодых людей – истерзанных и погибших в бою.

Выглянув из окна, я улыбнулся и покачал головой, заметив высокую и тощую фигуру своего старинного врага, Стивена Билкнэпа, ковылявшего по залитому солнцем двору. Теперь он заметно сгорбился и в черной мантии барристера и белой шапочке казался огромной сорокой, склевывавшей червяков с мостовой.

Внезапно Билкнэп распрямился, посмотрел вперед, и я заметил шагавшего в его сторону Барака, через плечо которого была переброшена кожаная сумка. Я обратил внимание, что в последнее время мой помощник раздобыл: из-под его зеленого дублета выпирал животик. Лицо Джека также приобрело некоторую полноту, смягчавшую черты и заставлявшую его казаться моложе. Стивен повернулся и заторопился к капелле. Два года назад этот странный, невероятно скаредный человек задолжал мне небольшую сумму. И теперь Билкнэп, считавший делом чести никогда не расставаться с деньгами, нагло поворачивал в сторону сразу, как только замечал меня. В Линкольнс-Инн его поведение стало предметом многочисленных шуток. Очевидным образом он избегал также и Барака, моего помощника. Джек остановился и, широко улыбаясь, уставился в спину торопившегося прочь должника. Я ощутил облегчение, значит с Тамазин не случилось ничего плохого.

Через несколько минут Барак оказался у меня в кабинете.

– Как дела с показаниями? – спросил я.

– Все в порядке, но я задержался, поскольку трудно было найти лодку от Вестминстерского причала. На реке полным-полно коггов⁶, доставляющих припасы войскам, так что лодкам приходится оставаться на берегу. Один из больших военных кораблей стоял внизу возле Тауэра. Наверное, его специально перегнали вверх по течению из Дептфорда, чтобы подданные его величества могли насладиться впечатляющей картиной. Вот только возгласов радости я почему-то не слышал.

– Люди уже привыкли к таким зрелищам. Вот когда «Мэри Роуз» и «Великий Гарри» шли в море, тогда все было совсем по-другому. Их приветствовали сотни собравшихся на берегу людей. – Я указал на табурет перед своим столом. – А теперь садись. Как там дела у Тамазин?

Мой собеседник сухо улыбнулся:

– Ворчит целыми днями: и жарко ей, и ноги опухли.

– По-прежнему считает, что родится девочка?

⁶ Когг – небольшое одномачтовое парусное судно.

– Ну да. Вчера ходила в Чипсайд, якобы по делам, и заодно заглянула там к какой-то знахарке, ну а та, конечно, сказала посетительнице то, что она и хотела услышать.

– А ты все так же уверен в том, что будет мальчик?

– Нисколько не сомневаюсь. Ох, до чего же с Тамми непросто! – Джек покачал головой. – Я специально сказал ей, что леди из общества не выходят из дому за восемь недель до рождения ребенка. Думал, может, хоть это заставит мою жену призадуматься. Ага, как бы не так. Считает, что жизнь должна идти обычным чередом, и точка.

– Итак, осталось восемь недель?

– Так говорит доктор Гай. Он обещал прийти завтра и посмотреть Тамазин. А еще за ней приглядывает мамаша Маррис. Тамми обрадовалась, узнав, что я иду на работу. Она говорит, что я напрасно волнуюсь.

Я улыбнулся, радуясь тому, что Джек и Тамазин снова вместе. После смерти первенца у них наступила черная полоса, семейная жизнь разладилась и жена оставила Барака. Однако мой помощник сумел вернуть ее упорной и настойчивой любовью, на которую, как я думал раньше, он попросту не был способен. Я помог Джеку отыскать поблизости небольшой домик и по рекомендации покойной Джоан подобрал толковую служанку в лице мамыши Маррис, опытной и умелой няни.

Я кивнул в сторону окна:

– Только что видел, как Билкнэп свернул в сторону, чтобы не повстречаться с тобой.

Барак рассмеялся:

– Да уж, этот тип всякий раз поспешно спасается бегством. Боится, что я напому ему о тех трех фунтах, которые он вам задолжал. Вот же мерзавец! – Глаза Джека ехидно блеснули. – Теперь вам следовало бы потребовать с него уже четыре фунта, учитывая, насколько обесценились деньги.

– А знаешь, по-моему, на самом деле у нашего друга Билкнэпа не все в порядке с головой. Вот уже два года он сознательно выставляет себя на посмешище, старательно избегая меня, а теперь уже и тебя, из-за какой-то ничтожной суммы.

– Ага, но при этом он становится все богаче. Говорят, что Билкнэп продал часть своего золота монетному двору для перечеки и что теперь, после того как предоставление ссуд с процентами было объявлено законным, не брезгует ростовщицеством: раздает много денег в долг тем, кому нужны средства для уплаты налогов.

– В Линкольнс-Инн немало таких, кому срочно потребовались деньги, чтобы оплатить «добровольный» набор. Слава богу, что мне самому хватило на это золота! Тем не менее согласись: поведение Билкнэпа не свидетельствует о здравом рассудке.

Барак бросил на меня проницательный взгляд:

– Что-то вам постоянно мерещатся повсюду безумные. Это все потому, что вы уделяете слишком много времени Эллен Феттиплейс. Вы уже ответили на ее последнее письмо?

Я нетерпеливо махнул рукой:

– Только не надо снова заводить старую песню. Да, ответил и завтра опять навещу эту несчастную, которая вынуждена жить в Бедламе.

– Пусть она и обитательница Бедлама, но вас водит, как опытный рыболов рыбу на леске. – Джек посмотрел на меня серьезными глазами. – И вы знаете почему.

Я решил сменить тему:

– Только что выходил погулять. На полях Линкольнс-Инн сегодня был военный смотр. Офицер грозился сдать в копейщики тех, кто не упражнялся в стрельбе из лука.

Барак ответил с пренебрежением:

– Властям прекрасно известно, что постоянно стрельбой занимаются только те, кто любит это занятие, какие бы законы ни издавал король. Стрельба – тяжелый труд, и в ней следует регулярно практиковаться, чтобы достичь каких-то успехов. – Он снова серьезно посмотрел

на меня. – Не следует настаивать на исполнении слишком непопулярных законов. Вот лорд Кромвель⁷ понимал это и никогда не перегибал палку.

– И тем не менее власти упорно настаивают на своем. В жизни не видел ничего похожего. Буквально вчера констебли на моих глазах прочесывали улицу, отлавливая бродяг и нищих, чтобы по приказу короля отдать их в гребцы на галеасы⁸. А слышал самую последнюю новость: французы высадились в Шотландии и шотландцы уже готовятся выступить против нас?

– Действительно, самую последнюю, – насмешливым тоном повторил Барак. – И кто, по вашему, распространяет эти истории о грозящем нам вторжении французов и скоттов? Да, чиновники самого короля, вот кто. Должно быть, для того, чтобы народ снова не возмутился, как в тридцать шестом году⁹. Против налогов и порчи денег. Вот, поглядите-ка сюда. – Он запустил руку в кошелек, достал небольшую серебряную монетку и звякнул ею об стол.

Я подобрал денежку и внимательно рассмотрел ее: на меня глянуло упитанное, щекастое лицо короля.

– Один из новых шиллингов, так называемый тестун, – пояснил Барак.

– Такого я еще не видел.

– Тамазин вчера ходила с мамашей Маррис за покупками в Чипсайд. Этих новых шиллингов там полным-полно. Смотрите, какой он тусклый! В серебро добавили столько меди, что теперь за такую монету дают товара только на восемь пенсов, а не на двенадцать, как раньше. Цены на хлеб и мясо взлетели выше крыши. А хлеба еще и не хватает после всех этих реквизиций в пользу армии. – Карие глаза Барака гневно блеснули. – А куда, спрашивается, ушло лишнее серебро? На оплату кредитов германских банкиров, ссудивших королю деньги.

– Ты и в самом деле считаешь, что никакого вторжения французского флота не будет?

– Будет не будет... Не знаю, – вздохнул мой собеседник, а потом, после короткой паузы, вдруг объявил: – Кажется, меня хотят забрать в армию.

– Как так?! – насторожился я.

– В прошлую пятницу констебль с каким-то военным обходили дома в нашем околотке, переписывая всех мужчин подходящего возраста. Я объяснил им, что женат и что мы ждем ребенка. Однако вояка сказал, что на вид я вполне годен для службы. Я велел ему проваливать, буквально вытолкал взащей. Беда в том, что вчера он приходил снова, и Тамазин видела его. Выглянув в окно, она не стала пускать его в дом.

Я вздохнул:

– Чрезмерная самоуверенность однажды тебя погубит.

– То же самое и Тамазин говорит. Однако сейчас ведь женатых мужчин с детьми в армию не призывают. По крайней мере, не всех.

– Дело представляется мне серьезным. Я думаю, что попытка вторжения состоится... иначе зачем набирать все эти тысячи солдат? Будь осторожен, Джек. Похоже, французы и впрямь настроены решительно.

Барак явно возмутился:

– Ничего подобного не случилось бы, если бы король в прошлом году не потащился во Францию! Сорок тысяч солдат переплыли на другой берег Ла-Манша, и что в результате? Они бежали обратно, трусливо поджав хвосты, если не считать бедолаг, застрявших в Булони. Да все считают, что нам надо сократить военные расходы, оставить Булонь и помириться с французами, однако король ни в какую не хочет. Кто угодно, только не наш Генрих!

– Абсолютно с тобой согласен.

⁷ *Томас Кромвель* (1485–1540) – английский государственный деятель, первый советник Генриха VIII в 1532–1540 гг., главный идеолог английской Реформации, один из основателей англиканства.

⁸ *Галеас* – большая галера, военный корабль, состоявший на вооружении многих стран Европы в XVI–XVII вв.

⁹ Имеется в виду так называемое «Благодатное паломничество» – происшедшее в 1536 г. крупное восстание, начавшееся в Йорке, а затем перекинувшееся на всю Северную Англию.

– Помните, как прошлой осенью вернувшиеся из Англии солдаты, в лохмотьях, больные, лежали вдоль всех дорог, ведущих к городу? – Лицо Джека посуровело. – Нет уж, со мной такого не будет. Не пойду я в армию, не дождетесь.

Я посмотрел на своего помощника. Пожалуй, в былые времена Барак вполне мог воспринять войну как увлекательное приключение. Но только не сейчас.

– И как выглядел тот военный, который к вам приходил? – поинтересовался я.

– Рослый детина лет сорока, при черной бороде и в мундире лондонского городского ополчения. По виду опытный солдат.

– Похоже, именно он командовал и сегодняшним смотром. Серьезный человек. Я бы не стал с ним шутить.

– Ну, если он занят отбором новобранцев, то, скорее всего, на новый визит ко мне ему времени уже попросту не хватит.

– Надеюсь на это. Но если он вернется, тебе придется обратиться за помощью ко мне.

– Спасибо, – негромким голосом поблагодарил Барак.

Я протянул руку к письму, остававшемуся на уголке стола:

– В свой черед, мне хотелось бы узнать твое мнение об этом.

Я передал ему письмо.

– Это, часом, не очередное ли послание от Эллен? – уточнил мой собеседник.

– Посмотри-ка на печать. Тебе уже приходилось ее видеть.

Он поднял на меня глаза:

– Печать королевы. Это от мастера Уорнера? Новое дело?

– Прочти. – Я сделал паузу. – Оно тревожит меня.

Барак развернул бумагу и вслух прочитал:

– *«Я была бы очень рада в частном порядке получить от Вас совет по одному личному делу. Приглашаю Вас, Мэтью, посетить меня в Хэмптон-кортэ завтра, в три часа пополудни»*. Но оно подписано...

– Вот именно. Записку прислала королева Екатерина, а вовсе не адвокат Уорнер.

Барак прочитал текст еще раз:

– Никаких подробностей, информации совсем мало. Но королева говорит о каком-то личном деле... ни малейшего намека на политические обстоятельства.

– Однако у нее, должно быть, имеется серьезная причина для беспокойства, заставляющая писать собственноручно. Не могу не вспомнить, как в прошлом году королева отправила Уорнера защищать интересы родственника ее служанки, которого обвинили в ереси.

– Но ее величество обещала, что впредь не станет вмешивать вас в подобные дела. А она из тех, кто умеет держать свое слово.

Я кивнул. Больше двух лет назад, когда королева Екатерина Парр еще была леди Латимер, я спас ей жизнь. В знак благодарности она обещала стать моей покровительницей и впредь никогда не привлекать меня к делам, имеющим политическую подоплеку.

– И давно ли вы видели ее величество в последний раз? – спросил Джек.

– Еще весной. Она удостоила меня аудиенции в Уайтхолле, дабы поблагодарить за то, что я успешно распутал то сложное дело, касающееся ее владений в Мидленде. Потом, в прошлом месяце, королева прислала мне свою книгу. Помнишь, я показывал тебе? Называется «Молитвы, или Размышления».

Мой собеседник скривился:

– Мрачная штуковина.

Я печально улыбнулся:

– Не спорю. Признаться, раньше я даже толком не понимал, насколько ею овладела меланхолия. Королева вложила в книгу записку, где выражала надежду, что она обратит мои мысли к Богу.

– Ее величество не станет подвергать вас риску. Наверняка какое-нибудь очередное разбирательство, связанное с землей, вот увидите.

Я благодарно улыбнулся. Барак с юных дней изучил изнанку политической жизни, и я ценил его утешение.

– Вам предстоит за один день навестить и королеву, и Эллен Феттиплейс! – пошутил он. – Придется изрядно потрудиться, чтобы все успеть.

– Да уж. – Я взял у него письмо и, вспоминая свой последний визит в Хэмптон-корт, ощутил, как страх перед новым визитом в эту загородную резиденцию стискивает мой желудок.

Глава 2

Закончив чтение последнего дела уже поздним вечером, я присыпал собственные заметки песком. Барак и Скелли давно разошлись по домам, и я направился по Канцлер-лейн в сторону своего дома.

Стоял идиллический летний вечер. Два дня назад отмечали Иванов день, однако в этом году традиционные костры и прочие празднества по велению короля существенно сократили. В городе ввели комендантский час: ночью по улицам ходили дополнительные патрули, чтобы французские шпионы не могли устраивать поджогов.

Оказавшись возле дома, я подумал о том, что, переступая порог своего жилища, больше не испытываю радостного подъема, который ощущал при жизни Джоан, – его скорее сменило некое раздражение. Я отпер дверь. Дочь моего эконома, Джозефина Колдайрон, стояла в прихожей на тростниковой подстилке, скрестив на груди руки, с отсутствующим и слегка озабоченным выражением на круглом лице.

– Добрый вечер, Джозефина, – поздоровался я.

Она присела, наклонив голову. Прядка невымытых светлых волос выбивалась на лоб девушки из-под белого платка. Отодвинув ее в сторону, Джозефина полным беспокойства голосом произнесла:

– Простите, сэр.

Я знал, что служанка боится меня, поэтому продолжил самым мягким тоном, каким только мог:

– Как обстоит дело с ужином?

Мисс Колдайрон посмотрела на меня виноватыми глазами:

– Я еще даже не начинала готовить, сэр. Мне нужно, чтобы мальчишки помогли почистить овощи.

– А где Саймон и Тимоти?

Джозефина заметно встревожилась:

– Э... они с отцом, сэр. Сейчас схожу за ними, и начнем.

И она заторопилась на кухню быстрыми и мелкими шажками, словно бы перепуганная мышь. Я же отправился в гостиную.

В кресле, лицом к окну, сидел мой старый друг и частый гость Гай Малтон. Повернувшись на звук моих шагов, он изобразил на лице слабую улыбку. В качестве врача Гай обладал кое-каким общественным положением, что, однако, не помешало банде юных прохвостов как-то ночью, два месяца назад, в поисках французских шпионов вломиться в его дом возле Олд-Бардж, разорвать в клочки медицинские заметки, которые он делал в течение всей своей жизни, и разгромить его кабинет. К счастью, самого Малтона не было дома, иначе его, наверно, убили бы. Он был выходцем из Испании, да к тому же мавром; ясно, что его, темнокожего и говорившего с непривычным акцентом, мигом сочли бы иностранным агентом. Я забрал друга жить к себе, но с тех пор он погрузился в глубокую меланхолию, что, признаться, сильно меня тревожило.

Я опустил сумку на пол:

– Как дела, Гай?

Врач поднял руку в приветствии:

– Просидел здесь весь день. Как странно, я всегда считал, что, если однажды останусь без работы, время будет едва влачиться, однако теперь оно пролетает совершенно незаметно.

– Барак говорит, что Тамазин в такую жару неважно себя чувствует, – сказал я и с удовольствием заметил, что на лице медика появился профессиональный интерес.

– Да, мы уже договорились, что я посмотрю ее завтра. Не сомневаюсь, что у Тамми все в порядке, но это ободрит обоих супругов. И в первую очередь Джека, который переживает значительно сильнее жены. – Гай помедлил. – Я сказал, что приму их здесь. Надеюсь, что это не слишком бесцеремонно с моей стороны? Мало того что я тут поселился...

– Конечно же нет. И как тебе прекрасно известно, я всегда рад видеть тебя. Живи здесь столько, сколько хочешь.

– Спасибо тебе, Мэтью. Боюсь, что, если я вернусь к себе, опять произойдет то же самое. Отношение к иноземцам портится день ото дня. Посмотри-ка сюда! – Доктор Малтон указал на мой сад за ромбиками окна.

Подойдя к окну, я выглянул наружу. На дорожке, уперев руки в тощие бока, со свирепой улыбкой на бледном, заросшем серой щетиной лице стоял мой эконо Уильям Колдайрон. А двое слуг-мальчишек – высокий четырнадцатилетний Саймон и Тимоти, коротышка двенадцати лет от роду, – маршировали перед ним взад и вперед с метлами на плечах. Колдайрон строго следил за обоими единственным глазом; другой прикрывала широкая черная повязка.

– Направо! – скомандовал он, и мальчишки неуклюже повернулись.

Я услышал голос Джозефины, доносившийся от дверей кухни. Ее отец резко повернулся к окну кабинета. Открыв его, я недовольно окрикнул его:

– Уильям!

Колдайрон повернулся к мальчишкам.

– А ну-ка рысью в дом и займитесь ужином для хозяина! – крикнул он. – Навязались тут на мою голову, только время с вами зря теряю!

Саймон и Тимоти ответили ему яростными взглядами.

Я повернулся к Гаю:

– Кровь Господня, ну и тип!

Мой друг устало качнул головой. Мгновение спустя в дверях показался сам Колдайрон. Поклонившись, он встал навтыжку. Как всегда, мне было трудно смотреть ему в глаза. Длинный и глубокий шрам тянулся через все лицо управляющего, от залысин на лбу до уголка рта. Когда я нанимал этого человека, он сказал, что шрам остался от удара шотландским мечом, полученного больше тридцати лет назад в битве при Флоддене. Как всегда при общении с увечными, я ощутил прилив сочувствия, повлиявший на мое решение нанять его; не последнюю роль, впрочем, сыграло и то, что после двух учрежденных королем внушительных налогов мне приходилось экономить, а Колдайрон удовольствовался скромным жалованьем. Но, по правде сказать, Уильям не слишком понравился мне даже тогда.

– Чем это вы занимались там с мальчишками? – спросил я. – Джозефина говорит, что готовить ужин еще даже не начинали.

– Простите меня, сэр, – непринужденно ответил эконом. – Но Саймон и Тимоти просили меня объяснить, каково это – быть солдатом. Благослови их Господь, этих парнишек, они хотят делать все возможное, чтобы защитить свою страну от чужеземного вторжения! Они буквально пристали ко мне: научи да научи их маршировать. – Колдайрон развел руками. – Ну никак не желали оставить меня в покое. Им так и хочется узнать, как я сражался с шотландцами и как я зарубил короля Якова Четвертого.

– И они намереваются защищать отечество метлами?

– Возможно, сэр, настает такое время, когда даже зеленым юнцам придется брать в руки клевцы и алебарды. Говорят, что шотландцы снова взялись за свои прежние фокусы и готовы выступить против Англии, тем более что французы угрожают нам с юга. Охотно верю в это, уж я-то знаю их как облупленных! И если вражеские шпионы подожгут Лондон... – Домоправитель бросил косой, быстрый, едва заметный взгляд в сторону Гая, который тем не менее все понял и отвернулся.

– Я не хочу, чтобы ты занимался обучением Тимоти и Саймона, – резким тоном произнес я, – сколь бы великими ни были твои познания в военном искусстве. Твое дело сейчас – управлять моим домом.

Колдайрон и бровью не повел:

– Конечно же, сэр. Я больше не позволю этим мальчишкам так эксплуатировать меня.

Снова отвесив глубокий поклон, он вышел из комнаты. Я посмотрел на закрывшуюся дверь.

– Колдайрон заставил мальчишек выйти на лужайку и принялся их муштровать, – прокомментировал Гай. – Я видел все. Уж не знаю, как Саймон, но Тимоти, во всяком случае, этого не хотел.

– Этот человек – лжец и мошенник.

С усталой улыбкой мой гость приподнял бровь:

– Надеюсь, ты не думаешь, что это именно он убил шотландского короля?

Я в ответ лишь фыркнул:

– Каждый побывавший при Флоддене английский солдат утверждает, что именно он сделал это. Пожалуй, стоит отказать Колдайрону от места. Уволю-ка его.

– И поделом мерзавцу, – проговорил Малтон с решимостью, абсолютно не характерной для этого мягчайшего из людей.

Я вздохнул:

– Мне жаль его дочь. Колдайрон тиранит ее точно так же, как и мальчишек. – И, погладив рукой подбородок, я добавил: – Кстати, я собираюсь завтра посетить Бедлам, чтобы повидать Эллен.

Медик посмотрел мне прямо в глаза с выражением такой печали, которого я не видел больше ни на одном лице:

– Твои визиты всякий раз приводят к тому, что Эллен говорит, что больна, – и в конечном счете это может повредить вам обоим. Как бы она ни страдала, но права вызывать тебя туда по собственной воле у нее нет.

На следующее утро я рано покинул дом, чтобы попасть в Бедлам. Прошлой ночью я наконец пришел к решению относительно Эллен. Откровенно говоря, собственные намерения мне не слишком нравились, однако альтернативы им я не видел. Надев свое облачение и сапоги для верховой езды, я взял кнут и направился в конюшню. Я решил проехать через город, и путь мой лежал по широким и мощеным улицам. Конь, носивший кличку Бытие, коротал время в своем стойле, уткнувшись носом в ясли с кормом. Тимоти, в обязанности которого входило следить за лошадьми, оглаживал его. Когда я вошел, Бытие посмотрел на меня и приветливо заржал. Потрепав своего любимца по морде, я провел рукой по коротким и жестким волоскам на его носу. Я купил это животное пять лет назад: тогда он был совсем еще молодым, а теперь сделался зрелым скакуном, отличавшимся достаточно мирным характером.

Затем я взглянул на Тимоти:

– Ты подмешиваешь те травы, которые я дал, к его фуражу?

– Да, сэр. Они очень ему нравятся, – заверил меня мальчик.

Посмотрев на его щербатую улыбающуюся физиономию, я ощутил, как сжалось мое сердце. Тим был сиротой, и за пределами моего дома у него не было ни одного близкого человека... Я знал, что, подобно мне самому, этот юный слуга глубоко переживает смерть Джоан. Кивнув, я негромко прибавил:

– Тимоти, если мастер Колдайрон решит снова поиграть с тобой и Саймоном в солдатики, скажи ему, что я запретил это занятие... Ты понял меня?

Подросток встревожился и переступил с ноги на ногу:

– Он говорит, что нам важно учиться этому, сэр.

– Ну, на мой взгляд, ты слишком юн для этого. А теперь принеси седло и все остальное, будь хорошим мальчиком, – сказал я ему, а про себя подумал, что, пожалуй, все-таки избавлюсь от эконома.

Я спустился с Холборнского холма и въехал в город через Ньюгейтские ворота, расположенные в городской стене возле каменных стен тюрьмы, мрачных и почерневших. Около входа в старый госпиталь Христа стояли навтыжку двое алебардчиков. Я слышал, что, подобно прочей прежней монастырской собственности, это здание используется для хранения оружия и знамен короля, и вновь вспомнил о планах покойного Роджера, намеревавшегося учредить новую больницу для бедняков. После смерти друга я попытался продолжить его дело, однако тяжесть военных налогов была такова, что всякий волей-неволей скарденничал и экономил.

Когда я проезжал по Шамблз, из-под чьей-то калитки вдруг выпорхнуло облачко мелких гусиных перьев, заставившее моего коня тревожно вздрогнуть. На улицу вытек ручеек крови. Война несла с собой огромную потребность в стрелах для королевских арсеналов, и было ясно, что гусей забивают ради маховых перьев, столь нужных мастерам, изготавливающим оружие. Я вспомнил о смотре, свидетелем которого стал вчера. В Лондоне уже набрали пятнадцать сотен людей, которых отослали на юг... Крупный отряд для города, где насчитывается всего шестьдесят тысяч душ. То же самое происходило по всей стране, и оставалось только надеяться, что тот суровый офицер забудет о Бараке.

Я выехал на широкую главную улицу Чипсайда, по обе стороны которой располагались лавки, общественные здания и дома преуспевающих торговцев. Проповедник, чья длинная седая борода соответствовала последней моде среди протестантов, стоял на ступенях Чипсайдского креста, громким голосом возглашая:

– Господь должен благословить наше оружие, ибо французы и скотты есть не что иное, как бритоголовые орудия папы и дьявола в их войне против истинной библейской веры!

Вполне возможно, это был какой-нибудь доморощенный радикал-проповедник – из тех, кого два года назад арестовали бы и бросили в тюрьму, но теперь охотно прощали, поскольку они с пылом пропагандировали войну. Взад и вперед прохаживались городские констебли с жезлами на плечах. Теперь в столице остались только пожилые стражи порядка: всех молодых отправили на войну. Они старательно вглядывались в толпу, словно бы их старческие глаза способны были угледеть в гуще ее французского или испанского шпиона, собравшегося... ну, скажем, отравить продукты на прилавках... А вот продуктов-то как раз было довольно мало, поскольку, как сказал Барак, многое было конфисковано для нужд армии, да еще и последний год выдался неурожайным. Впрочем, один из прилавков был до отказа чем-то заполнен – как сперва показалось моему изумленному взгляду, горкой овечьего помета. Однако, подъехав поближе, я убедился в том, что это были сливы. С тех пор как король разрешил грабить французские и шотландские суда, на прилавки стала попадать уйма всякого странного товара. Я вспомнил состоявшееся весной празднество, когда пират Роберт Ренегар привел в Темзу испанский корабль, полный сокровищ и золота Индии. Невзирая на ярость испанцев, при дворе его принимали как героя.

Атмосфера на рынке в целом была напряженная: обычные спокойные интонации сменились агрессивными, повсюду разгоралось множество споров. Возле прилавка зеленщика толстая краснощекая женщина тыкала одной из новых монет в лицо торговцу, рассерженно потрясая белыми крыльями чепца.

– Да шиллинг это! – вопила она. – Видишь, на нем нарисована голова его королевского величества!

Усталый зеленщик уперся руками в прилавок и наклонился вперед:

– Твой шиллинг наполовину медный! И стоит он восемь пенсов на старые деньги, если на то пошло! И нечего возмущаться, не я же это придумал! Не возьму я у тебя эту монету, и точка!

– А где, интересно, мне взять другие? Моему мужу заплатили такими за работу! А ты совсем совесть потерял: требуешь пенни за кошелку этой дряни! – Схватив небольшой кочан, покупательница потрясла им в воздухе.

– Бури не дали созреть урожаю! Ты что, не слыхала? И хватит тут орать перед моим прилавком! – Теперь уже кричал и сам торговец, к общему восторгу обступивших место события оборванных ребятишек и тощей, заливавшейся громким лаем собачонки.

Женщина швырнула кочан обратно:

– За такие деньги я найду капусту получше!

– Ну, за эти дерьмовые гроши тебе вообще ничего не продадут!

– И почему всегда страдают простые люди, – проговорила краснолицая уже тише. – Дешевого в этой стране – только наш труд!

Она отвернулась, и я заметил в ее глазах слезы. Собачонка увязалась за несостоявшейся покупательницей, громко таякая и прыгая возле ее оборванной юбки. Оказавшись как раз передо мной, женщина попыталась пнуть псину. Бытие, встревоженный ее движением, сделал шаг назад.

– Осторожнее, матушка! – окликнул я расстроенную даму.

– Вот еще писака-адвокат! – переключилась она на меня. – Горбатая пиявица в судейской мантии! Вот уж у кого семья точно недохнет с голоду! Пожили бы с королем вашим бедняками, как все мы!

Потом, осознав, что ляпнула лишнего, женщина огляделась, однако констеблей поблизости не обнаружилось. Тогда она направилась прочь, хлопая пустой сумкой по юбке.

– Тихо, малыш, – обратился я к коню и вздохнул.

После всех прошедших лет оскорбления по поводу моего нынешнего благосостояния торчали в моем чреве, как острый нож, однако одновременно служили и поводом для смирения. Хотя, подобно прочим джентльменам, я должен был платить налоги, у меня еще оставалось достаточно денег на еду. Ну почему, подумал я, народ смиряется с тем, что король хочет выжать нас всех досуха? Ответ, конечно, гласил, что пришедшие сюда французы обойдутся с нами еще более жестоко.

Я миновал Птичий двор. На углу улицы Трех Иголок слонялась без дела группа из полудюжины подмастерьев в синих балахонах. Запустив пальцы за пояса, они грозно поглядывали по сторонам. Проходивший мимо констебль оставил эту компанию без внимания. Подмастерья, прежде докучавшие властям, теперь превратились в полезных наблюдателей, способных выявлять иноземных шпионов. Такая же вот банда юнцов разгромила дом Гая. Вновь покидая городскую черту через Бишопсгейт, я с горечью подумал: как знать, еду ли я в сумасшедший дом или, напротив, выезжаю из такового?

Я познакомился с Эллен Феттиплейс два года назад, когда посещал одного своего клиента, юношу, который вследствие религиозной мании угодил в Бедлам. Поначалу Эллен казалась мне нормальнее всех остальных. Она исполняла обязанности по уходу за некоторыми из своих собратьев-больных, обращаясь с ними с мягкостью и заботой, и ее уход, безусловно, сыграл свою роль в том, что клиент мой в конце концов выздоровел. Познакомившись с природой ее болезни, я с удивлением узнал, что женщина эта «преживает в полнейшем ужасе перед выходом из стен Бедлама». Я сам был свидетелем того, какой дикий, сопровождавшийся истошными криками испуг вдруг овладевал бедняжкой, когда ей предлагали просто переступить порог больницы. Я проникся к Эллен сочувствием, особенно когда узнал, что она была помещена в Бедлам после того, как на девушку напали и изнасиловали ее около родного дома в Сассексе. С тех пор прошло девятнадцать лет: тогда ей было шестнадцать, а теперь уже исполнилось тридцать пять.

Когда мой клиент вышел из лечебницы, мисс Феттиплейс попросила меня изредка посещать ее и приносить вести из внешнего мира, так как она не имела возможности узнавать их. Я знал, что бедняжку никто не навещает, и согласился на том условии, что Эллен позволит мне вывести ее наружу. С тех пор я опробовал много стратегий, умоляя эту женщину сделать всего один шаг за порог через открытую дверь, притом что мы с Бараком будем поддерживать ее под обе руки, притом что она может сделать это с закрытыми глазами... Однако Эллен сопротивлялась и упиралась с хитростью и упрямством еще большими, чем мои собственные.

Постепенно она стала пользоваться этой хитростью, единственным своим оружием во враждебном мире, и для иных целей. Изначально я обещал посещать ее только «время от времени», однако она с ловкостью записного адвоката обратила эту фразу к собственной пользе. Сперва мисс Феттиплейс уговорила меня приходить к ней раз в месяц, потом – каждые три недели, ибо она изголодалась по новостям, а потом, наконец, срок сократился до двух недель. Если я пропускал визит, то получал известие о том, что Эллен заболела, но всякий раз, поспешив в больницу, неизменно обнаруживал, что она блаженно сидит у огня после внезапного выздоровления, утешая какого-нибудь взбодороженного страдальца. А в последние несколько месяцев до меня вдруг дошло, что ситуацию усугубляет еще один нюанс, который мне следовало бы распознать ранее: Эллен влюбилась в меня.

Люди представляют себе Бедлам этакой мрачной крепостью, в которой безумцы, стеной и звеня цепями, сидят за решетками. Действительно, некоторых там и вправду приковывают цепями, да и стонут тоже многие, однако внутри этого сложенного из серого камня невысокого и длинного строения достаточно уютно. Войдя на территорию лечебницы, сперва попадаешь на просторный двор. В тот день он оказался совершенно пустым, если не считать высокого и худого мужчины в покрытом пятнами сером дублете. Он ходил по кругу вдоль стен двора, не поднимая глаз от земли и торопливо шевеля губами. Должно быть, новый пациент, возможно, человек со средствами, разум которого помутился, а у родственников хватило денег отправить его сюда, чтобы не путался под ногами.

Я постучал в дверь. Мне открыл один из смотрителей по имени Хоб Гибонс, на поясе которого брякала внушительная связка ключей. Коренастый и плотный в свои пять с лишним десятков лет, Гибонс был не более чем тюремщиком. Он не интересовался пациентами, с которыми особо не церемонился, но я умел противостоять и его равнодушию, и жестокости Эдвина Шоумса, главного смотрителя Бедлама. А еще Хоба можно было подкупить. Увидев меня, он осклабился в сардонической улыбке, показав серые зубы.

– Как там Эллен? – спросил я.

– Весела, как ягненок весной, сэр... с той поры как вы сообщили ей о том, что приедете. Ну а до того считала, что подхватила эту самую хворь... как ее... лихорадку. Шоумс уже гневался, глядя на то, как Эллен потеет – а она по-настоящему потела! – решив, что нас закроют на карантин. И тут приносят вашу записку, а через какой-то час ей уже стало лучше. Я бы назвал это чудом – если бы нынешняя церковь разрешала чудеса.

Я вошел внутрь. Даже в этот жаркий летний день в Бедламе было сыро. Налево за полуоткрытой дверью находилась гостиная, в которой за исцарапанным столом играли в кости несколько пациентов. В углу на табуретке, крепко сжимая пальцами деревянную куколку, тихо плакала женщина средних лет. Прочие пациенты не обращали на нее внимания: здесь быстро привыкаешь к подобным вещам. Справа начинался длинный каменный коридор, в который выходили палаты пациентов. Кто-то стучал в одну из дверей изнутри.

– Выпустите меня! – повторял мужской голос.

– А главный смотритель Шоумс у себя? – негромко спросил я у Хоба.

– Нет. Он отправился к попечителю Метвису.

– Мне хотелось бы переговорить с ним после того, как я повидаяюсь с Эллен. Я не могу задержаться здесь больше чем на полчаса. Мне назначено другое свидание, которое я никак не могу пропустить.

Опустив руку на пояс, я звякнул кошельком, многозначительно глянув на Гибонса. Во время своих посещений я всегда давал ему кое-какую мелочишку, чтобы Эллен получала пристойную еду и постель.

– Хорошо, я буду в конторе, – ответил привратник. – А она сейчас у себя в комнате.

Спрашивать, отперта ли дверь ее палаты, было лишним. В отношении этой пациентки можно было с уверенностью сказать одно: бежать отсюда мисс Феттиплейс совершенно точно не намеревалась.

Пройдя по коридору, я постучал. Строго говоря, мне не подобало посещать одинокую женщину без свидетелей, однако в Бедламе обыкновенные правила хорошего тона считались избыточными. Эллен пригласила меня войти. Она сидела на соломенном тюфяке, в чистом голубом платье с большим вырезом, сложив на коленях изящные руки. Узкое лицо ее казалось спокойным, но темно-синие круглые глаза переполняли эмоции. Она вымыла свои длинные каштановые волосы, однако их концы уже начинали сечься. Подобные детали обыкновенно не замечаешь, если испытываешь к женщине хоть какое-то влечение. В этом-то и заключалась проблема.

Мисс Феттиплейс улыбнулась, блеснув крупными белыми зубами:

– Мэтью! Ты получил мою записку? Я была так больна!..

– Теперь тебе лучше? – спросил я. – Гибонс сказал, что у тебя была сильная лихорадка.

– Да. Я боялась лихорадки. – Женщина нервно улыбнулась. – Очень боялась.

Я сел на табурет напротив.

– Мне так хочется услышать свежие новости, – проговорила моя собеседница. – Прошло две с лишним недели с тех пор, когда я в последний раз видела тебя.

– Вообще-то, прошло меньше двух недель, Эллен, – негромко поправил ее я.

– Что слышно о войне? Нам ничего не рассказывают, чтобы не расстраивать. Но старине Бену Тадболлу позволили выйти, и он видел, как мимо проходил огромный отряд солдат...

– Говорят, что французы посылают флот, чтобы вторгнуться к нам. И что герцог Сомерсет повел войско к шотландской границе. Но все это только сплетни. Никто не может сказать ничего определенного. Барак считает, что слухи распускают придворные короля.

– Но это отнюдь не значит, что они могут оказаться ошибочными.

– Верно.

«Какой острый и быстрый ум, – подумалось мне, – как искренне она интересуется миром. И тем не менее застряла здесь...» Посмотрев в сторону выходившего во двор зарешеченного окна, я вслушался в доносившиеся из коридора звуки: кто-то барабанил в дверь и просил выпустить его.

– Видимо, новичок. Очередной бедолага, считающий, что находится в здравом уме, – предположила Эллен.

Атмосфера в ее комнате показалась мне затхлой. Я посмотрел на покрывавший пол слой тростника:

– Его нужно переменить. Надо сказать Хобу.

Посмотрев вниз, мисс Феттиплейс торопливо почесала запястье:

– Да, пожалуй. А то как бы не завелись блохи. Они ведь и людей тоже кусают.

– Почему бы тогда нам не постоять в дверях? – осторожно предложил я. – Посмотри-ка во двор! Солнышко светит вовсю...

Но моя приятельница покачала головой и обхватила себя руками, словно защищаясь от беды:

– Нет, Мэтью, я не могу этого сделать.

– Но ты же могла, когда мы познакомились с тобой, Эллен. Помнишь тот день, когда король женился на королеве? Мы стояли в дверях и слушали церковные колокола.

Женщина печально улыбнулась:

– Если я сделаю это, ты заставишь меня выйти наружу, Мэтью. Или ты думаешь, что я не понимаю этого? Разве ты не видишь, как мне страшно? – В голосе ее прозвучала горькая нотка, и она вновь потупилась. – Ты все не приходишь ко мне... а когда наконец приходишь, начинаешь давить на меня и пытаешься обмануть. Мы так не договаривались.

– Я прихожу к тебе, Эллен. Даже тогда, когда, как теперь, у меня много дел и собственных тревог.

Лицо моей собеседницы смягчилось.

– В самом деле, Мэтью? Что же мучает тебя?

– Да сильно, собственно, ничего не мучает... Эллен, ты и в самом деле хочешь остаться здесь до конца дней своих? – спросил я, а затем, чуть помедлив, добавил: – А что случится, если тот, кто оплачивает твое пребывание здесь, однажды прекратит это делать?

Больная напряглась:

– Я не могу даже говорить об этом. Ты прекрасно знаешь, что подобная перспектива невыносимо терзает меня.

– И как по-твоему, – продолжал я гнуть свою линию, – Шоумс позволит тебе остаться здесь просто из милосердия?

Мисс Феттиплейс вздрогнула, а потом уверенным тоном произнесла, глядя мне в лицо:

– Как тебе известно, я помогаю ему с пациентами. Я умею делать это. Шоумс оставит меня при себе. Это все, чего я хочу от жизни, этого и... – Она отвернулась, и я заметил, что в уголках ее глаз блеснули слезы.

– Ну хорошо, – сказал я. – Только не надо расстраиваться.

Потом, поднявшись, я заставил себя улыбнуться.

Эллен тоже ответила мне бодрой улыбкой.

– А как дела у жены Барака? – спросила она. – Ей еще не пора рожать?

Я оставил мисс Феттиплейс через полчаса, пообещав навестить, прежде чем окончатся две недели. Не через четырнадцать дней, а раньше: она вновь выторговала себе послабление.

Хоб Гибонс ожидал меня в маленьком неопрятном кабинете Шоумса, сидя на табурете за столом и сложив руки на засаленном камзоле.

– Как прошел ваш визит, сэр? – поинтересовался он.

Я закрыл за собой дверь:

– Эллен вела себя как обычно.

Затем я взглянул на смотрителя:

– Сколько же она уже находится здесь? Деятнадцать лет? Согласно правилам, пациенты могут оставаться в Бедламе всего год: считается, что за это время они вылечиваются.

– Коли за больных платят, так их никто не выгоняет. Если только они не доставляют уйму хлопот. А Эллен Феттиплейс не из таких, – отозвался Гибонс.

Я помедлил. Однако решение было принято: мне нужно непременно выяснить, из какой она семьи. Открыв кошель, я достал из него золотой полуэнджел¹⁰, старинную монету. Сумма была крупной.

– Кто оплачивает пребывание Эллен в вашем заведении, Хоб? – спросил я. – Кто именно?

Смотритель решительно покачал головой:

– Вы же знаете, что этого я вам сказать никак не могу.

¹⁰ *Энджел* — золотая монета с изображением ангела, выпускавшаяся во Франции и в Англии; во времена Генриха VIII стоимость энджела составляла 6 шиллингов 8 пенсов.

– За то время, которое я посещаю здесь мисс Феттиплейс, мне удалось узнать только то, что на нее напали в Сассексе и изнасиловали, когда ей не было и двадцати. Я установил также, что прежде Эллен жила в местечке под названием Рольфсвуд.

Гибонс, прищурившись, посмотрел на меня и негромким голосом спросил:

– Как вам удалось это выяснить?

– Однажды я рассказывал мисс Феттиплейс о ферме моего отца возле Личфилда и упомянул про великое зимнее наводнение двадцать четвертого года. Она сказала тогда: «Я была еще девочкой. Помню, у нас в Рольфсвуде...» После чего заперла рот на замок. Однако я принялся расспрашивать и выяснил, что Рольфсвуд – это небольшой городок в кузнечном районе Сассекса, возле границы с Хэмпширом. Впрочем, Эллен так ничего больше и не сказала, ни о своей семье, ни о том, что с ней случилось. – Я пристально посмотрел на Гибонса. – Может быть, на нее напал кто-то из собственных родственников? И поэтому ее никто не посещает?

Хоб с сожалением посмотрел на монету, которая все еще оставалась в моей руке, а потом перевел взгляд на меня.

– Ничем не могу помочь вам, сэр, – проговорил он веско и неторопливо. – Мастер Шоумс особенным образом подчеркивал, чтобы мы никого не расспрашивали о происхождении Эллен.

– У него должны быть записи. Возможно, вон там, – кивнул я в сторону стола.

– Стол заперт, и я уж точно не собираюсь взламывать его.

Однако эту загадку все-таки следовало распутать.

– Сколько стоят эти сведения, Хоб? – спросил я напрямик. – Назовите свою цену.

– Можете ли вы заплатить столько, сколько мне потребуется, чтобы дожить до конца дней своих? – внезапно побагровев от гнева, воскликнул Гибонс. – Если я узнаю правду и скажу вам, меня обязательно вычислят. Шоумс помалкивает насчет мисс Феттиплейс, а это значит, что у него есть на сей счет инструкции свыше. От попечителя Метвиса. Меня выгонят. Я потеряю крышу над головой и работу, которая кормит меня и наделяет кое-какой властью в этом мире, не знаящем жалости к беднякам. – Хоб хлопнул по связке ключей на поясе, заставив их звякнуть. – И все потому, что у вас не хватает решительности сказать Эллен, чтобы не строила понапрасну планы: ей ведь хватает глупости думать, что вы переспите с ней в этой комнате. Разве вы не знаете, что здесь всем известна ее безумная страсть к вам? – нетерпеливым тоном добавил он. – Ведь эта любовь стала поводом для шуток во всем Бедламе!

Я почувствовал, что краснею:

– Она хочет совсем не этого. Разве подобное возможно после того, что с ней случилось?

Смотритель пожал плечами:

– Судя по тому, что мне говорили, некоторые женщины в ее положении становятся даже более охочи до плотских утех. А зачем ей иначе упорно заманивать вас сюда? Что еще Эллен может от вас потребоваться?

– Не знаю. Быть может, она мечтает о возвышенной, как в рыцарских романах, любви.

Мой собеседник усмехнулся:

– Так эти вещи называют образованные. Скажите ей напрямик, что вы не заинтересованы в этом. Облегчите жизнь и себе, и всем прочим.

– Я не могу этого сделать, это будет жестоко. Мне нужно найти какой-то выход из ситуации, Хоб. Надо выяснить, кто ее родственники.

– Не сомневаюсь, что у адвокатов есть собственные способы докапываться до истины, – прищурился Гибонс. – Вам известно, что мисс Феттиплейс действительно больна. Дело не только в ее отказе выйти отсюда. Возьмем все эти придуманные болезни, а еще можно послушать, как она плачет и бормочет в своей комнате по ночам. Послушайтесь доброго совета: уходите и не возвращайтесь сюда более. Пришлите посыльного с известием о том, что вы женились, умерли, отправились на войну с французами...

Я понял, что со своей стороны Гибонс и впрямь пытается дать мне наилучший совет. Впрочем, оптимальный для меня, но не для Эллен, которая ничего для него не значила.

– Но что будет с мисс Феттиплейс, если я поступлю подобным образом?

Смотритель пожал плечами и внимательно посмотрел на меня:

– Ей станет хуже. Но можно ей вообще ничего не говорить... Или, быть может, вы просто боитесь решительных действий?

– Гибонс, не забываетесь, – резким тоном оборвал я собеседника.

Тот пожал плечами:

– Ну, во всяком случае, могу сказать вам, что, если у наших подопечных в головах заводится навязчивая идея, изгнать ее оттуда уже попросту невозможно. Поверьте мне, сэр, я провел здесь целых десять лет! И знаю, каковы они на самом деле.

Я отвернулся:

– Что ж, до встречи. Буду у вас примерно через неделю.

Хоб вновь пожал плечами:

– Вот и хорошо, надеюсь, это ее успокоит. Во всяком случае, пока.

Оставив кабинет, я вышел наружу через главную дверь, плотно прикрыв ее за собой. Приятно было оказаться вне стен этого заведения, уж больно затхлой и промозглой была там атмосфера. Я подумал, что правду об Эллен все равно необходимо выяснить, нужно только найти правильный способ.

Глава 3

Я вернулся домой, быстро переоделся в лучшую одежду и направился к причалу, чтобы найти лодку, которая доставит меня на десять миль вверх по реке, в Хэмптон-корт. Прилив помогал нам двигаться быстрее, однако знойное утро не сулило лодочнику ничего хорошего. За Вестминстером мы миновали множество спускавшихся вниз по течению барж, груженных всяческими припасами – тюками с одеждой, зерном из королевских запасов... На палубе одной из них я увидел сотни длинных луков. Обливавшийся потом лодочник не был склонен к разговорам, и я приглядывался к окрестным полям. Обыкновенно в эту пору колосья уже становились золотыми, однако сейчас были еще зелеными: сказывалась непогода последних недель.

Посещение Эллен оставило тяжелый след в моей памяти – в особенности слова Хоба о том, что у адвокатов есть собственные способы докапываться до истины. Мысль о том, что теперь придется действовать за ее спиной, была мне ненавистна, однако нужно же что-то сделать, рассудил я, дальше так продолжаться не может.

Наконец перед нами возникли высокие кирпичные башни Хэмптон-курта; поблескивавшие на солнце вызолоченные фигуры львов и разных мифических тварей венчали печные трубы. Я высадился на пристани, где несли караул вооруженные алебардами солдаты. С тяжелым сердцем я посмотрел вдоль широкой лужайки на бывший дворец опального кардинала Томаса Уолси – дворец, который Генрих VIII сделал собственной резиденцией, а затем показал свое письмо одному из караульных. Низко поклонившись, он подозвал к себе другого стражника и приказал проводить меня во дворец.

Я невольно поежился, припомнив единственный свой предыдущий визит в Хэмптон-корт к архиепископу Кранмеру¹¹ после того, как тот был по ложному обвинению заточен в Тауэр. Я слышал, что сейчас Кранмер находится в Дувре: рассказывали, якобы он принимал там парады, сидя в панцире верхом на коне. Удивительный поступок, впрочем ничуть не более странный, чем многое, что творится в наши дни. Сам король, как я узнал от стражника, пребывал в Уайтхолле, так что, по крайней мере, встреча с ним мне не грозила. Однажды вышло так, что я не угодил монарху, а Генрих такого не забывал. Оказавшись перед широким дубовым дверным проемом, я помолился Богу, в которого, можно сказать, уже и не верил, о том, чтобы королева не забыла о своем обещании и чтобы предмет нашей беседы, какие бы услуги ни потребовались от меня Екатерине, не оказался связанным с политикой.

По винтовой лестнице меня провели внутрь. Я откинул с лица капюшон, как только мы оказались в помещении, по которому деловито сновали туда-сюда слуги и сановники, по большей части с кокардой святой Екатерины на головных уборах. Мы миновали следующую комнату, а потом еще одну. По мере того как мы приближались к покоям королевы, во дворце становилось все спокойнее. Здесь видны были знаки недавнего ремонта – свежей краски на стенах и украшенных причудливыми карнизами потолка. Широкие гобелены так блистали яркими цветами, что глазам было почти больно. Укрывавший пол слой тростника был усыпан сверху свежими ветками и травами, и воздух наполняла смесь божественных ароматов: миндаля, лаванды, розы... Во второй комнате в просторных клетках перепархивали с места на место и чирикали попугаи. Еще в одной клетке содержалась обезьянка: она как раз карабкалась по прутьям, но замерла на месте, уставившись на меня огромными глазами на морщинистом старушечьем лице. Мы остановились перед очередной дверью, возле которой находи-

¹¹ *Томас Кранмер* (1489–1556) – вождь английской Реформации, архиепископ Кентерберийский при Генрихе VIII, Эдуарде VI и Марии I. Устроил развод Генриха с Екатериной Арагонской, что повлекло за собой отделение английской церкви от римского престола. Вместе с Томасом Кромвелем выступал за приоритет королевской власти над церковью в своей стране.

лась стража. Над нею золотом был выложен девиз королевы: «Быть полезной в своих делах». Стражник отворил дверь, и я наконец попал в приемную.

Это было, так сказать, внешнее святилище – личные комнаты ее величества находились дальше, позади еще одной двери, охранявшейся солдатом с алебардой. После двух лет супружества королева Екатерина по-прежнему сохранила благоволение Генриха: отправившись в прошлом году во главе своих войск во Францию, он назначил ее регентшей. Тем не менее, памятуя о судьбе прежних жен монарха, я невольно подумал, что по первому его слову вся эта охрана может в любой момент превратиться в тюремщиков.

Стены приемной украшали новые обои с причудливыми гирляндами листьев на зеленом фоне. Комната была обставлена элегантно: столы с вазами, полными цветов, и кресла с высокими спинками. Здесь находилось всего два человека. Женщина в простом платье василькового цвета, чьи седеющие волосы прикрывал белый чепец, полупривстав в своем кресле, оделила меня опасливым взглядом. Разделявший ее общество высокий и худощавый мужчина в адвокатской мантии легким движением прикоснулся к плечу дамы, давая ей таким образом знак оставаться на месте. Мастер Роберт Уорнер, солиситор королевы, узкое лицо которого обрамляла длинная, уже начинавшая сесть борода, хотя он и был моим ровесником, подошел ко мне и подал руку:

– Брат Шардлейк, спасибо за то, что пришли.

Как будто я мог отказаться! Однако мне было приятно видеть его: Уорнер всегда держался со мной дружелюбно.

– Как поживаете? – поинтересовался он.

– Неплохо. А вы?

– Хорошо, вот только чрезвычайно занят в данный момент.

– А как обстоят дела у ее величества?

Я заметил, что седоволосая женщина внимательно смотрит на меня и при этом слегка дрожит.

– Прекрасно. Я проведу вас к ней. У королевы сейчас леди Елизавета.

В богато украшенном личном покое сидели четыре в пух и прах разодетые камеристки с кокардами королевы на капюшонах. Они устроились с шитьем у окна, за которым располагались дворцовые сады, образцовые цветочные клумбы, пруды с рыбами и изваяния геральдических животных. Все женщины поднялись и коротко кивнули мне, отвечая на мой приветственный поклон.

Королева Екатерина Парр восседала посреди комнаты в красном, крытом бархатом кресле под алым балдахином. Возле ее ног устроилась девочка лет одиннадцати, гладившая спаниеля. Бледное лицо этого ребенка обрамляли длинные темно-рыжие волосы, а ее платье зеленого шелка дополняла нитка жемчуга. Я понял, что это и есть леди Елизавета, младшая дочь короля от Анны Болейн. Мне было известно, что король восстановил Елизавету и ее сводную сестру Марию, дочь Екатерины Арагонской, в линии престолонаследования – причем, как утверждали, сделал сие по настоянию теперешней королевы. Однако обе девушки по-прежнему оставались в статусе бастардов и потому именовались просто леди, а не принцессами. Но если двадцатилетняя Мария, бывшая второй претенденткой на трон после молодого принца Эдуарда, уже являлась видной фигурой при дворе, то Елизавета, презируемая и отвергнутая отцом, редко появлялась на людях.

Мы с Уорнером низко поклонились. После недолгой паузы королева произнесла сочным и чистым голосом:

– Приветствую вас, добрые джентльмены!

Еще до брака с монархом Екатерина Парр всегда одевалась очень элегантно, но теперь она была просто великолепна в своем платье из серебряной и красно-коричневой ткани, расшитом золотыми прядами. На груди ее сверкала золотая брошь, усыпанная жемчугами. Лицо

королевы, скорее просто привлекательное, чем хорошенькое, было слегка припудрено, а золотисто-рыжие волосы прятались под круглым французским капюшоном. Екатерина смотрела на нас приветливо и доброжелательно, а строгий с виду рот тем не менее производил такое впечатление, будто бы она может в любой момент улыбнуться или даже от души рассмеяться посреди всего этого чопорного великолепия.

Обратившись к Уорнеру, королева спросила:

– Она ждет снаружи?

– Да, ваше величество.

– Посидите с ней, я скоро ее призову. Она что, по-прежнему волнуется?

– Очень.

– Тогда, по возможности, успокойте ее.

Поклонившись, Уорнер покинул комнату. Я заметил, что девочка, не переставая гладить собаку, внимательно изучает меня. Королева посмотрела на нее и улыбнулась:

– Да, Елизавета, это и есть мастер Шардлейк. Задавай свой вопрос, а потом тебе следует вернуться к занятиям стрельбой из лука. Мастер Тимоти уже будет ждать тебя. – Королева пояснила мне со снисходительной улыбкой: – Леди Елизавета хочет кое-что узнать про адвокатов.

Я нерешительно повернулся к девочке. При таком длинном носе и подбородке ее трудно было назвать хорошенькой. Синие глаза смотрели пронзительно, как и у ее отца. Только, в отличие от Генриха, в глазах Елизаветы не угадывалось никакой жестокости, там сквозило лишь напряженное, пытливое любопытство. Пожалуй, смелый взгляд для ребенка, однако это дитя нельзя было назвать обыкновенным.

– Сэр, – произнесла девочка чистым и серьезным голосом, – я знаю, что вы являетесь адвокатом и что моя дорогая матушка считает вас хорошим человеком.

– Благодарю вас, – ответил я, удивившись про себя: «Надо же, Елизавета зовет нынешнюю королеву матерью!»

– Тем не менее я слышала, что адвокатов считают скверными людьми, не знающими нравственности, одинаково готовыми взяться за дело и плохого человека, и хорошего, – продолжил ребенок. – Говорят, что дома адвокатов построены на головах глупцов и что они используют путаные места закона как сеть, улавливая ею людей. Что вы скажете на это, сэр?

Серьезное выражение на лице девочки говорило, что она вовсе не собирается посмеяться надо мной, а действительно хочет услышать ответ. Я глубоко вздохнул:

– Миледи, меня учили тому, что адвокату положено, невзирая на лица, вести дело любого клиента. Адвокат обязан быть, так сказать, нейтральным, ибо любой человек, добрый или злой, имеет право на то, чтобы его дело было верно изложено в Королевском суде.

– Однако у адвоката должна быть совесть, сэр, ему положено знать в сердце своем, справедливо или нет дело той стороны, которую он защищает! – пылко воскликнула юная королевская дочь. – Если к вам придет некий человек и вы увидите, что он руководствовался в своих поступках злобой и недоброжелательством, вы ведь не станете действовать против его противника таким же образом, желая просто запутать несчастного в терновых объятиях закона ради получения вознаграждения?

– Мастер Шардлейк по большей части ведет дела бедняков, Елизавета, – мягко вступила в разговор королева. – В палате прошений.

– Но, мама, ведь дело бедного человека точно так же может оказаться несправедливым, как и дело богатого?

– Действительно, закон – вещь путаная, – признал я, – быть может, и в самом деле чересчур сложная для блага рода людского. Справедливо также, что некоторые мои коллеги покоряются жадности и думают об одних только деньгах. И все же долг требует от адвоката найти справедливые и разумные моменты в деле своего клиента, дабы он мог уверенно защи-

щать его интересы. Таким образом, адвокат может успокоить свою совесть. А справедливое решение принимают судьи. И справедливость – это великая вещь.

Внезапно Елизавета победоносно улыбнулась:

– Благодарю вас за ответ, сэр, я обдумаю его. Я задала сей вопрос только потому, что хочу учиться. – Она помедлила. – И все же я полагаю, что найти правосудие непросто.

– В этом, миледи, я совершенно с вами согласен.

Екатерина прикоснулась к руке девочки:

– Теперь тебе надо идти, иначе мастер Тимоти возьмется за поиски. А мы с сержантом¹² Шардлейком займемся делом. Джейн, ты проводишь ее?

Елизавета кивнула и улыбнулась королеве, на мгновение превратившись в обыкновенного ребенка своих лет. Я вновь низко поклонился. Одна из камеристок подошла к девочке и проводила ее к двери. Юная леди шла неторопливым, сдержанным шагом. Собачка решила было последовать за ней, но королева велела животному остаться. Камеристка постучала в дверь, та открылась, и они с Елизаветой исчезли за ней.

После этого Екатерина повернулась ко мне и протянула узкую, в кольцах руку для поцелуя.

– Вы дали хороший ответ, – кивнула она, – однако, быть может, наделили своих собратьев-адвокатов слишком большой самостоятельностью.

– Да. Боюсь, я несколько все упростил, – не стал отрицать я. – Но леди Елизавета всего лишь дитя, хотя и воистину удивительное. Разговаривать с нею интереснее, чем со многими взрослыми.

Королева вдруг рассмеялась, блеснув ровными белыми зубами:

– В гневе она ругается, как солдат! На мой взгляд, этому содействует мастер Тимоти. Но согласна, Елизавета и вправду удивительный ребенок. Она очень наблюдательна. Мастер Гриндал, наставник принца Эдуарда, занимается также и с ней и говорит, что более смысленной ученицы у него никогда не было. А еще эта девочка столь же ловка в физических упражнениях, как и в науках. Она уже следует за охотой и читает новый трактат Роджера Аскэма о стрельбе из лука. Однако иной раз Елизавета сидит задумавшись, и вид у нее при этом такой несчастный и растерянный... – Королева печально посмотрела в сторону закрывшейся двери, и на мгновение я увидел знакомую мне Екатерину Парр: напряженную, испуганную, отчаянно стремящуюся поступить правильно. – Хотя, возможно, я просто сгущаю краски...

– Мир – опасное и ненадежное место, ваше величество, – проговорил я. – Здесь нельзя оказаться слишком бдительным.

– Вы правы. – Слова моей собеседницы сопровождала полная понимания улыбка. – И теперь вы боитесь того, что я вновь отправлю вас в самую гущу наихудших его опасностей. Это заметно невооруженным глазом. Но я никогда не нарушаю данных мною обещаний, мой добрый Мэтью. Я приготовила для вас дело, которое не имеет ничего общего с политикой.

Я склонил голову:

– Вы видите меня насквозь. Даже не знаю, что и сказать.

– Тогда не говорите ничего. Кстати, как обстоят ваши дела?

– Очень даже неплохо.

– Находите ли вы сейчас хоть немного времени для занятий живописью?

Я покачал головой:

– В прошлом году случалось, но теперь... – И, помолчав, я добавил: – Слишком многие заинтересованы в моих услугах.

– Я вижу следы забот на вашем лице.

¹² *Сержанты юриспруденции* представляли собой высший разряд барристеров в английском суде, небольшую элитную группу адвокатов, носивших специальную одежду, основным отличием которой являлась особая шапочка.

Карие глаза королевы были столь же проницательны, как и взгляд Елизаветы.

– Это всего лишь те морщины, что приходят с возрастом. Впрочем, над вашим лицом он не властен, ваше величество.

– Если у вас когда-либо возникнут сложности, то я помогу всем, чем только возможно: вам прекрасно известно об этом.

– Меня тревожит одно небольшое дело личного характера...

– Сердечное, надо полагать?

Я посмотрел на сидевших возле окна дам, осознавая, что королева говорит достаточно громко для того, чтобы они могли ее слышать. Ни у одной из них не будет основания донести, что Екатерина Парр имела приватный разговор с неприятным Генриху человеком.

– Нет, ваше величество, – ответил я. – Речь идет совсем о другом.

Королева кивнула, на мгновение в задумчивости нахмурилась, а затем спросила:

– Мэтью, а вам случалось взаимодействовать с Сиротским судом?

Я с удивлением посмотрел на нее:

– Нет, ваше величество.

Суд по делам опеки был учрежден королем несколько лет назад для управления имуществом состоятельных сирот, подпадавших под его юрисдикцию. Не было судебной палаты более продажной и более далекой от всякого правосудия. Именно там, кстати, подумал я, должны находиться документы, удостоверяющие безумие Эллен, ибо опека короля распространялась также и на умалишенных.

– Ну, не важно. Для ведения дела, которое я хочу поручить вам, в первую очередь требуется честный человек, а вам известно, каковы адвокаты, специализирующиеся на опеке. – Ее величество наклонилась вперед. – Возьметесь ли вы за такое дело? Ради меня? Мне бы хотелось, чтобы им занялись именно вы, а не мастер Уорнер, потому что у вас больше опыта в защите простых людей.

– Мне придется освежить в памяти принятые там процедуры. Но впрочем, да, возьмусь.

Екатерина кивнула:

– Спасибо. Вы должны знать еще одну вещь, прежде чем я приглашу вашего нового клиента. Мастер Уорнер говорил мне, что при рассмотрении дел, связанных с опекой, адвокатам приходится путешествовать – ездить в те края, где живут юные подопечные, чтобы собрать... как это называется? Заявления?

– Показания. Это можно сказать о любом суде, ваше величество.

– Мальчик, о котором пойдет речь, живет в Хэмпшире, неподалеку от Портсмута.

Я подумал, что дорога туда из Лондона как раз проходит через Западный Сассекс, родные края Эллен.

Чутьочку помедлив, королева продолжила, старательно подбирая слова:

– Окрестности Портсмута в ближайшие несколько недель могут оказаться не самым безопасным местом для путешествия.

– Из-за французов? Говорят, что они могут высадиться где угодно.

– У нас есть свои шпионы во Франции, и они утверждают, что вторжение готовится именно в Портсмуте. Скорее всего, хотя полной уверенности нет. Я не хочу поручать вам это дело, заранее не предупредив обо всем, ибо мастер Уорнер говорит, что показания в данном случае потребуются обязательно.

Я посмотрел на королеву, ощущая, насколько сильно она желает, чтобы именно я взялся за это дело. А если мне заодно удастся проехать через Рольфсвуд...

– Меня это не пугает, ваше величество, – сказал я Екатерине. – Всегда рад услужить вам.

– Спасибо. – Благодарно улынувшись мне, она повернулась к дамам. – Джейн, будьте любезны пригласить миссис Кафхилл. – Итак, – снова негромко обратилась ее величество ко мне, – Бесс Кафхилл, встреча с которой вам сейчас предстоит, была моей служанкой в прежние

времена, когда я еще являлась леди Латимер. Она ведала одним из наших поместий: сперва на севере, а потом в Лондоне. Эта добрая и верная женщина недавно претерпела огромную утрату. Будьте с нею помягче. Если кто-то и заслуживает справедливости, так это Бесс.

Камеристка вернулась в обществе женщины, которую я видел в приемной. Невысокая и хрупкая на вид, она шла нервной походкой, крепко стиснув руки.

– Подойди сюда, добрая Бесс, – произнесла королева самым приветливым тоном. – Это мастер Шардлейк, опытный адвокат. Джейн, придвиньте, пожалуйста, кресло. И сержанту Шардлейку тоже.

Миссис Кафхилл опустилась в мягкое кресло, а я уселся напротив нее. Она обратила ко мне пристальный взгляд своих чистых серо-голубых глаз, блестящих на морщинистом несчастном лице, и нахмурилась на секунду, быть может заметив, что имеет дело с горбуном. Потом женщина перевела взгляд на королеву и явно смягчилась при виде собачки.

– Его зовут Риг, – проговорила Екатерина. – Правда, красавчик? Погладь-ка его, Бесс!

Неуверенным движением миссис Кафхилл протянула вперед руку и прикоснулась к животному. Песик немедленно завил плоским хвостом.

– Бесс всегда любила собак, – обратилась ко мне королева, и я понял, что она придержала при себе Рига для того, чтобы помочь своей старой служанке расслабиться. – А теперь, Бесс, – продолжила Екатерина, – поведай сержанту Шардлейку все, что знаешь. И не бойся. Он будет твоим верным другом. Рассказывай ему так, как рассказывала мне.

Откинувшись назад, пожилая дама с тревогой посмотрела на меня.

– Я вдова, сэр, – начала она негромким голосом. – У меня был единственный сын Майкл, прекрасный и добрый мальчик.

Глаза ее наполнились слезами, однако она решительно смахнула их и продолжила:

– Он был очень умным и благодаря милости леди Латимер – прошу прощения, благодаря доброте королевы был принят в Кембридж. – В голосе ее прозвучала гордость. – Закончив учение, Майкл вернулся в Лондон и получил место наставника в семействе торговцев по фамилии Кертис. Они жили в доме у Болотных ворот.

– Вы должны были гордиться сыном, – заметил я.

– Я и гордилась им, сэр.

– Когда это было?

– Семь лет назад. Майкл был вполне счастлив. Мастер Кертис торговал тканями. Он и его жена оказались добрыми людьми, достаточно состоятельными. И, помимо своего лондонского дома, купили небольшой лес, ранее принадлежавший крохотному приорству в Хэмпшире, в сельской местности к северу от Портсмута. Это было как раз в ту пору, когда закрывались все монастыри.

– Я отлично помню то время.

– Майкл сказал, что монахи жили в роскоши на деньги от продажи леса. – Старая служанка нахмурилась и покачала головой. – Эти монахи и монахини были скверными людьми, как известно королеве.

Итак, Бесс Кафхилл очевидным образом принадлежит к сторонникам Реформации.

– Расскажи мастеру Шардлейку о детях, – напомнила Екатерина.

– У Кертисов было двое детей, Хью и Эмма. Девочке, если не ошибаюсь, тогда исполнилось двенадцать, Хью был на год моложе. Однажды Майкл привез их ко мне в гости, а потом я еще встречалась с ними, когда сама навещала сына. – Бесс ласково улыбнулась. – Такие хорошие ребяташки, брат и сестра. Оба высокие, со светло-каштановыми волосами, спокойные и милые. Отец их был добрым реформатором, человеком нового мышления. Он научил Эмму и Хью латыни и греческому языку, а также приобщил их к физическим упражнениям. Мой сын знал толк в стрельбе из лука и обучал ей обоих детей.

– Ваш сын любил их?

– Как своих собственных. Вы знаете, бывает, что в богатых домах испорченные дети могут превратить жизнь своих наставников в ад, однако Хью и Эмма обожали учиться. Майкл, во всяком случае, даже считал их слишком серьезными, но родители поощряли такое усердие: они хотели, чтобы наследники выросли образованными людьми. Мой сын полагал, что мастер Кертис и его жена были очень близки со своими детьми. Они так их любили. В общем, все было хорошо. И тут... – Бесс вдруг умолкла, уставившись на собственные колени.

– Что же случилось? – спросил я негромко.

Когда пожилая дама вновь посмотрела на меня, горе буквально опустошило ее глаза.

– На второе лето, когда Майкл был с ними в Лондоне, началось чумное поветрие. Кертисы решили отправиться в Хэмпшир, в собственное поместье. Ехать они собирались вместе с друзьями, еще одним семейством, которое приобрело здания старого монастыря и остаток земель. Их фамилия Хоббей. – Последнее слово она едва ли не выплюнула.

– И что же это были за люди? – спросил я.

– Николас Хоббей также торговал тканями. Он перестроил монастырь в жилой дом, и семья мастера Кертиса намеревалась некоторое время погостить у них. Майкл также собирался в Хэмпшир. Они уже паковали вещи в дорогу, когда мастер Кертис вдруг обнаружил у себя под мышкой чумные бубоны. Едва его уложили в постель, как свалилась и его жена. Через день оба скончались. Как и их управляющий, тоже очень хороший человек. – Миссис Кафхилл тяжело вздохнула. – Ну, да вы знаете, как это происходит.

– Да. Так случается не только с чумным поветрием, но со всякой болезнью, рожденной злыми гуморами Лондона. – Я вспомнил о Джоан.

– К счастью, Майкл и дети уцелели. Хью и Эмма были раздавлены горем и, постоянно пребывая в слезах, искали утешения друг у друга. Мой мальчик понятия не имел, что с ними станет: близких родственников у детей не было. – Миссис Кафхилл стиснула зубы. – И тут явился Николас Хоббей. Если бы не эта семейка, мой сын был бы до сих пор жив! – Она посмотрела на меня, и глаза ее внезапно наполнились яростью.

– А вы сами когда-либо встречались с мастером Хоббеем? – уточнил я.

– Нет. Я знаю лишь то, что рассказывал мне Майкл. Он сказал, что сначала мастер Кертис, желая выгодно вложить капитал, намеревался купить монастырь со всеми землями, однако потом решил, что это ему, пожалуй, не по карману. И позвал в долю мастера Хоббея, которого знал по гильдии торговцев тканями. Николас несколько раз приходил к обеду, чтобы обсудить, как лучше разделить земли между двумя семьями, и в результате Хоббей приобрел меньшую часть леса и здания монастыря, который собирался превратить в свой загородный дом. Мастер Кертис ограничился покупкой леса, взяв себе, однако, более обширную его часть. За это время Николас подружился с мастером Кертисом и его женой. Он показался Майклу двуличным человеком: из тех, что придерживаются реформистских взглядов в обществе богобоязненных людей, но в то же время способны вести торговые переговоры с папистами, перебирая четки. Что же касается его супруги, миссис Абигайль, то мой сын сказал, что эта женщина просто безумна.

Снова безумие!

– И в чем же это проявлялось? – поинтересовался я.

Моя собеседница покачала головой:

– Не знаю. Майкл не любил говорить со мной о подобных вещах. – Помедлив, она продолжила: – Мастер и миссис Кертис умерли слишком быстро и потому не успели составить завещание. Вот почему все сделалось таким неопределенным. Однако уже вскоре после их смерти мастер Хоббей явился с адвокатом и сказал моему сыну, что будущее детей устроено.

– Вам известно имя адвоката?

– Дирик. Винсент Дирик.

– Вы знаете его, Мэтью? – спросила меня королева.

– Немного знаю. Он барристер в Иннер-Темпл. И за прошедшие годы не раз представлял в судах интересы лендлордов в Суде палаты прошений, выступая моим противником. Хорош в споре, однако может быть излишне агрессивен. Я и не подозревал, что он также занимался опекой.

– Майкл опасался этого человека, – вставила миссис Кафхилл. – Вместе с викарием Кертисов мой сын пытался найти родственников Хью и Эммы, однако тут мастер Николас заявил, что купил опеку над детьми. Дом Кертисов был назначен к продаже, а брат с сестрой должны были перебраться в дом Хоббеев на Шу-лейн.

– Похоже, все было сделано слишком поспешно, – заметил я.

– Тут явно сыграли свою роль деньги, – прокомментировала королева.

– И сколько же там было земли? – задал я еще один вопрос.

– Всего, если не ошибаюсь, около двадцати квадратных миль. Доля детей составляла свыше двух третей, – ответила Бесс.

Солидный участок...

– А вам известно, сколько Хоббей заплатил за опеку? – продолжил я расспросы.

– Как будто бы восемьдесят фунтов.

Слишком дешево, на мой взгляд. Я подумал о том, что, выкупив опеку над Хью и Эммой, Хоббей получил право распоряжаться их долей леса. В Хэмпшире, вблизи Портсмута, существовала значительная потребность в корабельном лесе, да и вдобавок расширяющееся производство железа в Сассекской пуше тоже постоянно нуждалось в топливе.

Бесс между тем продолжала:

– Мастер Хоббей намеревался приставить к детям собственного учителя, однако Хью и Эмма очень привязались к моему сыну. Дети попросили нового опекуна оставить Майкла, и тот согласился.

Пожилая дама беспомощно всплеснула руками:

– Помимо меня, Кертисы были единственными близкими Майклу людьми. Мой мальчик был полон душевной щедрости: ему следовало бы жениться, однако по какой-то причине он этого не сделал. – Голос ее дрогнул.

Однако затем, снова овладев собою, миссис Кафхилл продолжила бесцветным тоном:

– В общем, детей перевезли к опекуну, а дом, в котором они прожили всю свою жизнь, продали. Надо думать, полученные деньги были переданы в Сиротский суд.

– Верно, это обычная в таких случаях процедура. Итак, миссис Кафхилл, ваш сын переехал вместе с детьми на Шу-лейн...

– Да. В доме Хоббеев ему не понравилось. Он оказался небольшим и темным. Кроме того, Майкл получил нового ученика. Отпрыска Хоббеев, Дэвида. – Моя собеседница глубоко вздохнула. – Сын говорил мне, что это был избалованный и испорченный ребенок, ровесник Эммы. Глупый и жестокий, он всегда придирался к Хью и Эмме, говорил, что чужих детей в этом доме терпят только из милости, что родители его совершенно их не любят. Надо думать, парень не врал. На мой взгляд, мастер Хоббей стал опекуном не по доброте душевной, а с корыстной целью, чтобы получать доходы с земель подопечных.

– Но, Мэтью, разве это законно? – спросила королева.

– Незаконно. Опекун обязан распоряжаться землями подопечного... содержать их в порядке. Но он не может извлекать из них выгоды. Хотя так бывает отнюдь не всегда. Кроме того, опекун получает право найти девушке мужа по собственному усмотрению, – добавил я задумчивым тоном.

Бесс опять взяла слово:

– Майкл не на шутку опасался, что Хоббеи захотят выдать Эмму за Дэвида, чтобы ее доля земли перешла к их семейству. Эти бедные дети, Хью и Эмма, всегда держались друг друга, ведь у них не было никого в целом свете, кроме моего сына, который искренне желал обоим

добра. Майкл говорил мне, что Хью однажды подрался с Дэвидом, когда тот сказал его сестре нечто неподобающее. Ей исполнилось всего тринадцать лет. Дэвид был крепким мальчишкой, но Хью побил его. – Она вновь пристально посмотрела на меня. – Я сказала Майклу, что он слишком печется о Хью и Эмме и что он при всем желании не может заменить им отца и мать. А потом... – лицо ее вновь померкло, – потом дом Хоббеев посетила оспа.

Королева склонилась вперед и сочувственно накрыла ладонью руку своей бывшей служанки.

– Заболели все трое детей, – продолжила та каменным тоном. – Из страха перед заразой Майклу было запрещено посещать их комнаты. Ходить за Хью и Эммой было поручено слугам, однако за Дэвидом мать ухаживала сама: она постоянно рыдала и зывала к Богу, умоляя Его проявить милость к ее мальчику. Хотя... я и сама поступила бы так же, если бы речь шла о Майкле. – Помедлив, миссис Кафхилл полным ярости тоном проговорила: – В результате Дэвид выздоровел, даже ни единого следа не осталось! Хью тоже остался жить, однако его изрытое оспинами лицо потеряло прежнюю красоту. А вот маленькая Эмма умерла.

– Мне очень жаль, – заверил я пожилую даму.

– А затем, буквально через несколько дней, мастер Хоббей объявил моему сыну, что его жена более не желает жить в Лондоне. Они навсегда уезжают в свой дом в Хэмпшире, и в услугах его более не нуждаются. Майклу даже не удалось снова увидеть Хью – того вместе с Дэвидом все еще держали в карантине. Моему мальчику позволили лишь побывать на похоронах бедной Эммы. Увидев, как ее маленький гробик опустили в землю, Майкл уехал в тот же самый день. Он сказал, что слуги сожгли одежду Эммы в саду, на тот случай, если в ней сохранились опасные болезнетворные гуморы.

– Ужасная история, – осторожно произнес я. – Смерть, жадность... и жертвой их стали дети. Однако, миссис Кафхилл, ваш сын не мог ничего поделать в этой ситуации!

– Я знаю, – кивнула Бесс. – Мастер Хоббей дал Майклу хорошие рекомендации, и тот нашел себе в Лондоне новое место. Он написал Хью, однако получил только официальный ответ от Николаса, который извещал, что Хью в переписку с ним вступать не будет, так как они пытаются наладить для мальчика в Хэмпшире новую жизнь, а все бывшее оставить в прошлом. – Голос ее возвысился. – Какая жестокость после всего того, что Майкл сделал для этих детей!

– Действительно, – согласился я.

Тем не менее в позиции Хоббея был, на мой взгляд, определенный смысл. Как-никак в Лондоне бедный Хью потерял всю семью.

А Бесс продолжила прежним невыразительным тоном:

– В конце прошлого года Майклу предложили в Дорсете место преподавателя при детях крупного землевладельца. Хотя миновали годы, однако память о маленьких Кертисах все это время не покидала его. Он часто говорил, что хотел бы узнать, что случилось с Хью.

Нахмурившись, женщина посмотрела на собственные колени.

Королева вновь взяла слово:

– Продолжай, Бесс, ты должна рассказать все до конца, хотя я знаю, что последняя часть твоего рассказа самая тяжелая.

Посмотрев на меня, пожилая дама заставила себя успокоиться. И продолжила свое повествование:

– Вернувшись из Дорсета, Майкл сразу приехал ко мне. Он появился в моем доме в ужасном виде: бледный, растерянный, едва ли не безумный. Сын не стал говорить мне, что послужило этому причиной, однако через несколько дней вдруг спросил, нет ли у меня знакомых среди адвокатов. «Зачем тебе понадобился адвокат?» – удивилась я. К моему изумлению, он объявил, что хочет обратиться в Сиротский суд с прошением об изъятии Хью из-под опеки семейства Хоббей. – Миссис Кафхилл глубоко вздохнула. – Я ответила ему, что с адвокатами не знакома, и поинтересовалась, почему он вдруг решил заняться этим сейчас, по прошествии

шести лет. Сын сказал, что в жизни иной раз бывают ситуации, когда непременно должен вмешаться суд, но вдаваться в подробности не стал. Однако вид у него при этом был такой... Честно признаюсь вам, сэр, я даже начала опасаться за рассудок Майкла. Так и вижу сейчас, как он сидит передо мною в том маленьком домике, которым я владею по доброте королевы. В свете очага его лицо показалось мне изборожденным морщинами... старым. Да, старым, хотя сыну моему еще не исполнилось и тридцати лет. Я предложила ему посетить мастера Дирика. Однако мой мальчик с горечью усмехнулся: дескать, это последний человек, к которому он хотел бы обратиться.

– Что же, это вполне разумно. Если Дирик представляет интересы Хоббея как опекуна, он никак не может выступить против него по тому же вопросу. Это против правил, – вставил я.

– Полагаю, дело было не только в этом, сэр. Майкл был просто вне себя от гнева, когда говорил об этих людях.

В воцарившейся в комнате полной тишине я посмотрел в сторону окон. И заметил, что камеристки оставили шитье и слушали столь же внимательно, как и мы с королевой.

– Я подумала, что, судя по всему, на обратном пути из Дорсета Майкл посетил Хью, – стала рассказывать дальше Кафхилл. – Я спросила его об этом напрямую, и он признался, что так оно и было. Он не стал заранее предупреждать Хоббеев о своем приезде, так как Николас мог не принять его. Сын сказал, что по прибытии обнаружил, что там творится нечто совершенно ужасное. И теперь он намеревается найти адвоката, которому можно довериться, а если вдруг не сумеет этого сделать, то выступит в суде сам.

– Жаль, что ты не обратилась прямо ко мне, Бесс, – проговорила королева. – А ведь могла бы.

– Ваше величество, я тогда опасалась, что сын мой попросту повредился умом. Я даже не представляла себе, ну что такое ужасное могло случиться с Хью, чтобы Майкл пришел в подобный ажиотаж. Вскоре после этого сын сказал мне, что нашел собственное жилье. Он заявил, что не станет возвращаться в Дорсет. И... – Тут Бесс не выдержала, закрыла лицо ладонями и разрыдалась.

Екатерина, склонившись к старой служанке, нежно прижала ее голову к своей груди.

Когда миссис Кафхилл вновь овладела собой, королева подала ей носовой платок, который та принялась крутить и комкать в руках. Но в конце концов пожилая дама все-таки заговорила, низко опустив голову, так что я видел лишь верх ее белого чепца.

– Майкл перебрался куда-то поближе к реке. Он навещал меня почти каждый день и однажды сказал, что сам подал бумаги в Сиротский суд и заплатил положенные деньги. Мне показалось, что после этого мальчик стал выглядеть получше, но затем прежнее напряженное выражение вдруг вернулось на его лицо. И наконец, он пропал на несколько дней. А потом утром явился местный констебль... – Старая служанка бросила на меня безнадежный взгляд. – И сказал, что моего сына нашли мертвым в его комнате, повешенным на потолочной балке. Майкл оставил записку... она у меня с собой. Мастер Уорнер сказал, что я должна показать ее вам.

– Да, позвольте взглянуть, – попросил я.

Бесс извлекла из платья сложенный лист бумаги и передала его мне дрожащей рукой. Я развернул записку. *«Прости меня, мама»*, – было написано в ней.

Я посмотрел на несчастную женщину:

– А это точно почерк Майкла?

– Неужели вы думаете, что я не узнаю руку собственного сына?! – рассердилась та. – Майкл сам написал эти слова, как я и сказала коронеру на дознании перед судом и перед всеми любопытными.

– Не надо сердиться, Бесс, – умиротворяющим тоном произнесла королева. – Мастер Шардлейк по долгу службы вынужден задавать подобные вопросы.

– Я знаю, ваше величество, но мне трудно отвечать на них. – Пожилая женщина посмотрела на меня. – Извините меня, сэр.

– Понимаю вас. А дознание производилось лондонским коронером?

– Да, мастером Грайсом... Это жесткий и глупый человек.

Я печально улыбнулся:

– Да, я знаю Грайса, именно таков он и есть.

– Коронер спросил, не выглядел ли мой сын нездоровым, и я честно сказала: «Да, поведение его в последние дни казалось мне странным». Вынесли заключение о самоубийстве. Я не стала ничего говорить о поездке Майкла в Хэмпшир.

– Почему же? – удивился я.

Подняв голову, миссис Кафхилл вновь посмотрела мне в глаза:

– Потому что я решила изложить свое дело королеве. И теперь по ее доброте и милости прошу правосудия.

С этими словами Бесс откинулась на спинку кресла.

Я понял, что под болью в голосе этой женщины скрывается сталь. И осторожно поинтересовался:

– Так что же, по вашему мнению, мог обнаружить в Хэмпшире ваш сын столь страшного, что это заставило его покончить с собой?

– Да упокоит Господь его душу... Не знаю, но полагаю, что там и впрямь творилось нечто воистину ужасное.

Я промолчал, не зная, что тут можно сказать: вполне возможно, что теперь, когда боль ее уже успела превратиться в гнев, Бесс судит предвзято.

– Покажи мастеру Шардлейку вызов в суд, – предложила ее величество.

Бесс выудила из кармана платья большую, в несколько раз сложенную бумагу и передала ее мне. Официальная повестка вызывала все стороны, участвующие в деле об опеке над Хью Уильямом Кертисом, предстать перед Сиротским судом двадцать девятого июня, то есть через пять дней. В уведомлении также сообщалось, что, помимо истца Майкла Кафхилла – о чьей смерти в суде еще не знали, – подобная повестка была вручена также Винсенту Дирику из Иннер-Темпл. Судя по дате, произошло это три недели тому назад.

– Я получила вызов только на прошлой неделе, – пояснила миссис Кафхилл. – Эту бумагу сперва принесли на квартиру моего сына, а затем передали коронеру, который уже переслал ее мне как ближайшей родственнице Майкла.

– А вы не видели подлинный экземпляр прошения вашего сына? – спросил я. – Он называется иском от имени Короны. Мне необходимо знать, что именно Майкл там написал.

– Нет, сэр, ничего такого я не видела.

Поглядев на Бесс и на королеву, я решил действовать прямо:

– Что бы ни говорилось в прошении, это лишь слова самого Майкла, основанные на известных ему фактах. Но истец мертв, и суд может отказаться заслушивать дело без его присутствия.

– Я мало смыслю в законах, – заметила пожилая дама, – мне известно лишь то, что произошло с моим сыном.

– А я не думала, что суды еще заседают; говорили, что из-за войны их распустили пораньше, – встала королева.

– Сиротский суд и Суд казначейства еще работают, – пояснил я.

Суды, приносящие доход королю, не закроются все лето. И дела там вершат люди жесткие. Я повернулся к Екатерине:

– Сиротский суд возглавляет сэр Уильям Паулит. Хотелось бы знать, принимает ли он сам участие в заседаниях, или же в связи с войной на него возложены другие обязанности. Он является старшим советником.

– Я уже спрашивала мастера Уорнера. Сэр Уильям скоро отправится в Портсмут в качестве губернатора, но на следующей неделе он будет участвовать в заседаниях суда.

– Заставят ли они явиться мастера Хоббея? – поинтересовалась Бесс.

– Скорее всего, от его имени на первом слушании будет выступать Дирик. А отношение суда к прошению Майкла будет зависеть от того, что именно в нем написано и сумеем ли мы найти свидетелей, которые способны нам помочь, – объяснил я ей. – Вы упомянули, что, когда мастер Хоббей обратился в суд, желая стать опекуном детей, Майкл попросил помощи у викария Кертисов.

– Да. У некоего мастера Бротона. Майкл считал его хорошим человеком.

– А не обращался ли к нему ваш сын в последние дни?

Миссис Кафхилл покачала головой:

– Я спросила об этом мастера Бротона. Викарий сказал, что не обращался.

– Еще кто-нибудь знал об этом прошении? – уточнил я. – Быть может, какой-то приятель Майкла?

– В Лондоне он был чужаком. У него не было здесь друзей, кроме меня, – с печалью добавила несчастная мать.

– Можете ли вы провести расследование, Мэтью? – посмотрела на меня королева. – Возьметесь ли за это дело? От имени Бесс?

Я задумался. Пока я в основном столкнулся лишь с проявлением сильных эмоций. И, строго говоря, не располагал фактами: не было никаких свидетельств, а быть может, и самого дела тоже. Я взглянул на Екатерину. Она хотела, чтобы я помог ее старой служанке. Я подумал о мальчике, оказавшемся в центре всей истории... Я знал пока лишь его имя – Хью Кертис. Но почему-то он представился мне таким одиноким и беззащитным...

– Да, возьмусь, – ответил я. – И сделаю все, что от меня зависит.

Глава 4

Я покинул покои королевы через час, располагая запиской самоубийцы и судебной повесткой. Мы договорились, что миссис Кафхилл посетит меня ближе к концу недели: следовало должным образом оформить ее показания.

Роберт Уорнер ожидал в приемной. Он провел меня по винтовой лестнице в свой кабинет – тесную комнатку, заставленную шкафами, полными бумаг и перевязанных розовыми лентами пергаментов.

– Итак, вы беретесь за это дело, – констатировал он.

Я улыбнулся:

– Не могу же я отказать королеве.

– Я тоже. Она попросила меня написать Джону Сьюстеру, стряпчему Сиротского суда. Полагаю, что слушание состоится в следующий понедельник, несмотря на то что Кафхилл мертв. Сьюстер передаст Уильяму, что так хочет королева, и это помешает ему отклонить дело. Паулит искушенный политик, он не захочет огорчать власть имущих. – Уорнер серьезно смотрел на меня, покручивая пальцами длинную бороду. – Но дальше этого, брат Шардлейк, мы пойти не можем. Я не хочу слишком уж выпячивать связь с ее величеством. Мы ведь даже не знаем, что именно лежит в основе этого дела. Не исключено, что там вообще ничего не обнаружится, но если вдруг Майкл Кафхилл и впрямь наткнулся на что-то серьезное, возможно, королеве не стоит публично связывать с этим свое имя.

– Понимаю.

Я уважал Роберта. Он исполнял обязанности атторнея при дворе королевы более двадцати лет – еще со времен Екатерины Арагонской, – и мне было известно о его особой симпатии к Екатерине Парр – симпатии, которая возникала у всех, кто работал на эту удивительную женщину.

– Вам досталось сложное дело, – проговорил Уорнер сочувственным тоном. – До слушания всего пять дней, а у нас нет ни единого свидетеля, помимо миссис Кафхилл.

– Ну, по крайней мере, в связи с окончанием судебной сессии я располагаю свободным временем.

Мой коллега неспешно кивнул:

– Сиротский суд все еще заседает. Есть подопечные, и есть деньги, которые можно взыскать.

Как и всякий здравомыслящий юрист, он говорил о Суде по делам опеки с пренебрежением.

– Я сделаю все от меня зависящее, чтобы отыскать свидетелей, – заверил я Роберта. – Есть как минимум викарий, с которым Майкл имел дело шесть лет назад. Мне поможет собственный клерк, поднаторевший в подобных вопросах. Если свидетели существуют, мы непременно найдем их. Но сначала мне надо сходить в Сиротский суд, посмотреть, что именно написал Кафхилл в своем иске.

– Кроме того, вам нужно переговорить с Дириком.

– После того, как я увижу бумаги и ознакомлюсь с показаниями свидетелей.

– Я сталкивался с Дириком, – продолжал Уорнер. – Это сильный противник. Он, вне сомнения, скажет, что дело основано на бессмысленном обвинении, выдвинутом безумцем.

Юридический мирок Лондона невелик, так что репутация каждого из моих коллег хорошо известна всем остальным, даже если адвокаты и незнакомы между собой лично.

– Вот почему я хотел бы сперва выяснить общее положение дел, прежде чем посещать его, – пояснил я. – А скажите, какое впечатление произвела на вас миссис Кафхилл?

– Бедная женщина охвачена горем, она находится в полном смятении. И вполне вероятно, просто ищет козла отпущения, чтобы обвинить его в смерти своего сына. Но я не сомневаюсь в том, что вы сумеете докопаться до самого корня истины. – Мой собеседник печально улыбнулся. – И вы еще опасались, что вам поручат какое-нибудь политическое дело! Это читалось на вашем лице, когда вы вошли.

– Да, брат Уорнер, боюсь, что так.

– Королева всегда выполняет свои обещания, брат Шардлейк, – промолвил Роберт с укоризной. – И всегда поможет своей старой служанке, оказавшейся в беде.

– Я знаю это. Мне не следовало бы сомневаться в ее слове.

– Королева Екатерина Парр с большей добротой относится к своим старинным друзьям, чем все ее предшественницы после первой супруги короля.

– Екатерины Арагонской.

– Да. Она также была доброй женщиной, хотя у нее имелись свои недостатки.

Я улыбнулся:

– Например, ее приверженность католицизму.

Коллега серьезно посмотрел на меня:

– Да, и не только это. Однако я и так уже сказал больше, чем следует. Вести разговоры на политические темы опасно, хотя сильные люди страны сейчас не имеют времени для интриг. Хартфорд, Норфолк, Гардинер теперь в отъезде, заняты выполнением военных поручений. Но если нам удастся пройти через войну, нисколько не сомневаюсь, что все начнется сначала. Католическая партия не любит королеву Екатерину. Вы видели ее книгу?

– «Молитвы, или Размышления»? Да, она прислала мне в прошлом месяце один экземпляр.

Уорнер посмотрел на меня проницательным взором:

– И что вы о ней скажете?

– Я не знал, что сердцем ее величества владеет такая печаль. Все эти молитвы призывают нас оградиться от стрел несчастий, которые посылает в нас сей бранный мир, в надежде на спасение в мире грядущем.

– Друзья советовали ей исключить некоторые отрывки, слишком уж отдающие проповедями Лютера. И к счастью, она послушала нас. Королева всегда предельно осторожна. Например, сегодня она не сделала и шагу из своих покоев, поскольку сэр Томас Сеймур находится в Хэмптон-корте.

– Этот сорвиголова! – воскликнул я с чувством.

Я встречался сэром Томасом в ту пору, когда король всячески давил на Екатерину Парр, требуя стать его женой, в то время как она сама стремилась выйти за отважного Сеймура.

– Король посылал его проинспектировать все войска на юге Англии. Он явился, чтобы дать отчет Тайному совету.

– Не могу не радоваться тому, что у ее величества есть такие верные друзья, как вы, – со всей искренностью проговорил я.

– Да, мы бережем ее. Кто-то должен заниматься политикой, – добавил Роберт.

Я ступил на залитый солнцем двор. Астрономические часы над аркой показывали четыре часа. Сложенные из красного кирпича здания почти не отбрасывали тени, а над раскаленной мостовой подрагивал воздух. На лбу у меня выступил пот. Гонец в королевской ливрее быстро проскакал через двор под противоположную арку, быть может, спешил доставить какую-то депешу для армейского командования.

Тут я заметил двоих мужчин, которые стояли в дверях и смотрели на меня. Я узнал обоих, и сердце мое упало. Уорнер сказал, что сэр Томас Сеймур находится в Хэмптон-корте, – и пожалуйста, вот он прямо передо мною, собственной персоной: в ярко-желтом дублете и черных лосинах на длинных стройных ногах. Его красивое лицо, окаймленное темно-рыжей

бородой, казалось, по обыкновению, жестким и насмешливым. Сеймур стоял, уперев руки в боки, в той самой надменной позе, в которой немецкий живописец Ганс Гольбейн изобразил короля Генриха VIII. Возле него замер невысокий и аккуратный в своем адвокатском облачении сэр Ричард Рич, также член Тайного совета, последние десять лет охотно служивший орудием короля в самых грязных областях государственных дел. Насколько мне было известно, в прошлом году Рич отвечал за финансовую сторону вторжения во Францию. По слухам, он имел неприятности от короля, так как позволил себе при этом слишком плотно набить золотом собственные карманы.

Итак, оба они застыли молча и без движения, просто смотрели на меня: Сеймур с пренебрежением, а Рич с таким тихим холодком в глазах. Они знали, что человек моего ранга просто не может обойти их стороной. Сняв с головы сержантскую шапочку, я приблизился к ним, стараясь ступать по возможности уверенно, и низко поклонился.

Сеймур заговорил первым:

– Мастер Шардлейк, давненько мы с вами не встречались! А я-то думал, что вы безвылазно засели среди судейских крючкотворов. – И он с ехидной улыбкой широко повел вокруг рукой. – Небось стрижете золотишко с поссорившихся глупцов, в то время как доблестные англичане, истинные патриоты, обороняют отечество от врагов...

Он выразительно оглядел меня с головы до ног, намеренно задержав взгляд на моей спине.

– Бог ограничил мои возможности, – отозвался я.

Томас расхохотался:

– Да уж, именно так!

Я не стал отвечать, зная, что Сеймуру скоро надоест осмеивать меня и он позволит мне идти собственным путем. Но тут заговорил Рич, спокойным и резким голосом:

– Какое дело привело вас сюда? Мне и в голову не приходило, что вы посмеете вновь приблизиться к королевскому дворцу. После того раза.

Он имел в виду мое пребывание в Тауэре, куда отправил меня по ложному обвинению, чтобы выиграть дело. Сэр Ричард ведал тогда Судом казначейства, который управлял захваченными королем землями монастырей. Я же защищал интересы лондонского Сити, и моя возможная победа уменьшила бы цену некоторых из этих земель. Рич прибег к услугам лже-свидетелей, чтобы заключить меня в тюрьму как изменника. Он охотно довел бы дело до казни, однако меня, к счастью, удалось оправдать. Тем не менее в Сити были настолько напуганы, что отказались от иска.

Усилием воли заставив свои ноги не подгибаться, я ответил:

– Я нахожусь здесь по делу, сэр Ричард. По приглашению брата Уорнера.

– Адвоката королевы? Надеюсь, что Екатерина не отправила вас защищать еретиков, как в прошлом году поступила с самим Уорнером?

– Нет, сэр Ричард. Это всего лишь гражданский иск. Защита интересов одной из старых служанок королевы.

– В каком же именно суде?

– В Сиротском.

Рич и Сеймур дружно расхохотались. Басовитый смех сэра Томаса резко контрастировал со скрежещущим смешком его спутника.

– Ну, желаю вам развлечься, – проговорил сэр Ричард.

– Надеюсь, вам хватит денег на подкуп чиновников, – добавил Сеймур. – Без этого никак не обойтись.

Я предполагал, что слова эти встретят отпор со стороны Рича: он служил в судебном ведомстве, и таких, как он, обыкновенно оскорбляло упоминание о коррупции в их рядах. Но сэр Ричард лишь чуть улыбнулся в ответ и спросил:

– Но кто, интересно, наполнит его кошель, сэр Томас?

– Надо думать, слуга Екатерины. Если бы сама королева захотела оплатить чьи-то судебные расходы, это было бы не вполне законно.

– Не сомневаюсь, что ее величество проследит за тем, чтобы все правила приличия были соблюдены, – ответил я. – Высокая честность ее общеизвестна.

Этот ответ был смелым, даже дерзким, однако пришлось напомнить им, кем является моя покровительница.

Рич склонил голову:

– Ходят слухи, что ее величество не раз прибегала к вашим услугам в качестве законника. Я нахожу это несколько странным, с учетом того мнения, которое король высказал о вас в Йорке. – Он повернулся к сэру Томасу с улыбкой. – Мастер Шардлейк вызвал неудовольствие его величества и претерпел публичное унижение за свой проступок.

С этими словами он склонил свою небольшую голову набок, и я заметил, что его прикрытые шапкой волосы начали сесть.

– Повесть сия мне известна, – отозвался Сеймур. – Он назвал Шардлейка пьяным и горбатым пауком перед половиной Йорка. – Тут он снова расхохотался.

Сэр Ричард же слегка поклонился, отпуская меня:

– Берегите себя, мастер Шардлейк.

В смятении я отправился прочь, ощущая на себе их взгляды. Да уж, мало радости встретить этих двоих сразу. А я-то надеялся, что Рич давным-давно забыл про меня. Страшно было подумать, что его злобные глазки все это время следили за мной! Впрочем, он, вне сомнения, приглядывал за всем мелким людом, ожидая, пока кто-нибудь не запутается в его сетях. Слава богу, я находился под покровительством королевы. Лишь пройдя под аркой и оказавшись вне поля зрения злобной парочки, я позволил себе вытереть лоб.

Сразу после этого я направился домой. Мне было известно, что Тамазин собиралась сегодня посетить Гая и что Барак придет вместе с женой. К собственному удивлению, войдя в дом, я обнаружил, что прихожая полна людей. Тамазин сидела у подножия лестницы, животик выпирал у нее из-под платья, милое бледное личико было покрыто потом, а светлые волосы свисали сосульками. Джозефина, дочь Уильяма Колдайрона, сняв с головы гостыи чепец, старательно обмахивала ее лицо. Джек стоял возле супруги, встревоженно прикусив губу. Эконом с неодобрением взирал на всю эту картину, в то время как оба мальчишки выглядывали из кухонной двери.

– Тамазин, дорогая моя! – встревожился я. – Что случилось? Где Гай?

– Все в порядке, мастер Шардлейк. Не пойму, с чего все вдруг так переполошились! – К моему облегчению, голос молодой женщины был полон искреннего удивления. – Доктор отправился мыть руки. Я почувствовала себя как-то не так, когда ушла с улицы, с солнца, и мне пришлось присесть.

– Тамазин проделала весь путь в одиночестве! – негодуя, сообщил мне Барак. – Я сказал, что встречу ее здесь, но я думал, что с ней будет Джейн Маррис. Нет, ну надо же: шла одна, по такой жаре и, даже не сомневаюсь, слишком быстрым шагом! Уж я-то ее знаю! – Он возмущенно повернулся к жене. – И о чем ты только думала, Тамми? А вдруг бы ты свалилась в обморок прямо посреди Канцлер-лейн? Почему Джейн не сопровождала тебя?

– Я послала Джейн за покупками, – объяснила Бараку супруга. – А она, видимо, задержалась: когда мне уже пора было выходить, она еще не пришла. После выпуска новых монет на рынке творится полный хаос!

– Тебе надо было предупредить, чтобы она непременно вернулась домой вовремя и привела тебя сюда. Где твоя голова, женщина?

– Я же не упала в обморок, Джек, – раздраженным голосом отозвалась Тамазин. – Просто мне пришлось присесть... ох! – Она замолчала, так как Джозефина неловким движением случайно задела ее щеку.

Уильям шагнул вперед и выхватил у дочери из рук чепец, которым она обмахивала Тамми:

– Следи за своими руками, неуклюжая кобыла! А ну ступай назад на кухню! И постарайся не бить посуду!

Джозефина покраснела и, покорно склонив голову, заторопилась прочь мелкими стремительными шажками.

Колдайрон повернулся ко мне:

– Сегодня утром эта неумеха разбила большой масляный горшок. Я сказал, что примерно накажу ее.

– Не надо, – возразил я. – Мы вполне можем позволить себе купить новый горшок.

Эконом глубоко вздохнул:

– Если разрешите мне высказаться, сэр, то это подрывает дисциплину. Женщины – как солдаты, они должны повиноваться старшим.

– Убирайся! – сказал я раздраженным тоном. – У меня и без того довольно дел.

Единственный глаз Колдайрона на мгновение вспыхнул гневом, однако эконом повиновался и следом за дочерью вернулся на кухню. Ухмылявшиеся мальчишки прыснули в разные стороны. Я же снова повернулся к Тамазин:

– С тобой точно все в порядке?

– Конечно, – заверила меня она. – Напрасно Уильям рассердился на Джозефину. Бедная девочка!

Наверху лестницы появился Гай. Он неторопливо спускался вниз, вытирая руки.

– Тебе уже лучше, Тамми? – спросил он мою гостью.

– Теперь все хорошо. – Миссис Барак поднялась на ноги.

Муж поспешил ей на помощь.

– Скажите ей, доктор Малтон! – взвился он. – Объясните, что в ее положении глупо ходить без провожатых!

Гай наклонился и пощупал лоб Тамазин:

– Ты перегрелась на солнце. Не стоит допускать этого, когда носишь ребенка.

– Ну хорошо, я больше не буду ходить одна. – Женщина виновато посмотрела на Барака. – Обещаю.

– Могу ли я посмотреть Тамазин в твоем кабинете, Мэтью? – поинтересовался Гай.

– Конечно. Джек, мне бы хотелось перебраться с тобой парой слов, – поспешно добавил я, заметив, что мой помощник собрался последовать за врачом и женой наверх.

Тамазин бросила мне через плечо благодарную улыбку, а Барак неохотно направился за мной в гостиную.

Я закрыл дверь, попросил его присесть, сам устроился на табурете напротив и объявил:

– У нас появилась срочная работа.

– Будем выполнять поручение королевы?

– Да.

Я рассказал ему о сегодняшней встрече с ее величеством и Бесс, и в глазах моего помощника зажегся огонек интереса.

– Когда я явился к королеве, с ней также была леди Елизавета, – добавил я.

– И какова же она из себя?

– Удивительно умная девочка. Они с Екатериной прекрасно ладят, ну прямо как мать и дочь. – Я улыбнулся, однако потом нахмурился. – Но после разговора с королевой я встре-

тил старых знакомых, Ричарда Рича и Томаса Сеймура. Думаю, что они знали о том, что она вызывала меня... и, наверное, специально дожидались, чтобы подразнить.

– Скорее это случайное совпадение. Эти двое, вероятнее всего, обсуждали военные дела, когда вы появились. Оказавшись перед выгребной ямой, нельзя не увидеть червей.

– Ты прав. Но Рич явным образом следил за моей карьерой.

– Но это же отнюдь не секрет, что вы защищали интересы королевы. Вероятно, он прознал о предстоящем визите и решил немного развлечься за ваш счет.

– Вообще все это довольно странно. Ведь я не являюсь достаточно заметной персоной, чтобы быть ему по-настоящему интересным.

– Говорят, что Рич теперь несколько не в чести.

– Я тоже слышал об этом. И все же он по-прежнему является членом Тайного совета. Король ценит его дарования, – добавил я с горечью.

– Политика подобна игре в кости: чем лучше игра, тем хуже человек.

– Джек, мы должны действовать быстро. Слушание состоится уже в понедельник.

– Нам еще не приходилось иметь дело с Сиротским судом.

– Многие из его функций, строго говоря, не принадлежат суду. Тебе известен принцип опеки?

Барак неторопливо процитировал вспомнившийся ему отрывок из книги:

– «Если муж держит землю по рыцарской службе и умирает, имея малых наследников, то собственность его переходит к королю до тех пор, пока подопечный не достигает возраста или не женится». Вроде так?

– Да, точно.

– И король имеет право управлять землями и устраивать брак подопечного. Однако на деле он просто-напросто продает опеку тому, кто предложит больше. Через Сиротский суд. Да?

– Ты все правильно запомнил. Рыцарская служба представляет собой древнюю форму наследственного владения землей, к началу правления нынешнего короля она уже становилась анахронизмом. Однако потом начался роспуск монастырей. И все захваченные монастырские земли были распроданы слугам короля. Это породило столько дел по вопросам опекунства, что пришлось учредить отдельный суд. Главной задачей его является получение денег. В Сиротском суде проверяют стоимость земель, подлежащих опеке через феодалов, местных чиновников, после чего торгуются с просителями – теми, кто желает получить опекунство над несовершеннолетними наследниками.

– Приоритетное право опеки предоставляется родственникам детей, разве не так?

– Так. Однако часто оно переходит к лицу, предложившему большую цену, особенно когда у детей не имеется близких родственников. Именно таким образом этот Николас Хоббей и стал опекуном Кертисов.

– Нетрудно догадаться, зачем это ему понадобилось, – кивнул Барак. – Выдав Эмму за своего сына, он получил бы ее долю отцовского леса. Однако девочка умерла.

– Ну, положим, из опеки над Хью Николас тоже наверняка сумел извлечь выгоду. Доля Эммы перешла к ее брату, а Хоббей получил право контроля над землями Хью до достижения им двадцати одного года. На юге существует постоянная потребность в лесе для кораблей, да и для производства железа необходим древесный уголь. Особенно теперь, во время войны.

– А много ли там леса?

– На мой взгляд, примерно двадцать квадратных миль. Около трети принадлежало самому Хоббею, но все остальное перешло к Хью Кертису. И тут открывается широкое поле для махинаций. Я знаю, что те, кто продает древесину для кораблей, часто извлекают незаконные доходы при рубке леса и действуют рука об руку с местными феодалами, получающими свою долю. Вся система прогнила с ног до головы. Наверняка Николас хорошо погрел руки, распоряжаясь собственностью Хью.

Барак нахмурился:

– Неужели у детей нет никакой защиты? Имеются ведь у опекунов определенные обязанности.

Надо сказать, что беспризорники на улицах Лондона всегда привлекали внимание Джека, да и вообще он воспринимал бедствия обездоленных детей близко к сердцу.

– Да, но их немного. Опекун заинтересован в том, чтобы подопечный был жив, ибо в случае смерти последнего опека прекращается. Кроме того, он обязан позаботиться об образовании сироты. Что же касается выбора жены или мужа для подросткового подопечного, тут опекун по большому счету может действовать по собственному усмотрению.

– То есть бедные дети оказываются в ловушке? А куда смотрит суд?

– Суд обладает властью надзора. У него можно попросить защиты в случае плохого обращения с подопечными, как это сделал Майкл Кафхилл. Однако суд не любит вмешиваться, поскольку опекунство приносит доход в казну. Завтра я схожу в палату опеки. Вполне возможно, мне придется подмазать чью-то ладонь, чтобы посмотреть все бумаги. И раз уж я буду там, – я глубоко вздохнул, – то попробую заодно получить и копию документа, удостоверяющего безумие Эллен. Документа девятнадцатилетней давности.

Джек нахмурился:

– Похоже, эта Эллен становится для вас серьезной проблемой. Слабость наделяет некоторых людей странной разновидностью силы, как вам, конечно, известно. Кроме того, она хитра, как и многие безумцы. Ох, зря вы вообще с нею связались.

– Если я сумею узнать что-нибудь о семействе мисс Феттиплейс, это поможет сдвинуть дело с мертвой точки. Возможно, мне удастся найти человека, который будет заботиться о ней. И снимет с меня это бремя.

– Вы говорили, что Эллен была изнасилована. А вдруг это сделал один из ее родственников?

– Вовсе не обязательно. Если дело Кертисов будет принято к рассмотрению, мне, скорее всего, потребуется съездить в Портсмут, чтобы снять показания. Тогда можно сделать крюк и по дороге заглянуть в Сассекс.

Барак приподнял бровь:

– В Портсмут? Я слышал, что туда отправили уйму солдат. Поговаривают, будто бы французы хотят высадиться именно там.

– Да, Екатерина сказала мне, что эти сведения подтверждаются донесениями королевских шпионов. Но имение Хоббеев находится в нескольких милях к северу от города.

– Я бы съездил с вами, однако не могу оставить Тамазин. Во всяком случае, сейчас.

Я улыбнулся:

– Еще чего не хватало. Ты лучше помоги мне со слушанием по делу Майкла Кафхилла.

– Странно, что он покончил с собой, подав это прошение. Как раз тогда, когда мог бы что-то сделать для юного Кертиса.

– Ты хочешь сказать, что его убили? Я думал об этом. Однако мать Майкла утверждает, что никто больше не знал о его прошении. Кроме того, она узнала почерк на записке.

Я передал помощнику клочок бумаги, и он принялся внимательно его изучать.

– По-моему, все это очень подозрительно, – пробормотал он затем. – Не будет лишним сходить в тот дом, где перед смертью жил Майкл, и задать там несколько вопросов.

– А ты сможешь сделать это прямо завтра?

Барак улыбнулся и кивнул. Он любил подобного рода работу и умел ее делать. Ухитрялся разыскивать факты буквально на мостовой.

– Кроме того, придется посетить церковь, куда прежде ходило семейство Кертис, посмотреть, там ли обретается старый викарий, – продолжил я.

– Первым делом отправлюсь туда.

– Давай-ка я запишу тебе адреса...

Когда я повернулся к Джеку, чтобы передать ему бумагу, он посмотрел на меня с легкой ехидцей.

– Что такое? – удивился я.

– Это дело расшевелило кровь в ваших жилах, не так ли? А то я уже замечал, что вам становится скучно.

Я хотел было ответить, но в следующий миг Барак услышал голос жены и вскочил. Мы подошли к двери. Тамазин уже стояла за ней, широко улыбаясь. Да и Гай явно выглядел более довольным, чем все последние дни.

– С моей девочкой все в порядке, – проговорила молодая женщина. – С моей маленькой Джоанной.

– С моим маленьким Джоном, – возразил ей Джек.

– Вечно ты споришь!

– Тебе вредно волноваться, милая, – предупредил Тамазин медик. – Не стоит препираться из-за пустяков.

– Да, доктор Малтон, – со смирением ответила та.

Барак взял ее за руку:

– То есть ты намереваешься слушаться доктора Малтона, а не собственного мужа и господина, так?

Его супруга улыбнулась:

– Надеюсь, мой добрый муж и господин проводит меня домой. Если только он более не нужен вам, сэр, – добавила она, повернувшись ко мне.

Когда, погрузившись в легкую шутливую перепалку, супруги оставили дом, врач улыбнулся:

– Тамазин говорит, что Джек слишком нервничает.

– Что ж, я получил новое дело, которое займет его. – Я положил ладонь на плечо друга. – Именно это, Гай, необходимо сейчас и тебе самому... ты должен вернуться к работе.

– Еще не пришло время, Мэтью. Я слишком... устал. А теперь мне надо еще раз вымыть руки. В отличие от многих своих коллег я полагаю важным избавляться от любых скверных гуморов.

Он снова поднялся наверх. А я ощутил внезапную тяжесть, предавшись печальным размышлениям: о Гае, об Эллен, о незнакомом мне парнишке Хью Кертисе, о бедном Майкле Кафхилле... И чтобы несколько упорядочить все эти думы, я решил пройтись по саду.

Обойдя дом сбоку, я наткнулся на Колдайрона, рубившего дрова топором. Побагровевшее лицо его было покрыто потом, стекавшим мимо пустой глазницы на нос. Джозефина стояла возле отца, нервно ломая пальцы. Казалось, что она вот-вот разрыдается.

– Ну и дом, – говорил Уильям. – Горбуны, и всякие темнокожие, и беременные шлюшки, падающие на лестнице, чтобы показать свой огромный живот...

Звук моих шагов заставил его вздрогнуть и оглянуться. Глаза Джозефины округлились, а рот испуганно приоткрылся.

Посмотрев на эконома, я холодно промолвил:

– Тебе повезло, что со мной нет Барака. Если бы он услышал, как ты называешь его жену, боюсь, тебе пришлось бы познакомиться с острым концом этого топора.

Обойдя Уильяма, я направился прочь. Я готов был выгнать этого типа прямо сейчас, однако полные невероятного страха глаза его дочери остановили меня.

Глава 5

Примерно через час мы с Гаем сели за ужин. Колдайрон, при всех его недостатках, был недурным поваром, и мы насладились свежими речными угрями под масляным соусом. Держался эконоом почтительно, пожалуй, даже подобострастно и прислуживал нам с опущенными долу глазами.

Когда он покинул столовую, я рассказал Малтону о своей встрече с королевой и о деле Кертисов, упомянув также, что если мне придется съездить в Хэмпшир, то я сумею заодно разузнать кое-что о прошлом Эллен.

Друг пристально посмотрел на меня карими глазами, подумал мгновение и произнес:

– Тебе следовало бы сказать мисс Феттиплейс, что ты понимаешь, какие чувства она питает по отношению к тебе, но что, к сожалению, у нее нет никаких оснований надеяться на взаимность.

Я энергично помотал головой:

– Я боюсь последствий этих слов. Кроме того, если я перестану посещать Эллен, она останется в одиночестве.

Гай, не отвечая, в упор глядел на меня. Положив нож, я откинулся на спинку стула.

– Любовь не всегда бывает взаимной, – проговорил я негромко. – Я любил Дороти Эллиард, однако, увы, безответно. А в отношении Эллен я ощущаю только... симпатию, да. И жалость.

– А как насчет вины? Из-за того, что сам не способен ответить ей должным чувством?

Я помедлил, но потом все же кивнул:

– Да, и это тоже.

Врач продолжил негромким голосом:

– Потребуется мужество, чтобы сказать Эллен правду. Чтобы увидеть ее реакцию. Не будь эгоистом, Мэтью!

Я недовольно нахмурился:

– Я думаю вовсе не о себе!

– Да неужели? Ты в этом уверен?

– Наилучший способ помочь Эллен – это выяснить правду о ее прошлом! – отрезал я. –

Тогда...

– Думаешь, это пойдет ей на пользу?

– Полагаю, что да.

Медик промолчал.

После ужина я поднялся наверх, чтобы просмотреть книги, которыми привык пользоваться еще со студенческих времен, и заметки о старых делах. Мне нужно было освежить в памяти правила и процедуры Сиротского суда. Впрочем, в первую очередь следовало решить вопрос с Колдайроном. Еще в саду у меня возникло горячее желание прогнать этого наглеца, однако сейчас мне пришло в голову, что, если я сделаю это перед отъездом в Хэмпшир, дом останется без присмотра. Заниматься им и обоими мальчишками придется Гаю, а взваливать на него подобную ответственность нечестно. Лучше будет завтра же порасспрашивать в Линкольнс-Инн, нет ли у кого на примете подходящего эконома, и заручиться согласием нового управляющего работать на меня, прежде чем я уволю Уильяма. Смущала меня и Джозефина, которая до смерти перепугалась, сообразив, что им могут отказать от места. Словом, от этого типа были одни сплошные проблемы, и я от души проклинал тот день, когда меня угораздило нанять его.

Остаток вечера я провел, изучая источники и составляя заметки. Когда начало темнеть, пришлось вызвать снизу Колдайрона со свечой. Но на лестнице послышались шаги Джозе-

фины: она принесла подсвечник, поставила его на мой стол и, сделав короткий реверанс, удалилась. Шаги ее прозвучали в обратном направлении: «Шлеп, шлеп, шлеп».

Наконец я перестал писать и, не вставая из-за стола, призадумался. Мастер Хоббей начал с приобретения части леса вместе с монастырскими зданиями, которые перестроил в жилой дом, после чего приобрел опеку над детьми. Общая сумма расходов наверняка была достаточно внушительной даже для процветающего негоцианта. Интересно будет выяснить, сколько всего денег он потратил. Бесс Кафхилл говорила, что Эмма не любила юного Дэвида Хоббея, однако в моем понимании суд лишь в самых чрезвычайных обстоятельствах стал бы рассматривать протест опекаемой девицы против замужества, предлагаемого ее опекуном. Чтобы Сиротский суд не допустил такого брака, потенциальный жених должен был либо находиться значительно ниже невесты на общественной лестнице, либо являться преступником, больным или калекой (например, горбуном, как я сухо заметил про себя).

Однако Эмма в любом случае умерла, и если Николас Хоббей рассчитывал на ее брак со своим сыном, то его план лопнул. Ее доля наследства перешла к Хью. При этом, согласно одной из несуразностей закона, незамужняя девица имела право ходатайствовать о снятии опеки по достижении четырнадцати лет, тогда как юноша не мог обрести независимость до двадцати одного года. Согласно словам Бесс, семь лет назад Хью было одиннадцать. Значит, теперь ему исполнилось восемнадцать – до вступления во владение собственными землями юноше оставалось еще целых три года.

Я поднялся и принялся расхаживать по кабинету. Итак, вплоть до совершеннолетия Хью Хоббей мог рассчитывать лишь на обыкновенный доход от своих земель, и если речь шла о лесе, никакого дохода от ренты не предусматривалось. Тем не менее, как я говорил Баракку, владельцы опеки были печально известны «расточением» земель своих подопечных, особенно таких, где имелись леса и рудники.

Взгляд мой коснулся корешка стоявшей на полке книги, которая прежде принадлежала моему другу Роджеру: «Плач христиан по Лондону». Это сочинение Родерика Мора было обличением общественных язв нашего города. Я открыл книгу, памятуя о том, что в ней содержался и пассаж по поводу опеки: «Боже, разори этот скверный обычай, ибо он чересчур отвратителен и мерзостен настолько, что зловоние от него возносится с земли к самому небу».

Закрыв «Плач христиан по Лондону», я выглянул в сад. Было уже почти темно, и сквозь открытое окно доносился запах лаванды. Тявкнула лисица, порхнули крылья какой-то птицы. Прямо как у нас в селе, подумал я, вспомнив об отцовской ферме, где прошло мое детство. В это мгновение трудно было представить, что страна в опасности, что солдаты маршируют с оружием и объединяются в армии, а в Ла-Манше собираются корабли.

На следующее утро я спустился по Канцлер-лейн, чтобы найти лодку до Вестминстерского причала. Переходя Флит-стрит, я заметил, что кто-то расклеил по всем Храмовым воротам рукописные листовки, призывающие мэра опасаться «священников и чужаков», готовых поджечь Лондон. Этим утром погода сделалась еще более жаркой, а небо приобрело желтый сернистый оттенок. Я свернул на Миддл-Темпл-лейн и спустился по узкому переулку между тесно стоявшими домами. Возле боковой улочки можно было увидеть старую церковь ордена тамплиеров. Винсент Дирик подвизался в Иннер-Темпл. Я подумал о том, что до слушания осталось всего четыре дня. Пройдя мимо садов Темпла, в которых недавние бури оставили ковер лепестков под розовыми кустами, я спустился к причалу.

На реке по-прежнему было полно направлявшихся на восток транспортных судов. Одна из барж была загружена аркебузами, пятифутовые железные стволы поблескивали на солнце. Лодочник сообщил мне, что все суда королевского флота уже ушли из Дептфорда в Портсмут.

– Мы потопим этих французских ублюдков! – проворчал он.

Мимо Вестминстерского причала проплыли две связанные воедино баржи: на каждой на весла налегало с дюжину людей. Под огромной тенью Вестминстер-холла я поднялся в Новый дворцовый двор. Сотня солдат собралась возле большого фонтана, блистая великолепиями красных и белых мундиров лондонского ополчения. Как и предполагалось заранее, они являли собой шикарное зрелище. С яркими одеждами контрастировало вооружение: темные и тяжелые деревянные булавы, хаотично утыканные острыми гвоздями и шипами.

Лицом к ним на вороном коне восседал коренастый офицер в мантии королевских цветов, зеленого и белого, и в увенчанном плюмажем шлеме. Площадь окружала толпа зевак – разносчики и развозчики всякого товара, вестминстерские проститутки и судебные клерки. Одна из шлюх распустила свой лиф, выставив груди на соблазн рекрутам, что порядком развеселило окружающих. Даже на устах офицера появилась легкая улыбка.

Солдаты приняли напряженный и выжидающий вид, когда он извлек внушительного вида пергамент, с многозначительным видом развернул его перед собой и начал декламировать:

– «Своей верой в Бога и короля клянусь истинно повиноваться военным законам...»

Офицер смолк, и солдаты громким речитативом повторили его слова. Я понял, что присутствую при принятии присяги – бойцы дают клятву перед поступлением на военную службу, – и стал проталкиваться через толпу, заботливо придерживая рукой мошну. А потом оказался на узкой и темной улочке между Вестминстер-холлом и аббатством, абсолютно безлюдной, если не считать седоголового старого клерка, который неторопливо шел мне навстречу, согнувшись под тяжестью огромной кипы каких-то документов.

Я приблизился к нескольким располагавшимся позади Вестминстер-холла старинным зданиям норманнской эпохи, белый камень которых покрывал слой печной сажи. И вместо того чтобы направиться, как обычно, в палату прошений, открыл крепкую деревянную дверь в соседнем здании и по узкой лестнице поднялся к широкой арке. Ее украшало резное изображение печати Сиротского суда: королевский герб, а под ним двое детей со свитком в руках, на котором был написан латинский девиз палаты: «Pupillis orphanis et viduis adiutor» («Помощник опекаемым, сиротам и вдовам»).

В просторном вестибюле было сумрачно, стоял привычный в судах запах пыли, старой бумаги и пота. С одной стороны прихожей находилось несколько дверей, в то время как с другой на длинной деревянной скамье сидело несколько человек, на лицах которых застыло напряженное и непроницаемое выражение. Все они были богато одеты. Присутствовала пара лет тридцати с лишним: мужчина в отменного качества дублете и женщина в шелковом платье и расшитом жемчугом капюшоне. Чуть поодаль сидел мальчуган лет десяти в атласном камзоле. Молодая женщина, в темном платье с высоким воротником, держала его за руку, споря с незнакомым мне барристером.

– Но как только они могут поступать подобным образом?! – удивлялась она. – Это же абсолютно бессмысленно!

– Как я уже говорил вам, миледи, – терпеливо отвечал ее собеседник, – это отнюдь не то место, где можно рассчитывать на здравый смысл.

– Прошу прощения, брат. Не могли бы вы направить меня в кабинет клерка? – спросил я у адвоката.

Коллега посмотрел на меня с любопытством:

– Дверь прямо за вашей спиной, брат. Полагаю, вы – новичок в делах опеки?

– Совершенно верно.

Он выразительно коснулся своей груди в области кошелька. Я кивнул. Ребенок уставился на нас с озадаченным видом, а я постучал в дверь клерка.

Внутри просторную комнату делил пополам деревянный прилавок. На противоположной стороне, под окном, небо за которым уже темнело, восседал за своим рабочим столом очень делового вида седовласый мужчина в пыльном одеянии. Узколицый клерк помоложе

расставлял бумаги на полках, обрамлявших стены от пола и до потолка. Ровный скрип пера стих, и старший клерк оторвался от письма и подошел ко мне. Морщинистое лицо его ничего не выражало, однако глаза смотрели пронизательно и расчетливо. Коротко поклонившись, он опустил испачканные чернилами руки на прилавок и вопросительно посмотрел на посетителя, абсолютно точно не испытывая излишнего почтения перед моей сержантской шапочкой. Хотя клерки во всех судах обладали великой силой, с барристерами и сержантами они держались уважительно. Похоже, в Суде по делам опеки царили иные нравы.

– Слушаю вас, сэр, – произнес старик нейтральным тоном.

Открыв свою папку, я выложил на прилавок повестку на имя Майкла Кафхилла:

– Добрый день, мастер клерк. Я – сержант юриспруденции Шардлейк. Мне нужно ознакомиться с материалами по этому делу. Мастер Уорнер, атторней королевы, должен был написать об этом стряпчему Сьюстеру.

Служащий изучил повестку, а потом посмотрел на меня уже с чуть более почтительным выражением:

– Да, сэр. Мне разрешили познакомить вас с записями. Однако мастер Сьюстер также сказал мне, сэр, что свидетельства, поддерживающие заявление истца, нужно внести в дело как можно быстрее.

– Я понимаю это. Вам сообщили, что вчинивший иск человек умер?

– Да. – Мой собеседник печально покачал головой. – Истец умер, адвокат ознакомлен с делом за четыре дня до слушания, свидетельских показаний нет, необходимых бумаг тоже. Сэр Уильям окажется в сложном положении на слушании. Следует соблюдать предписанные процедуры. Речь ведь как-никак идет об интересах несовершеннолетнего.

– Я готов оценить любую помощь, которую вы можете предоставить мне. Надеюсь уже вскоре получить свежие показания. – Я запустил руку под мантию, к кошельку. – Мастер...

– Миллинг, сэр, Гervасий Миллинг, старший клерк.

Старик неторопливо повернул руку ладонью вверх. Я посмотрел на его младшего коллегу, еще возившегося с бумагами.

– О, не обращайтесь на него внимания, – проговорил Миллинг. – Пять шиллингов новыми за просмотр всех бумаг по опеке. Или три в правильном серебре.

Я заморгал. Вся юридическая машина, равно как и государственный аппарат у нас в стране, смазывалась взятками. Официальные лица получали деньги или ценные подарки от сторон, участвующих в процессах, от торговцев, стремящихся заняться поставками для армии, просто от богатых людей, желавших купить монастырские земли. Впрочем, обыкновенно эти презенты не выставлялись напоказ и маскировались под вид подарков, сделанных из личного уважения. Те же, кто отличался непомерной алчностью, наживали неприятности на свою голову: именно это, по слухам, и произошло с Ричем в прошлом году. Так что клерк, открыто требующий деньги у сержанта юриспруденции, представлял собой просто удивительное явление. Впрочем, напомнил я себе, это же Суд по делам опеки. И передал ему деньги. Младший клерк, как и прежде, возился со своими бумагами, не проявляя никакого интереса к этому явно рутинному делу.

Гervасий сразу сделался более дружелюбным:

– Я внесу вас в реестр, сэр, и принесу бумаги. Однако, сэр, позвольте заметить, в ваших же собственных интересах, что вы нуждаетесь в свидетелях, способных подкрепить обвинения мастера Кафхилла. Говорю это вам откровенно, как сказал и самому мастеру Кафхиллу, когда тот явился сюда.

– Значит, Майкл Кафхилл видел вас, когда подавал прошение? – спросил я.

– Да. – Старик с любопытством посмотрел в мою сторону. – Вы были знакомы с ним?

– Нет. Я только вчера впервые имел беседу с его матерью. Какое впечатление произвел на вас Кафхилл?

Миллинг на мгновение задумался:

– Он показался мне странным. Нетрудно было заметить, что прежде этому человеку никогда не приходилось бывать в суде. Он только сказал, что с юным подопечным творят ужасные вещи и что он хочет, чтобы дело как можно быстрее представили на рассмотрение сэру Уильяму. – Служащий оперся локтями о стол. – Майкл Кафхилл показался мне возбужденным, рассеянным. Я даже подумал, что он малость не в себе, но потом понял, что нет, он просто был... – старик задумался, подбирая нужное слово, – вне себя от ярости.

– Да, – согласился я. – Похоже на то.

Гервасий повернулся к своему помощнику и потребовал:

– Документы, Алабастер.

Как выяснилось, на самом деле молодой человек прислушивался к нашему разговору, ибо он немедленно зарылся в груды папок и вскоре выудил толстую, перевязанную красной лентой пачку бумаг. Распутав ленту, Миллинг передал мне верхний документ. Это оказалось исковое заявление, написанное твердой рукой, и подпись внизу страницы была той же самой, что и на предсмертной записке. Я начал читать текст:

Я, Майкл Джон Кафхилл, смиренно ходатайствую перед сим Достопочтенным Судом о произведении расследования в отношении опеки над Хью Кертисом, предоставленной Николасу Хоббею из Хойлендского приорства, в году 1539-м, вследствие чудовищных злодеяний, творимых по отношению к вышеозначенному Хью Кертису; и об отставлении упомянутого Николаса Хоббея от сей опеки.

Я посмотрел на Гервасия:

– Это вы помогали ему составить прошение?

Подобное не входило в обязанности клерков, однако Майкл Кафхилл навряд ли знал юридические формулировки, и местный служащий вполне мог помочь ему за небольшую мзду.

– Да. – Старший клерк подтвердил мою догадку. – Я объяснил мастеру Кафхиллу, что иск обычно составляется барристером и подписывается им в первую очередь, но он настоял на том, что сделает это лично и немедленно. Я посоветовал смягчить формулировки, но он отказался. Вообще я пытался ему помочь, мне было жаль этого человека. – (К собственному удивлению, я отметил, что Миллинг говорит правду.) – Я сказал, что ему потребуются свидетели, и он упомянул про какого-то викария.

– Разрешите? – Я протянул руку к папке. Как и следовало ожидать, под прошением находился ответ защитника на иск. Подпись Винсента Дирика сопровождала стандартный акт защиты, с ходу отметававший любые возможные обвинения. Прочие бумаги с виду казались более старыми. – А нет ли у вас здесь какой-нибудь уединенной комнаты, где я мог бы посмотреть все дело?

– Боюсь, что нет, сэр. Судебные материалы можно забирать отсюда только на слушание. Но вы можете опереться на этот стол.

Рука моя снова поползла к кошельку, ибо сидение за этим прилавком, как мне было известно, сразу же отзовется болью в спине, однако Миллинг решительно покачал головой: – Увы, таковы правила.

Поняв, что настаивать бесполезно, я склонился над прилавком и принялся просматривать документы. Почти все они были шестилетней давности и относились к учреждению опеки над Хью и Эммой: прошение, поданное Николасом Хоббеем, и оценки стоимости земли, сделанные местными чиновниками, инспектором по охране выморочных земель и феодалом. За опеку Хоббей заплатил восемьдесят фунтов и внес тридцать фунтов залога. Крупная сумма.

Там же обнаружилась копия предшествовавшего сему акта, согласно которому в собственность Николаса переходили здания приорства и меньшая доля леса, приобретенного у Суда казначейства. За них он заплатил пятьсот фунтов. К этому документу прилагался план земель, прежде находившихся во владении женского монастыря, – Хойлендского приорства.

Я попытался найти какую-нибудь ценную арендуемую собственность, однако все земли, принадлежавшие Хью и Хоббею, оказались заросшими лесом – если не считать деревни Хойленд, которую мастер Николас прикупил вместе со зданиями приорства, став при этом владельцем поместья, что повысило его общественный статус. Хойленд оказался небольшим селением: тридцать дворов и душ двести жителей. Из приложенной описи следовало, что, хотя некоторые из обитателей Хойленда являлись свободными земледельцами, большинство пользовались землей на условиях краткосрочной аренды, длительностью от семи до десяти лет. То есть рента невелика, и доход здесь будет минимальным. Само же Хойлендское приорство описывалось как «находящееся в восьми милях к северу от Портсмута, на ближнем склоне Портсдаун-Хилл». Из плана следовало, что оно располагалось на самой главной дороге, соединявшей Лондон с Портсмутом: ну просто идеальное местоположение для перевозки леса.

Я встал, позволяя спине отдохнуть. Итак, Хоббей сделал крупное вложение капитала: сначала в земельный участок, потом в опекунство. Он переехал в собственное поместье, по всей видимости продав свое торговое дело в Лондоне. Удачливый купец решил сделаться сельским сквайром: что ж, такое случалось сплошь и рядом.

Я оторвался от документов. Миллинг искоса поглядел на меня из-за своего стола и потупился.

– Решение было принято слишком быстро, – заметил я. – От подачи прошения до выдачи акта прошло всего два месяца. Хоббей заплатил крупный взнос. Должно быть, эта опека была очень нужна ему.

Старший клерк встал и, подойдя ко мне, негромко проговорил:

– Если он хотел поскорее провернуть это дело, то должен был доказать свой интерес как атторнею Сьюстеру, так и местному феодалу.

– Мастер Хоббей владеет землями, соседствующими с землей подопечного. Кроме того, у него есть юный сын.

Гервасий кивнул умудренной головой:

– Все понятно. Если бы он выдал девицу за своего сына, то сумел бы округлить собственные владения. Предварительный брачный контракт нетрудно было бы составить, пока они были еще детьми. Сами знаете этих мелкопоместных: женятся в спешке, влюбляются на досуге.

– Но девушка умерла.

Служащий прищурился:

– В опекунском деле, как и повсюду, присутствуют свои риски. Однако остается еще женитьба мальчика. Хоббей мог и из нее извлечь выгоду.

Клерк отвернулся, поскольку дверь открылась и в ней появился толстый пожилой клерк со стопкой бумаг, которую он оставил на прилавке.

– Подтверждена опека дяди над юным мастером Эдвардом, – сообщил он. – Права его матери оспорены.

Из-за двери доносились звуки женского и детского плача. Клерк огладил свисавшие рукава своего облачения и добавил:

– Мать его сказала, что дядя настолько уродлив, что ребенок всякий раз спасается бегством, увидев его. Сэр Уильям отчитал ее за грубый выпад.

Миллинг подозвал к себе Алабастера и попросил:

– Напиши соответствующее распоряжение, будь умничкой.

– Да, сэр. – Алабастер ехидно улыбнулся судебному клерку. – Несть благодарности во опеке, не так ли, Тоший Пенс?

Клерк поскреб свой затылок:

– Похоже, что так.

Алабастер вновь усмехнулся, явив, на мой взгляд, достаточно скверную гримасу. Затем, заметив, что я смотрю на него, он опять повернулся к своему столу. Тоший Пенс вышел, и

Гервасий тоже возвратился к своему столу. Я вновь занялся документами Кертисов. В папке их оставалось немного: перечень сумм, потраченных Хоббеем на образование детей (очередная расходная статья) и коротенькое свидетельство, удостоверяющее смерть Эммы Кертис, приключившуюся в августе 1539 года. Наконец, там находилось еще с полдюжины ордеров, выданных за последние несколько лет мастеру Николасу на предмет разрешения вырубki принадлежащих Хью ограниченных участков леса «поелику деревья созрели, а потребность в лесе велика есть». Доход Хью, подобно его наследству, должен был сохраняться в Сиротском суде, а количество вырубленных деревьев «мастеру Хоббею надлежало непременно согласовывать с феодалом Хэмпшира». В каждом из перечисленных случаев суду представлялись суммы в размере от двадцати пяти до пятидесяти фунтов, в сопровождении удостоверения, подписанного местным феодалом, неким сэром Квинтином Приддисом. Ага, подумал я, вот и человек, который, скорее всего, покрывал махинации опекуна! Вполне вероятно, что Хоббей и Приддис разделили между собой куда более крупные суммы, нежели значилось в документах. Однако попробуй-ка докажи это. Как говорится: «Не пойман – не вор»... Я неторопливо закрыл папку и распрямился, вздрогнув от внезапной боли в спине.

Миллинг подошел ко мне:

– Вы закончили, сэр?

Я кивнул. И спросил:

– Интересно, а мастер Хоббей явится на первое слушание?

– Достаточно и того, чтобы на слушании присутствовал его адвокат. Хотя сам я непременно явился бы на суд в случае подобных обвинений.

– Согласен с вами, – ответил я и дружелюбно улыбнулся служащему, желая расположить его к себе. – Есть еще один вопрос, сведения по которому я хотел бы получить. Не связанный с этим делом. Мне нужно официальное заключение относительно невменяемости молодой женщины. Это происходило девятнадцать лет назад. Хотелось бы знать, не можете ли вы найти документ.

Старший клерк посмотрел на меня с сомнением:

– Вы представляете ее опекуна?

– Нет. Я хочу установить его личность.

Я опять похлопал себя по кошельку.

Миллинг приободрился:

– Строго говоря, это не совсем моя область. Однако я знаю, где хранятся материалы.

Глубоко вздохнув, он повернулся к младшему клерку:

– Алабастер, нам придется спуститься в Вонючую комнату. Сходи-ка на кухню, возьми фонари и жди нас внизу.

Посетители, ожидавшие приема на скамье, уже разошлись. Деловито ступая, Гервасий провел меня сквозь череду крохотных комнатшек. В одной из них клерк сортировал лежащие на столе энджелы и соверены, перекладывая золотые монеты из одной кучки в другую и делая при этом отметки в пухлом грессбухе.

Мы спустились на один пролет по каменным ступеням. От лестничной площадки вниз, во тьму, вела другая лестница, и вскоре мы оказались ниже уровня мостовой. Молодой клерк ожидал нас на следующей площадке. Он держал в руках парочку фонарей со свечами из пчелиного воска, испускавшими сочный желтый свет. Я удивился, каким образом юноша попал туда раньше нас.

– Спасибо, Алабастер, – произнес Миллинг. – Мы тут не задержимся. – Потом он повернулся ко мне. – Вам не захочется долго оставаться в этом месте.

Младший клерк поклонился и удалился широкими, размашистыми шагами. Взяв один из фонарей, старый служащий вручил мне второй:

– Пойдемте, сэр.

Я последовал за ним, осторожно ступая по древним ступеням, за многие века существенно истершимся посредине. В самом низу обнаружилась старинная дверь, обитая железными нащепками.

– Некогда здесь хранили часть королевских сокровищ, – сообщил мне Миллинг. – Это подземелье сохранилось еще с норманнских времен.

Поставив фонарь на пол, он повернул ключ в замке и навалился на створку. Дверь со скрипом отворилась. Она оказалась необычайно толстой и тяжелой, и, чтобы открыть ее, моему спутнику потребовались обе руки. Возле двери находилась половинка каменной плиты – точно такими же был выложен пол. Миллинг пододвинул ее ногой в дверной проем:

– На всякий случай, сэр, чтобы случайно не захлопнулась. Будьте внимательны, за дверью ступени.

Последовав за ним в угольную черноту, я чуть-чуть не задохнулся от внезапно накатившего запаха гнили... точнее сказать, меня едва не вырвало. Фонарь Миллинга тусклым светом освещал небольшое, вымощенное камнем помещение. Где-то сочилась по капле вода, и стены были покрыты густым пологом плесени. Стопки древних бумаг, иногда с красными печатями, болтавшимися на полосках крашеной ткани, были сложены на отсыревших полках и на старинных деревянных сундуках, поставленных друг на друга.

– Старое хранилище, – пояснил клерк. – Дела палаты опеки разрастаются со страшной силой, и все отведенное для хранения место уже использовано, поэтому нам пришлось перенести сюда бумаги, касающиеся тех подопечных, кто уже либо умер, либо вырос и тем самым вышел из-под опеки. А также дела умалишенных. – Повернувшись, Миллинг строго посмотрел на меня, и свет фонаря сделал его лицо еще более морщинистым. – Они не приносят никакого дохода, вы же понимаете...

Скверный воздух заставил меня закашляться.

– Теперь понятно, почему вы называете эту комнату Вонючей.

– Здесь никто не выдерживает долго... все мигом принимаются кашлять и задыхаться. Я не люблю ходить сюда, потому что в сырую зиму начинаю чихать даже в собственном доме. Я говорю начальству, что через несколько лет все эти бумаги просто-напросто склеятся от плесени, но меня никто не слушает. Ладно, давайте-ка к делу! В каком году было вынесено заключение, которое вы ищете, сэр?

– Примерно в одна тысяча пятьсот двадцать шестом. Имя – Эллен Феттиплейс. Она из Сассекса.

Собеседник внимательно посмотрел на меня:

– А этим делом также интересуется королева?

– Нет.

– Значит, так: двадцать шестой год. Король тогда еще был женат на Екатерине Арагонской. Затем начались волнения, он затеял развод, чтобы обвенчаться с Анной Болейн... – Миллинг усмехнулся. – А что в результате? За этим последовали новые разводы и казни, так?

Клерк прошел мимо сундуков и махнул рукой в дальний угол.

– Вот где мы держим дела умалишенных, – пояснил он, остановившись возле ряда полок, заваленных явно влажными на вид бумагами. Приподняв фонарь, он выудил небольшую стопку. – Так, одна тысяча пятьсот двадцать шестой год.

Положив документы на каменный пол, Миллинг пригнулся и начал перебирать их. Чуть погодя он повернулся ко мне:

– Никаких Феттиплейсов, сэр.

– Точно? А нет ли похожих фамилий?

– Нет, сэр. Вы уверены в том, что правильно назвали дату?

– Попробуйте посмотреть предшествующий и последующий годы.

Гервасий неторопливо разогнулся, открывая оставшиеся на рейтузах влажные следы, и возвратился к полкам. Как только он принес новую порцию документов, у меня запершило в носу и горле. Казалось, что мохнатый сырой налет на стенах начинает буквально проникать внутрь меня. Однако клерк еще не закончил свою работу. Он вытащил еще две стопки бумаг и положил их на пол, торопливо пролистав опытными пальцами. Я заметил огромный блестящий гриб, вросший между плитами пола. Наконец Миллинг покачал головой:

– Нет ничего похожего, сэр. Никаких Феттиплейсов. Я просмотрел и предшествующий, и последующий годы. И если бы подобное заключение существовало, то непременно отыскал бы его.

Вот так неожиданный поворот. Как Эллен могла очутиться в Бедламе, если не было вынесено соответствующее заключение о ее безумии? Миллинг поднялся, и колени его хрустнули. И тут мы оба вздрогнули, услышав громовой раскат, докатившийся до нас через полуприкрытую дверь. Даже здесь, под землей, он казался оглушительным.

– Внемлите ему, – проговорил служащий. – Какой грохот! Словно бы сам Господь обрушил на нас свой гнев.

– Не без причины, учитывая все, что творится в этом месте, – отозвался я с внезапно нахлынувшей на сердце горечью.

Подняв фонарь, Гервасий вновь посмотрел на меня:

– В этом месте, сэр, все совершается согласно воле короля, нашего господина, суверена и главы Церкви. Его приказ служит достаточным основанием для очистки нашей совести.

«Интересно, – подумал я, – старик и впрямь верит собственным словам или же просто нашел для себя удобное оправдание?»

– Жаль, что мне так и не удалось отыскать эту вашу сумасшедшую, – посетовал он.

– Что ж, иногда и отсутствие сведений в архивах может оказаться полезным.

Миллинг продолжал смотреть на меня, и в глазах его блестело любопытство, а возможно, и более глубокое чувство.

– Надеюсь, у вас получится найти свидетелей по делу Кертисов, сэр, – произнес он негромко. – А что все-таки произошло с Майклом Кафхиллом? Мастер Сьюстер ничего не сказал мне.

Я мрачно посмотрел на клерка:

– Он наложил на себя руки.

Проницательные темные глаза Гервасия опять блеснули.

– Вот уж не подумал бы, что он может это сделать. Подавая прошение, молодой человек явно испытывал облегчение.

И, покачивая седеющей головой, старый служащий повел меня по коридорам в обратную сторону.

Глава 6

Оказавшись снаружи, я заморгал от неожиданно яркого света. Мостовую покрывали градины, блестящие под снова обретшим голубизну небом. Воздух посвежел, сделался прохладнее... Я осторожно направился прочь, хрустя хрупкими льдинками на ставшей скользкой мостовой. Во дворе появились люди, укрывавшиеся от грозы в дверях.

Я решил заглянуть к Бараку, благо это было как раз по дороге, и узнать, вернулся ли он. К тому времени, когда я оказался на Чаринг-Кросс, град полностью растаял и земля под ногами была уже лишь слегка влажной. Проходя мимо роскошных новых богатых особняков, выстроившихся вдоль Стрэнда, я размышлял об Эллен. Как могло случиться, чтобы ее поместили в Бедлам, не выписав перед этим заключение о безумии? Кому-то явно заплатили и до сих пор платят за то, чтобы бедная женщина оставалась там. Насколько я понимал, мисс Феттиплейс вполне свободно могла оставить лечебницу хоть завтра, но вот парадокс – именно этого она сделать никак не могла.

Я свернул на Батчер-лейн, короткую улочку, по обеим сторонам которой выстроились двухэтажные дома. Барак и Тамазин снимали первый этаж аккуратного домика, выкрашенного в приятные глазу желтый и зеленый цвета. Я постучал в дверь, и мне открыла мамаша Маррис, крепкая женщина сорока с лишним лет. Обычно Джейн Маррис пребывала в приветливом и благожелательном настроении. Но в тот день она казалась озабоченной.

– В порядке ли миссис Тамазин? – спросил я с тревогой.

– Она-то в порядке! – ответила Джейн несколько резковато. – А вот про мастера так не скажешь.

Она провела меня в опрятную крохотную гостиную, за окошком которой светился яркими цветами сад. Тамазин сидела посреди груды подушек, придерживая руками живот. По лицу ее текли слезы, но выражение на нем было гневным. Джек Барак со смущенным видом сидел в жестком кресле возле стены. Я посмотрел по очереди на них обоих:

– Что случилось?

Тамазин бросила на супруга яростный взгляд:

– К нам вернулся тот офицер. И записал дурака Джека в армию!

– Что? Но они ведь берут в основном неженатых!

– Для нас сделали исключение, а все потому, что Джек вел себя вызывающе, – объяснила молодая женщина. – И позволил себе сцепиться с ним. Джек считает, что может поступать, как ему заблагорассудится. Ему все еще кажется, что он по-прежнему любимый слуга Томаса Кромвеля, а не простой помощник адвоката.

Барак дернулся:

– Но, Тамми, я не думал...

– Молчи уж, несчастье мое! Сэр, не поможете ли вы нам? Джеку велено через три дня явиться к Чипсайдскому кресту и принять присягу.

– Так уж прямо и присягу? Без участия в смотре боевой подготовки?

Барак повернулся ко мне:

– Вояка заявил, что это вовсе не обязательно. Сказал, что видит меня насквозь... что я крепок и способен выносить превратности службы. И он не пожелал выслушивать никакие аргументы, сразу начал орать. Дескать, я признан годным и все такое. – Джек вздохнул. – Тамми права: я вел себя слишком дерзко, вот этот тип и невзлюбил меня.

– Вербовщики должны выбирать подходящих людей вне зависимости от собственной приязни или неприязни, – вздохнул я. – Как его звали?

– Гудрик.

– Хорошо, завтра схожу к олдермену Карверу. – Я строго посмотрел на Барака. – Офицер, возможно, потребует возмещения ущерба, нанесенного его чести, ты же понимаешь.

– Мы тут скопили немного денег, – негромко проговорил Джек.

– Да, скопили! – взвилась Тамазин. – Для ребенка!

Глаза ее наполнились слезами.

Барак пожал плечами:

– Однако их с тем же успехом можно потратить прямо сейчас. Монеты обесцениваются с каждым днем. Тамми, не стоит снова заливаться соплями! Как говорится, деньги – дело наживное.

Я думал, что жена вновь прикрикнет на него, однако она только вздохнула и негромко промолвила:

– Джек, мне бы хотелось, чтобы ты смирился уже наконец со своим положением и успокоился. Ну почему ты вечно ссоришься с людьми? Неужели нельзя жить тихо-мирно?

– Прости меня, – ответил ее супруг смиренным тоном. – Мне следовало заранее подумать о последствиях. Но не переживай, все будет в порядке: мастер Шардлейк сумеет спасти нас.

Тамазин закрыла глаза и тяжело вздохнула:

– Как же я устала, оставьте меня в покое!

– Джек, – торопливо произнес я, – давай-ка выйдем и поговорим о деле. У меня есть кое-какие интересные новости. И я знаю, где нас могут накормить пирогом...

Барак застыл в нерешительности, однако я видел, что Тамазин лучше какое-то время побыть одной.

Оказавшись за дверью, мой помощник покачал головой:

– Ну и буря была!

– Да уж. Градины в Вестминстере лежали на земле сплошным слоем.

Джек кивнул в сторону своего дома:

– Я не это имел в виду.

Я усмехнулся:

– Тамми права. Ты не исправим.

Мы отправились в расположенную возле Ньюгейтской тюрьмы таверну, излюбленное место студентов-юристов и ищущих работу адвокатов. Там уже было полным-полно народу. Компания из нескольких студентов и полудюжины учеников сидела вокруг большого стола. Классовые различия, отметил я, каким-то образом размывались среди молодых людей призывного возраста. Все они были уже основательно навеселе и распевали песню, сделавшуюся популярной после того, как три года назад мы разбили шотландцев в битве при Солуэй-Моссе.

Ну а теперь, подумал я, скотты, подкрепленные тысячной французской ратью, явно готовились навалиться на нас. Впрочем, этому едва ли стоило удивляться после того, как наш король целых три года «рыцарственно» воевал с их малолетней королевой Марией Стюарт. Приглядевшись к развеселой компании, я заметил среди молодежи человека постарше и узнал покрытое шрамами лицо и повязку на глазу: ба, да это же мой собственный домоправитель! Побагровевший от спиртного Колдайрон во всю глотку орал песню. Я вспомнил, что сегодня у него как раз свободный вечер.

– Сходи-ка принеси мне пиво и пирог, – сказал я Бараку, кивнув в сторону стойки, отделенной от таверны перегородкой.

Мой спутник возвратился с двумя кружками пива и двумя пирогами с бараниной. Тяжело опустившись на скамью, он посмотрел на меня виноватыми глазами:

– Простите, что причиняю вам лишние хлопоты.

– Тамазин здорово на тебя рассердилась.

– Она абсолютно права, я это знаю. Мне не стоило раздражать этого тупого солдафона. Военные у нас такие обидчивые. Вы уже слышали? Отряд немецких наемников сегодня утроем

учинил бунт в Ислингтоне. Хотели получить побольше денег перед выступлением в Шотландию.

– Английские войска не устраивают никаких волнений.

– Вы сумеете вызволить меня из этой истории? – спросил мой помощник серьезным тоном.

– Очень надеюсь. Ты же знаешь, что я сделаю все, что смогу. – Я покачал головой. – Сегодня видел, как сотня людей из городского ополчения уходила от Вестминстерского причала. А в Линкольнс-Инн говорили, что во флоте уже двенадцать тысяч человек. Шестьдесят тысяч ополченцев находятся на берегу Ла-Манша, тридцать тысяч – в Эссексе. Еще двадцать тысяч – на шотландской границе. Милостивый Боже!..

За перегородкой один из разгулявшихся юнцов вдруг выкрикнул:

– Мы разыщем в Лондоне всех французских лазутчиков до последнего! Эти грязные свиньи – не ровня простому англичанину!

– Этот петушок запел бы иначе, будь у него жена и ребенок.

Барак откусил большой кусок пирога и отхлебнул пива.

– Но если бы ты сам вновь стал молодым и холостым, неужели бы ты сейчас к ним не присоединился?

– Нет. Я никогда не стремлюсь бежать вместе со всеми, особенно когда вся толпа несется к обрыву.

Утерев губы, Джек снова приложился к кружке.

Я посмотрел на почти опустошенную им посудину:

– Эй, полегче! Не стоит слишком увлекаться!

– Вы же знаете, что теперь я проявляю умеренность. Не хочу вновь поссориться с Тамзин. Однако воздержание не всегда дается мне легко. Хорошо вам читать нотации по этому поводу... Сами вы пьете так мало, что в вашей кружке и мышь не утопишь!

Я грустно улыбнулся. Действительно, пью я мало. Никак не могу выбросить из памяти отца, который после смерти матери проводил все вечера в таверне. Уже лежа в постели, я слышал, как слуги ведут его наверх, нетвердо держащегося на ногах и бормочущего какую-то чушь. Я дал себе клятву, что никогда не стану таким же пьяницей. Покачав головой, я поинтересовался:

– Так что же тебе удалось выяснить сегодня?

– Мне кажется, что в смерти Майкла Кафхилла кроется нечто странное, – негромко промолвил Джек. – Я поговорил с его соседями, встретился с местным констеблем. Старикан поначалу упорно хранил молчание, так что пришлось ублажить его пивом. Он сказал, что у Майкла были раздоры с некоторыми из местных подмастерьев. С уличными мальчишками, пыжающимися, чтобы изобразить из себя невесту что, и видящими в каждом встречном-поперечном французских шпионов.

– Какого рода раздоры?

– Констебль слышал, как некоторые из них выкрикивали в спину Кафхиллу ругательства. Очевидно, здешним парням не нравилось, как он смотрел на них.

– И как же?

– Да так, как если бы хотел забраться к ним в гульфики.

Глаза мои округлились.

– На слушании об этом не должно прозвучать ни слова. А что сказали соседи?

– Под комнатой Майкла живет молодая пара. Они не часто с ним встречались, разве что слышали, как их сосед поднимается по лестнице или рассказывает у себя в комнате. В ночь его смерти супругов разбудил какой-то грохот. Муж поднялся наверх и постучал, но ему никто не ответил, поэтому он вызвал констебля. Тот взломал дверь и обнаружил, что Кафхилл повесился на потолочной балке. Вырезав полосу из простыни, он связал из нее удавку, а потом встал

на стул и ногою отбросил его. Стул-то и произвел шум. – Оживившийся Барак наклонился вперед. – Я спросил у тех молодых соседей, не слышали ли они на лестнице других шагов, направлявшихся вверх или вниз. Они не слышали, но над комнатой Майкла других этажей нет. И констебль вспомнил, что окно в комнате покойного было открыто.

– Лето ведь на дворе, чему тут удивляться!

– Я просто хочу сказать, что некто мог забраться в комнату через окно, удушить спящего Майкла, а затем повесить его. – Барак улыбнулся лукаво, совсем как в прежние времена. – Если хотите, можем завтра сходить туда, поглядите сами. Комнату с тех пор не сдавали. Констебль оставил ключ у молодой пары внизу. Я предупредил их, что могу вернуться, и притом не один.

– Я подумаю об этом. А как насчет викария?

– Его зовут мастер Бротон, и он по-прежнему служит в той же самой церкви Святой Эвелины на Фолл-лейн. Но сегодня его не оказалось на месте, и служба велел зайти завтра к одиннадцати.

Я улыбнулся:

– Отлично. Возможно, у нас появится хоть один свидетель, в котором мы так нуждаемся.

Я рассказал Бараку о своем визите в Суд по делам опеки. И заметил:

– Ты еще легко отделался, если тебе просто пришлось заплатить констеблю за пиво. Мне вот пришлось расстаться с тремя шиллингами чистым серебром, чтобы заручиться помощью Миллинга. Завтра переговорим с викарием. Кроме того, надо, пожалуй, посмотреть на жилище Майкла: вдруг и впрямь обнаружим нечто подозрительное. Впрочем, мать говорила, что записка точно была зажата в его руке. – Я нахмурился. – Интересно, что такого он мог увидеть в Хэмпшире, чтобы лишиться рассудка?..

Компания за перегородкой шумела все громче, и я вновь услышал скрежещущий голос своего эконома:

– Мужчины теперь слишком обабились! Спят себе как ни в чем не бывало! Иной подбросит веток в очаг, натянет одеяло на уши и дрыхнет, что та свинья!

– А я бы лучше повозился со своей милой киской! – отозвался кто-то из его собутыльников.

Колдайрон гаркнул, перекрывая хохот:

– Да таких кисок в армии навалом! Сами за лагерем ходят! Грязные девки, конечно, однако дело свое знают! А ну, ребята, кто меня пивком еще раз угостит?

– Вы явно дали маху, взяв этого типа на работу, – хмыкнул Барак.

– Я и сам это уже понял. И намерен отделаться от него, сразу как только найду замену.

Джек опустошил свою кружку:

– Не хотите еще по одной? Не беспокойтесь за меня. Эта точно будет последняя.

– Хорошо. Только не попадись Колдайрону на глаза.

Пока мой товарищ ходил за выпивкой, я погрузился в раздумья и, когда он вернулся, сказал:

– Мне удалось выяснить в Сиротском суде кое-что относительно Эллен. Оказывается, сумасшествие ее не было официально установлено.

– Тогда каким же образом она угодила в Бедлам?

– Именно это я и хочу выяснить. Кто-то платит за ее пребывание в лечебнице. Попечитель Метвис, конечно, знает, кто именно, иначе и быть не может. Как и все смотрители Бедлама, управлявшие им последние девятнадцать лет. Должность смотрителя считается доходной, ее продают надежным людям.

– Дело кончится тем, что вы еще сильнее привяжетесь к Эллен, – вздохнул Барак.

Я покачал головой:

– Этого не будет. Я просто не могу пойти на такое.

– Смотрите: в данный момент у Эллен есть крыша над головой и нечто вроде работы. Если вы вдруг начнете раскапывать фамильные секреты мисс Феттиплейс, тот, кто оплачивает сейчас ее пребывание в Бедламе, может просто-напросто прекратить это делать. И тогда смотритель выставит беднягу на улицу. Ну и куда ей идти в таком случае? К вам домой?

Я тоже вздохнул, ибо Джек говорил правду. Однако возразил:

– Я буду действовать тихо и осторожно. Сам понимаешь, что если я поеду в Портсмут, то никак не смогу удержаться от попытки выяснить, что именно случилось в Рольфсвуде много лет тому назад.

– А вы действительно туда поедете?

– Ну да, если только дело не закроют в понедельник. Слушай, завтра с утра я отправлюсь к олдермену Карверу, чтобы вызволить тебя из неприятностей, в которые ты угодил. За ним числится должок, так что, надеюсь, он мне поможет. После мы можем сходить к этому викарию, разведать, что ему известно о семействе Кертис. Кстати, в понедельник Бесс придется посетить слушание по делу Кертисов. Я встречу с ней в субботу. Не хочу, чтобы она узнала о том, как Майкл смотрел на тех мальчишек. Если, конечно, это вообще правда.

– Быть может, это они решили убить его?

– За сальные взгляды? Не говори глупостей!

– Но что, если викарий не сообщит нам ничего такого, что можно будет обратить против Хоббея?

– Тогда дело становится более сложным. Мне придется уповать на крайнюю жесткость обвинений Майкла и упомянуть, что право опеки было предоставлено слишком быстро. Коли потребуется, я заявлю, что семейство Хоббей следует допросить. Если суд согласится, мне, возможно, придется самому съездить в Хэмпшир и снять показания. Кроме того, я повидаюсь с Дириком – но лишь после того, как мы максимально проясним обстановку.

– Если вы отправитесь в Портсмут, вам придется взять кого-то с собой. Это дело может оказаться грязным. Как и история Эллен.

– Ты никуда не поедешь, пока Тамазин не родит. Джентльмен может путешествовать в сопровождении слуги, но я скорее добровольно вступлю в армию, чем возьму с собой Колдайрона. Ладно, как-нибудь договорюсь с Уорнером. – Я покачал головой. – Опека... А знаешь девиз Сиротского суда? Он вырезан у них над дверью. «Pupillis orphanis et viduis adiutor».

– Вы же в курсе, что я не владею латынью.

– Это означает: «Помощник опекаемым, сиротам и вдовам». Косвенная цитата из книги маккавейской о последствиях войны: «...когда они выделили часть трофеев искалеченным, вдовам и сиротам».

– Ну уж, по мне, так это притянута за уши! При чем тут маккавейские книги?

– Мне просто показалось, что человек, придумавший этот девиз, обладал извращенным чувством юмора.

Притихнув на мгновение, Барак проговорил:

– Могу назвать возможного кандидата.

– Да ну? И кого же?

– Помню, лорд Кромвель как-то сказал мне, что ему предложили идею, способную принести королю огромный доход. Посредством раздачи монастырских земель при условии рыцарской службы, что поставит всех покупателей в подверженность опеке. – Он пристально посмотрел на меня. – Идею сию выдвинул глава Суда казначейства, который ведал монастырской собственностью.

– Ричард Рич.

– Он ведал также кормлениями и в старой палате опеки. Просто совместил две идеи.

– Ах да, я и забыл, что Рич успел и там отметиться.

– О, эта крыса совала свое рыло во всякий грязный пирог! Он предал моего господина, давшего ему службу. Восстал на него и добился осуждения, когда тот потерял милость короля. – Джек стиснул кулак.

– Ты по-прежнему вспоминаешь Кромвеля с приязнью.

– Еще бы нет! – В голосе моего помощника звучал вызов. – Да Кромвель был мне как отец родной. Когда я был парнишкой, буквально подобрал меня на улице. Как я могу плохо отзываться о нем?

– Он был человеком жестким, даже жестоким. И между прочим, приставил к месту многих из тех бессердечных людей, что правят нами сейчас. Таких, например, как сэр Уильям Паулит.

Барак изменил позу и негромко возразил:

– Мне не нравилось многое из того, что лорд Кромвель заставлял меня делать. Подбирать ему шпионов и информаторов, время от времени запугивать тех, кто, по его мнению, нуждался в этом. Однако противники Кромвеля при дворе были ничуть не лучше, и они ненавидели его за не слишком благородное происхождение и радикальные взгляды. В последнее время мне частенько вспоминается прежняя работа. Что ни говорите, а я тогда жил на полную катушку.

– Но теперь у тебя есть Тамазин. И скоро родится ребенок. Неужели этого мало для счастья?

Джек посмотрел на меня с необычайной серьезностью:

– Все это прекрасно, но это совсем другое. Ну... словно бы две разные жизни. И я прекрасно понимаю, что совместить их между собой попросту невозможно.

Недолго помолчав, он поднялся:

– Ладно, пойдемте уже. Мне пора домой, если я не хочу нарваться на новые неприятности.

Веселье за перегородкой не прекращалось. Проходя мимо, я отвернулся, чтобы не встретиться взглядом со своим домоправителем. Один из студентов, уже мертвецки пьяный, повалился головой на стол. А Уильям Колдайрон продолжал разглагольствовать, уже довольно невнятно:

– Двадцать лет я был солдатом. Я служил в Карлайле, Булони и даже в Тауэре. Двадцать лет я служил королю. – Голос его возвысился. – Это я убил шотландского короля! В великой и страшной битве при Флоддене. Шотландские копейщики бросились тогда на нас с вершины холма, пушки их палили всюду, но мы не дрогнули.

– Англичане никогда не дрогнут! – завопил один из студентов, и вся компания в знак одобрения принялась хлопать ладонями по столу.

– А вам никогда не хотелось остепениться, мастер Колдайрон? – спросил один из подмастерьев. – Жениться, стать отцом семейства?

– С такой-то харей? Ха! Разумеется, нет! И потом, кто захочет, чтобы им правила женщина? Слышал, как говорят: «Среди множества ангелочков на всем свете есть одна только мегера, да вот только почему-то женаты на ней все мужчины!»

За спиной у нас раздался взрыв хохота. Мы с Баракком направились к выходу. И я подумал: «Интересное дело, если у тебя никогда не было ни жены, ни детей, то кем же тебе тогда приходится Джозефина?»

Глава 7

На следующее утро я отправился в ратушу к десяти часам. Накануне вечером я послал с запиской в дом олдермена Карвера своего слугу Тимоти, и он возвратился с сообщением, что раньше Карвер принять меня не сможет. Это было досадно, ибо в тот день предстояло много дел. Тогда я отправил слугу к Бараку, назначив тому свидание в одиннадцать утра перед церковью Святой Эвелины.

После завтрака я облачился в свой лучший наряд, чтобы произвести на олдермена самое выгодное впечатление. Спустившись в гостиную, я обнаружил там Гая за ранним, как всегда у него бывало, завтраком. Сидя за столом, он читал свой драгоценный трактат Везалия «De humani corporis fabrica»¹³. Первый экземпляр стащил у него два года тому назад бывший ученик, и только в результате больших трудов и затрат моему другу удалось обзавестись новым. Малтон как раз водил пальцем по одной из прекрасных, но весьма неаппетитных иллюстраций, изображавших отрубленную руку.

– Доброе утро, Гай! Снова за занятиями, как вижу, – улыбнулся я ему.

– Глубина этой книги не перестает изумлять, – грустно улыбнулся мой друг. – Колдайрон застал меня однажды за ее чтением и очень заинтересовался. Даже почтил рассказами о том, как просто было узнать устройство человека в битве при Флоддене.

– Неудивительно. Гай, а что ты думаешь о Джозефине?

Откинувшись на спинку кресла, медик призадумался:

– Ну, девушка очень застенчива. И, на мой взгляд, несчастна. Хотя с таким отцом, как Колдайрон, это вполне ожидаемо. Она также застала меня однажды за чтением Везалия. Бедняжку едва не вырвало.

– Я не стал бы винить ее в этом. И возлюбленного у Джозефины нет, не так ли?

– Нет. Кстати, жаль, ибо при своей природной доброте она могла бы казаться еще и достаточно хорошенькой, если бы только заботилась о своей внешности. И уж больно девочка в себе не уверена.

– Колдайрон вечно распекает бедняжку. Совсем затюкал Джозефину.

– Несколько дней назад я оказался в прихожей, когда он раскричался на нее на кухне. Назвал дочь тупой неуклюжей коровой за то, что она что-то там уронила. Девчонка залилась слезами. И тут я с удивлением услышал, что папаша принялся ее утешать. Сказал: «Со мной тебе ничего не грозит», после чего назвал своей Жожо.

– А что ей может грозить? – Я покачал головой. – Я, вообще-то, намеревался уволить Уильяма. Как ты думаешь, а можно при этом сохранить место за Джозефиной?

– Боюсь, что девушка полностью зависит от отца.

Я вздохнул:

– Ну ладно, мне пора идти. Попытаюсь избавить Барака от той самой солдатской жизни, которой столь бахвалится мой эконо́м.

День начинался хорошо: от грозы не осталось и следа, небеса всю синели и было достаточно прохладно. Шагая по улице, я размышлял о том, что мне удалось выяснить относительно Эллен. Как и подобает доброму адвокату, я обдумывал вопросы, связанные с организацией и властью. Некое соглашение, которое до сих пор выполнялось, было заключено со смотрителем, управлявшим Бедламом в 1526 году. Но кем именно? Не знаю почему, но все это мне очень не нравилось, и я чувствовал, что должен спасти мисс Феттиплейс.

¹³ «О строении человеческого тела» (лат.) – учебник по анатомии человека в семи книгах, написанный нидерландским медиком Андреасом Везалием в 1543 г.

Я вновь шел по Чипсайду. Утро выдалось деловое и оживленное, повсюду слышны были гневные споры по поводу новой монеты. Двое торговцев беседовали о том, что град побил поля вокруг Лондона, а стало быть, хлеб в этом году опять будет очень дорог.

Я повернул в сторону ратуши и поднялся по лестнице в широкий вестибюль, по которому гуляло эхо шагов. Мастер Карвер ожидал меня во всем великолепии своего алого одеяния. К моему удивлению, он был не один. Компанию ему составлял тот самый бородатый офицер с Линкольнс-Инн-филдс, в своем бело-красном мундире и с мечом на поясе. Он бросил на меня мрачный взгляд.

– Доброе утро, сержант Шардлейк, – сердечно приветствовал меня Карвер. – С сожалением услышал, что у вашего клерка возникла проблема.

Затем он повернулся к военному и пояснил:

– Мастер Гудрик пожелал присутствовать при нашем разговоре, так как дело затрагивает лично его.

Густые брови офицера, выражая неудовольствие, сошлись на переносице.

– Ваш человек повел себя нагло, сэр, – сказал он. – Своим поведением он отрицал власть короля. У него нет лука, и он даже не заикнулся о том, что тренировался в стрельбе.

– Но это можно сказать об очень многих, – ответил я кротким тоном.

– Это не оправдание. Констебль сообщил мне, что Джек Барак происходит из еврейской семьи. Потому-то он и не обнаруживает верности Англии, когда в нее вот-вот вторгнутся враги.

Вот оно как, пошла старая история! Я заставил себя улыбнуться:

– Барак иногда и впрямь бывает малость непочтительным. Но он верноподданный его величества и много лет работал у лорда Кромвеля.

– Казненного за измену, – резко отпарировал Гудрик. – Это никак не может служить основанием для того, чтобы вашего помощника освободили от военной службы. – Он задиристо посмотрел на меня.

Я попробовал еще раз:

– У Барака сейчас много забот. Его жена должна вот-вот родить, они и так уже потеряли первого ребенка: тот появился на свет мертвым.

Олдермен Карвер с сочувствием кивнул:

– Как это прискорбно! Разве нет, мастер Гудрик?

Однако солдафон несколько не впечатлился. И продолжал гнуть свою линию:

– Этот тип щелкнул пальцами у меня перед лицом и велел проваливать из его дома, словно бы я какой-то простолюдин и он может указывать мне что да как. Из тех новобранцев, кого я видел, многие не годны к службе, однако этот человек кажется мне здоровым и сильным. Из него получится отличный копейщик.

– Ну что ж, – промолвил я задумчиво, – полагаю, все это так. Однако не могли бы мы прийти к какому-нибудь соглашению?

– Да-да! – бодро подхватил Карвер. – Мастер Шардлейк много раз вел дела в интересах мэрии, и я могу поручиться за него. Кроме того, я видел этого Барака, ему уже хорошо за тридцать. Староват он для военной службы. Если вы проявите снисхождение, я не сомневаюсь в том, что сержант Шардлейк охотно выразит свою благодарность. Наверняка сделает какое-либо пожертвование...

Гудрик побагровел еще больше.

– Дело не в деньгах, – проговорил он строгим тоном, заставившим проходивших мимо торговцев остановиться и посмотреть на нас. – Этот тип, Джек Барак, вполне годен к службе, и его надлежит научить дисциплине и верности.

Олдермен прикусил губу и посмотрел на меня:

– Сержант Шардлейк, не могли бы мы переброситься парой слов наедине, если мастер Гудрик позволит?

Офицер пожал плечами, и Карвер взял меня под руку и отвел в угол.

– Я допустил ошибку, – признался он. – Мне показалось, что его можно подкупить. Однако Гудрик – человек норовистый и в данном случае закусил удила. Сказывается многолетняя привычка к муштре...

– То есть?

– Он долгое время был младшим офицером, занимался строевой подготовкой и отвечал за дисциплину. А потом ушел из армии, но подался в ополчение. Прежде был всего лишь караульным и чрезвычайно ревностно относится к власти, возвращенной ему войной. Искренне считает, что Барак опозорил нашу армию.

– Мастер Карвер, благополучие Барака и его жены очень важно для меня. Если вы сможете разрешить эту ситуацию, я с радостью пожертвую торговой гильдии круглую сумму, хотя, по чести говоря, у меня имеется не слишком много наличных, поскольку близится очередная выплата по добровольному сбору.

– Ладно, мастер Шардлейк, постараюсь еще раз, приложу все усилия.

– Благодарю вас.

– Я не забыл, как вы взялись за дело, представлявшееся всем абсолютно безнадежным, и сохранили мне земли, которые намеревался отсудить у меня кузен. – Мой собеседник приподнял брови. – И я вполне понимаю, как чувствует себя в данный момент Барак. Армия нуждается в джентльменах, командующих полками и батальонами в чине капитана, и меня тоже попросили возглавить батальон лондонцев. К счастью, мне удалось доказать, что лично я пользы на этом поприще не принесу. Я переговорю с начальством Гудрика. Мне известно, что вы ведете дела королевы: можно ли для солидности упомянуть об этом?

Я помедлил, ибо не люблю слишком часто пользоваться именем ее величества. Но все же кивнул.

– Что касается Барака, то постарайтесь, чтобы он не вляпался в новые неприятности. Как только будут новости, я немедленно извещу вас, – заверил меня олдермен.

– Спасибо.

Карвер понизил голос:

– Во вторник я видел вас на смотре. Откровенно говоря, я чувствовал себя очень глупо, восседая верхом на коне. Эта война... И все лишь потому, что королю зачем-то понадобилась ничего не стоящая Булонь!

– Абсолютно с вами согласен. Но тут мы не в силах что-либо изменить. Пожалуйста, сэр, сделайте все возможное, чтобы помочь Бараку. Очень прошу вас.

Попрощавшись с олдерменом, я кивнул Гудрику. Тот словно бы и не заметил меня.

Я прошел до расположенной неподалеку Фолл-лейн, отходящей от Бейзингхолл-стрит. Невдалеке маячили городская стена и высокие башни Болотных ворот. Облик здешних домов, окруженных сзади просторными садами Дрейперс-холла, ясно свидетельствовал о благосостоянии их владельцев: огромные окна из самого лучшего стекла и прекрасные резные двери. Мимо в компании двоих вооруженных слуг проществовала жена торговца. Ее лицо прикрывала вуаль.

Небольшая старая церквушка возвышалась над улочкой. На остром шпиле красовался новенький блестящий флюгер: богатый приход, что и говорить. Барак с покаянным видом сидел возле двери. Увидев меня, он встал.

– Служка говорит, что викарий Бротон вот-вот подойдет, – сказал он и тут же поинтересовался: – Ну что, новости есть?

Я пересказал ему разговор с Гудриком. Лицо моего помощника вытянулось, когда он осознал, что вопрос так пока и остался нерешенным.

– Тамми убьет меня, – вздохнул он.

– Олдермен Карвер пообещал сделать все, что в его силах. Он на нашей стороне. Муниципальному совету надоели бесконечные требования короля предоставлять ему новых и новых солдат. Однако члены магистрата тем не менее помнят о том, что произошло с олдерменом Ридом.

Барак с горечью усмехнулся:

– Едва ли такое можно забыть!

Проявленное Ридом неповиновение явилось предметом разговоров в Лондоне еще в январе. Король наложил добровольный (в кавычках, естественно) набор на своих подданных – в дополнение ко всем прочим, которые он учредил ради войны. Отказался заплатить один только Рид, который за свое упрямство оказался в армии, в войске лорда Хартфорда на границе с Шотландией. Вскоре после прибытия туда он попал в плен и с тех пор пребывал узником скоттов.

– Разве у муниципалитета больше не осталось власти? – спросил Джек, пнув камешек. – Лондонцы привыкли поглядывать по сторонам в страхе перед олдерменами.

Сев рядом с ним, я прищурился, посмотрев на солнце:

– Теперь они поглядывают по сторонам в страхе перед королем. И этот Гудрик действует от его имени. Однако Карвер обратится к высшим инстанциям.

Недолго помолчав, Барак взорвался:

– Господи Иисусе, как же мы дошли до такой жизни?! Ведь вплоть до начала этой заварушки мы не воевали с Францией целых двадцать лет!

– Быть может, король видит во взятии Булони свой последний шанс прославиться. Не зря ведь в прошлом году он заключил союз с Карлом Пятым, императором Священной Римской империи.

– Ага, союз, оказавшийся совершенно бесполезным. Император, считай, бросил нас, оставив с французами один на один.

Я посмотрел на собеседника:

– Если французам удастся вторгнуться в Англию, снисхождения они не проявят. Как и их союзники-шотландцы. А судя по словам королевы, вторжение вот-вот начнется.

– Я не оставлю Тамазин. – Джек стиснул кулаки. – Им придется забирать меня в армию силой.

Заметив приближавшегося человека в белой сутане – пожилого, сутулого и с длинной седой бородой, – я торопливо поднялся, толкнув Барака в плечо:

– Быстро, вставай.

Мы поклонились священнику. На лице его застыло серьезное выражение, но карие глаза были полны доброты.

– Мастер Шардлейк? – спросил он меня.

– Да, сэр. Мастер Бротон, если не ошибаюсь? А это мой помощник Барак.

– Вы по поводу семейства Кертис?

– Да.

– Ну надо же, – промолвил наш новый знакомый, – ими наконец хоть кто-то заинтересовался.

Викарий провел нас в церковь. Внутри ее царила пустота, посреди которой откровенно зияли ниши, раньше вмещавшие статуи святых. Для прихожан были расставлены табуреты с лежащими на них обязательными новыми молитвенниками короля. Пригласив нас обоих сесть, Бротон опустил на табурет перед нами:

– Насколько я понимаю, вы адвокат, сэр? И представляете интересы Хью Кертиса? Лишь он один из этой несчастной семьи остался в живых.

– Нет. Хью по-прежнему живет с мастером Хоббеем в Хэмпшире, – ответил я. – Я даже не встречался с ним. Жалобу на исполнение мастером Хоббеем обязанностей опекуна подал прежний учитель мальчика, Майкл Кафхилл.

Священник улыбнулся:

– Я помню этого молодого человека... настоящий джентльмен.

– Вы встречались с ним в последнее время? – с надеждой спросил я.

Бротон покачал головой:

– Нет, я не видел Майкла уже шесть лет. – (Я испытал разочарование, поскольку надеялся, что Кафхилл побывал здесь сравнительно недавно.) – Как идут у него дела? – спросил викарий.

Я глубоко вздохнул:

– К сожалению, Майкл Кафхилл умер три недели назад.

Священник на мгновение прикрыл глаза:

– Да упокоит его душу на небесах Господь Иисус по милости своей...

– Перед своей смертью Кафхилл подал в Сиротский суд жалобу, в которой указывал, что с Хью Кертисом обращаются неподобающим образом: дескать, там творится чудовищная несправедливость. По словам его матери, Майкл недавно посещал Хэмпшир и встречался с Хью.

– Господи, помоги нам! – воскликнул Бротон. – И что же именно Майкл обнаружил?

– В поданном им иске это не сказано. Но слушание дела состоится уже в понедельник. Я намереваюсь представлять на нем интересы миссис Кафхилл, матери покойного. И мне нужны свидетели, знающие хоть что-то относительно предоставления этой опеки, сэр. Нужны срочно.

Собравшись с мыслями, викарий посмотрел мне прямо в глаза:

– Эта история всегда представлялась мне довольно сомнительной. Джон и Рут Кертис много лет были моими прихожанами. Когда началась церковная реформа, они поддержали меня в стремлении порвать с прежними обычаями. Оба были моими надежными последователями. Я видел, как рождались их дети, крестил их, радовался тому, что эта семья процветала. А затем разом похоронил Джона и Рут. – Лицо его исказили нахлынувшие воспоминания.

– У них были родственники? – поинтересовался я.

Бротон сложил руки на коленях:

– Они приехали в Лондон из Ланкастера. Подобно многим молодым людям, Джон явился сюда искать удачу. Со временем родители обоих умерли. А потом чума забрала Джона и его супругу, и, насколько мне известно, на севере оставалась в живых только старая тетушка Рут, о которой она иногда упоминала и с которой переписывалась. Когда Майкл явился ко мне, встревоженный тем, что Хоббей намерен стать опекуном детей, я предложил ему найти адрес этой женщины и написать ей. Сэр, – вдруг взволнованно проговорил викарий, – а как именно умер Майкл?

– В заключении коронера в качестве причины названо самоубийство. Похоже, некие обстоятельства, обнаруженные в Хэмпшире, вывели его разум из равновесия, – осторожно ответил я.

– Ох ты боже мой! – Священник приложил руки к голове.

– Мне очень жаль, сэр. Но прошу, расскажите мне все, что вы еще знаете. Вы начали говорить о тетушке...

– Да, Майкл вернулся с ее адресом. По его словам, в это самое время Николас Хоббей уже забирал из дома Кертисов бумаги и конторские книги. Кафхилл попытался было возражать, однако Хоббей только отмахнулся от него как от лица, не имеющего никаких официальных полномочий.

– Похоже, что вы достаточно хорошо знали Майкла.

Бротон вздохнул и покачал головой:

– Майкл вместе с семьей Кертис каждое воскресенье приходил в церковь. Впрочем, нет, мне никогда не казалось, что я по-настоящему знаю этого человека. И вряд ли молодой учитель полностью доверял мне. Я, признаться, даже подумывал, уж не тайный ли он папист, хотя это вряд ли. Впрочем, его явно что-то тревожило. Но этих двоих детей он искренне любил и делал все возможное, чтобы помочь им. – Священник улыбнулся и добавил: – Ради этого мы с ним устроили настоящий заговор.

– Мать Майкла говорила мне, что Хью и Эмма Кертис были очень дружны между собой.

– Да. Серьезные, добродетельные дети. – Викарий качнул головой, и его длинная борода дрогнула. – Я написал письмо их родственнице, оплатил быстрого гонца. Дело было уже через три недели после смерти Джона и Рут. Мы с Майклом подозревали, что Хоббей добивается контроля над землями сирот, но не ожидали, что решение об опеке будет принято настолько быстро.

– Обычно такие дела движутся неторопливо.

– Я каждый день ожидал ответа с севера, однако вам известно, как долго идут вести из этих диких мест. Миновало две недели, затем три... Майкл снова побывал у меня и сказал, что Хоббей постоянно присутствует в доме Кертисов. Как и его адвокат.

– Винсент Дирик.

– Да, именно так его и звали. Майкл говорил мне, что дети испуганы. Он умолял меня отправиться к Хоббею и поговорить с ним. Так я и поступил, сходил в его дом на Шу-лейн. – Бротон нахмурился. – Этот наглый тип принял меня в гостиной... он смотрел на меня с надменностью человека, который поклоняется мамоне, а не Богу. Я сказал ему, что написал письмо родственнице детей. Однако мастер Николас лишь прохладным тоном поинтересовался, каким образом сия старая женщина преодолет две сотни миль ради того, чтобы воспитывать двоих подростков. И добавил, что, являясь лучшим другом семейства Кертис и их соседом в Хэмпшире, он приглядит за тем, чтобы с Хью и Эммой обращались по справедливости. И тут вдруг появилась его супруга Абигаиль Хоббей. – На лице нашего собеседника проступил настоящий гнев.

– Да, миссис Кафхилл упоминала про нее. По словам матери, Майкл считал эту женщину чуть ли не полоумной, – вставил я.

– И неудивительно. Она примчалась вся в слезах и сразу принялась визжать. Ворвалась в гостиную, где у нас шел разговор с мастером Николасом, и давай вопить: я-де болтун и смутьян, явившийся без всяких на то оснований обвинять ее мужа, который всего-то лишь желает помочь двоим осиротевшим детям.

– Но разве вы в чем-то обвиняли его?

– Нет, но когда эта женщина начала кричать на меня... Да, именно тогда я начал подлинно опасаться за обоих детей.

– А как отреагировал на выходку жены сам Николас Хоббей? – спросил я с любопытством.

– С досадой. Поднял руку, сказал: «Утихомирься, моя дорогая» – или нечто в этом роде. Абигаиль замолкла, но осталась стоять на месте, обратив на меня яростный взор. Тут Хоббей предложил мне отправляться восвояси, объяснив это тем, что я, мол, расстроил его супругу. Ну и дамочка, между нами говоря, на редкость неприятное создание! И еще Николас едко добавил, что просит меня известить его в том случае, если я получу ответ от родственницы детей, хотя сам он уже отправил прошение в Сиротский суд.

– И что, тетушка покойной Рут вам ответила?

– По прошествии двух недель я получил из Ланкастера письмо от ее викария, который извещал меня, что она умерла год назад.

– Полагаю, что мастеру Хоббею уже было известно об этом.

– Ничего больше сделать я не мог. – Бротон широко развел руками. – Я поговорил с Майклом. Он честно сказал, что Николас, надо отдать ему должное, неплохо присматривает за детьми: они накормлены, ухожены и ни в чем не нуждаются. Однако Кафхилл добавил, что Хью и Эмма не получают от Хоббея и его жены любви и ласки.

– Ну, подобное нередко в случае опеки...

– Дело было не только в этом. Майкл опасался того, что Николас Хоббей задумал выдать Эмму за своего сына, чтобы таким образом соединить их земли в Хэмпшире.

– То есть за Дэвида Хоббея?

– Да. Покидая в тот день их дом, я видел этого мальчишку. Он торчал в коридоре снаружи, однако ничуть не сомневаюсь, что перед этим подслушивал у двери. Дэвид смотрел на меня с дерзостью, странной для ребенка, – в ней было нечто торжествующее.

– Сколько тогда ему было... лет двенадцать?

– Да. И, откровенно говоря, такого уродливого мальчишки я еще не видел: страшный как смертный грех. Кривоногий, щекастый, темноволосый, как и его отец, уже в ту пору с кустиком волос на верхней губе. – Викарий умолк и воздел кверху руки. – Простите, мне не следовало этого говорить. Тогда Дэвид был совсем еще ребенком...

– Сейчас он уже почти мужчина, – заметил Барак.

– К сожалению, у мастера Хоббея имелись все права в качестве опекуна устроить подобный брак, – заметил я.

Бротон в негодовании тряхнул головой:

– Это ужасно. Таинство брака превращается в сделку. И кстати, Майкл рассказывал мне, что Дэвид обнимал Эмму совсем даже не по-дружески. Хью даже подрался с ним из-за этого.

– То же самое говорила мне и матушка Майкла. Однако Эмма потом умерла.

– Упокой Господи бедное дитя! К тому времени опека над Кертисами была разрешена, и Майкл вместе с детьми перебрался в дом Хоббеев, оставив наш приход. С той поры я видел его только один раз, когда он явился ко мне, чтобы известить о смерти Эммы. – Бротон покачал головой. – Он сказал, что Абигаиль Хоббей не обнаружила никакой печали на похоронах воспитанницы и холодным взглядом следила за происходящим. Мне показалось, что в этот момент я заметил на лице Кафхилла отчаяние. И судя по вашим словам, получается, что я не ошибся. – Священник посмотрел мне в глаза. – Может ли это помочь вам, сэр?

Я задумался:

– Боюсь, что очень мало. Быть может, среди вашей паствы найдутся люди, хорошо знавшие семейство Кертис?

Мой собеседник покачал головой:

– Едва ли. Лишь я один интересовался обстоятельствами опеки. Люди не любят вмешиваться в подобного рода дела. Однако мне удалось открыть одно обстоятельство. Поговаривали, что мастер Хоббей на тот момент был по уши в долгах.

– Тогда как он мог позволить себе купить опеку? И, кроме того, он ведь приобрел здание монастыря и перестроил его!

Тут в разговор вмешался Джек:

– Если Хоббей надеялся заполучить принадлежавшую Эмме долю земель Кертисов, выдав ее за своего сына, то он явно просчитался.

Бротон встревожился:

– А ведь опекун по-прежнему обладает правом устроить женитьбу Хью по собственному усмотрению. Что, если он приглядел для него совершенно неподходящую особу? И Майкл обнаружил именно это?

Я задумчиво кивнул:

– Вполне возможно. Сэр, я буду благодарен вам, если в понедельник вы придете на слушание. Во всяком случае, вы сможете заявить, что положение дел вас не устраивало.

Мне нужен был каждый клочок сведений. Однако ничего такого, чего не мог бы без труда опровергнуть хороший адвокат другой стороны, мне сегодня услышать не удалось. Я встал, скривившись из-за боли в спине. Поднялся и викарий.

– Сэр, – проговорил он, – вы позаботитесь о том, чтобы правосудие совершилось? Исправите все зло, причиненное Хью?

– Я попытаюсь это сделать. Однако будет нелегко. Завтра я пришлю к вам Барака, чтобы подготовить ваши показания. Их следует представить в Сиротский суд до начала слушания.

– Бог не потерпит несправедливости по отношению к детям! – с внезапным пылом произнес Бротон. – Как сказал наш Спаситель: «Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного»¹⁴.

Он цитировал Писание яростным голосом, однако я заметил, что старый священник плачет: слезы текли по его морщинистому лицу.

– Простите меня, сэр, – сказал он. – Я подумал о Майкле. Будучи самоубийцей, он обречен попасть в ад. Как это... горько. Однако Бог решил, что именно там должны находиться те, кто наложил на себя руки, а кто мы такие, чтобы оспаривать волю Господню? – Вера и отчаяние смешались на его лице.

– Милосердие способно смягчить справедливый приговор, – заметил я. – Это важный принцип – во всяком случае, в земном законодательстве.

Викарий кивнул, однако не произнес ни слова, пока провожал нас наружу.

– В котором часу я должен прийти в понедельник? – спросил он, когда мы прощались у двери церкви.

– Слушание назначено на десять часов в Сиротском суде, в Вестминстере. Если вы сможете прийти так рано...

Кивнув, священник исчез в сумрачных недрах храма. Барак повернулся ко мне.

– Правосудие? В Сиротском суде его не дождешься, – усмехнулся он с горечью. – Там вершат суд жестокий, подобный тому, каким, по словам викария, судит Бог.

– Если Майкл Кафхилл заслужил пребывание в аду, тогда, наверное, Сиротский суд выносит более справедливые приговоры, чем сам Господь. Но давай лучше сменим тему. Ни к чему обсуждать подобные вещи на улице, а то нас еще обвинят в ереси.

Жилье, которое занимал Майкл Кафхилл, располагалось на противоположном конце города, в лабиринте улочек возле реки. Уже далеко за полдень мы свернули в узкий переулок, где высокие старинные дома с нависающими карнизами были превращены в меблированные комнаты. Старая краска со стен хлопьями осыпалась на мостовую. В пыли возились куры. Стоявшая на углу возле таверны группа из семи-восьми почти уже взрослых подмастерьев, у многих из которых на поясах их синих одеяний висели мечи, встретила нас с откровенной враждебностью. Самый высокий среди них, светловолосый, крепко сложенный парень, так и впился в меня жестким взглядом. Быть может, он решил, что французские лазутчики разгуливают по Лондону, нарядившись адвокатами. Барак опустил руку на рукоять своего меча, и юноша отвернулся.

Джек постучал в некрашеную деревянную дверь. Ее открыла хорошенькая молодая женщина в фартуке поверх платья из дешевой шерстяной ткани. Улыбнувшись ему как старому знакомому, она присела передо мной в низком реверансе. Должно быть, это была соседка Майкла с нижнего этажа, и, похоже, Барак уже успел очаровать ее.

– Я привел мастера Шардлейка, Салли, – проговорил он непринужденным тоном. – Это тот самый адвокат, который занимается делом бедного Майкла. Констебль Харман оставил вам ключ?

¹⁴ Евангелие от Матфея 18: 10–10.

– Да, сэр. Входите.

Следом за женщиной мы вошли в сырой коридор, а потом двинулись через внутреннюю дверь в ее собственную комнату: она оказалась небольшой, с полом, застланном грязным тростником, а из мебели здесь имелись лишь стол и кровать. На столе лежал старый железный ключ. Окна не были застеклены, и глазки в ставнях тоже были открыты. Я заметил, что подмастерья пристально наблюдают за домом. Следом за мной Салли тоже посмотрела в окно.

– Эти парни торчат здесь целыми днями, – посетовала она. – Уж и не знаю, когда уйдут!

– Из какой они гильдии? – спросил я. – Мастерам следовало бы лучше приглядывать за ними.

– Понятия не имею. Сейчас многие подмастерья потеряли места и остались не у дел. Мой муж работал посыльным у немецких торговцев на Стальном дворе, но торговля прекратилась, а корабли теперь ходят неизвестно куда. Он как раз ищет место. – На лице Салли отразилась крайняя усталость.

Джек взял ключ:

– Мы можем взглянуть на место происшествия?

– Да. Бедный Майкл, – печальным голосом добавила молодая женщина.

Я поднялся по пролету узкой лестницы следом за Баракком. Он вставил ключ в замок на обшарпанной двери, и та, скрипнув, отворилась. Ставни на небольшом окошке были закрыты, не позволяя что-либо рассмотреть. Мой помощник распахнул их настежь. Я увидел крохотную каморку с пятнами сырости на стенах. Узкая соломенная постель, подушка, рваная простыня... Крышка старинного сундука была откинута, открывая неопрятную грудю одежды. Обстановку комнаты дополняли стол с изрезанной столешницей и перевернутый стул, лежавший на полу, рядом с гусиным пером и пыльной высохшей чернильницей. Глянув вверх, я заметил полосу белой простыни на потолочном бруске. Конец ее был обрезан.

– Раны Христовы! – воскликнул я. – Да здесь все до сих пор так, как было, когда Кафхилла вынимали из петли!

– Должно быть, коронер приказал, чтобы все осталось в неприкосновенности до судебного дознания.

– А потом забыл сказать, что в комнате можно убрать. Вполне в духе коронера Грайса.

Я оглядел жалкую комнату, в которой Майкл провел свои последние дни.

Джек подошел к сундуку и принялся осматривать его содержимое.

– Здесь только одежда, – прокомментировал он. – Одежда и несколько книг. А еще тарелка и ложка, завернутые в кусок ткани.

– Дай-ка глянуть! – Я посмотрел на книги: латинская и греческая классика, обычные книги учителя. Томик «Токсофилуса», трактата Роджера Аскэма о стрельбе из лука; эту книгу по словам королевы, читала леди Елизавета. – Странно, что все это не изъяли в качестве вещественных доказательств.

– Коронер провел тут всего пять минут. – Застывшая в дверях Салли обвела комнату скорбным взглядом. – Не потому ли вы здесь, сэр, что он халатно отнесся к своему делу?

– Да, это так, – подтвердил Барак, прежде чем я успел открыть рот.

Молодая женщина продолжала оглядываться по сторонам:

– Все осталось здесь так, как было в ту ночь. Помню, констебль Харман взломал дверь и вскрикнул. Сэмюэль бросился наверх, чтобы узнать, что там случилось, и я последовала за ним. – Она с ужасом разглядывала свисавшую с балки полоску полотна. – Бедный мастер Кафхилл! Я видела повешение, сэр, и по его лицу поняла, что он умер от медленного удушья, а не оттого, что сломал шею. – Она перекрестилась.

– А что на нем было надето? – поинтересовался я.

Салли с удивлением посмотрела на меня:

– Только штаны и куртка.

– А на поясе ничего не было? Это существенный момент при дознании.

– Только кошелек, сэр, с несколькими монетами, а на шее маленький золотой крест, который мать Майкла признала за его собственный. Бедная женщина!

– И ни ножа, ни кинжала?

– Нет, сэр. Мы с Сэмюэлем как раз обратили внимание на то, что наш сосед не носит оружия. – Моя собеседница печально усмехнулась. – Мы думали, что это глупо. Мастер Кафхилл совершенно не понимал, какие грубые нравы царят здесь, возле реки.

Я посмотрел на Барака:

– Итак, чем же он разрезал простыню, чтобы повеситься? – После этого, повернувшись к Салли, я спросил: – На дознании об этом что-нибудь говорилось?

Женщина криво усмехнулась:

– Нет, сэр. Коронер явно хотел побыстрее закончить дело.

– Понимаю. – Я вновь взглянул на потолочную балку. – Салли, а как вообще себя вел Майкл?

– Мы с мужем шутили между собой, что наш сосед, мол, живет в каком-то собственном мире. Ходит по улицам в красивой одежде, хотя здесь небезопасно. Я считала, что он мог бы позволить себе и лучшее жилье. Однако ни грязь, ни крысы совершенно его не смущали. Большую часть времени он пребывал в размышлениях. – Помедлив, молодая женщина добавила: – Причем явно не в радостных размышлениях. Мы уж думали, что мастер Кафхилл из тех, кто слишком занят религией. Хотя мы с Сэмюэлем тоже поклоняемся Богу так, как велит король, – тут же спохватилась она.

– Констебль говорил мне, что у него якобы произошла ссора с какими-то местными парнями, – заметил мой помощник. – Уж не с теми ли, которые сейчас там стоят?

Салли покачала головой:

– Я ничего не слышала про ссору. Но точно не с этими. Они торчат здесь только последние несколько дней.

– Еще один вопрос, – проговорил я медленно. Речь об этом пока еще не заходила. – Как выглядел Майкл Кафхилл?

Соседка призадумалась:

– Невысокий, худой, лицо пригожее, каштановые волосы, на лбу уже начали появляться залысины, хотя ему, похоже, еще и тридцати не исполнилось.

– Благодарю вас, Салли. А это вам за беспокойство и помощь...

Чуть поколебавшись, моя новая знакомая взяла монетку, присела в реверансе и вышла, закрыв за собой дверь.

Барак подошел к окну и позвал меня:

– Идите-ка посмотрите.

Я последовал его примеру. Прямо под окном располагалась покатая крыша пристройки, покрытая замшелыми черепицами.

– Сюда нетрудно залезть. Я бы и то запросто сумел это сделать, – похлопав себя по животу, заметил Джек.

Я выглянул в окно. Отсюда была видна река, как всегда деловито уносившая к морю груженные всяким снаряжением баржи.

– Все черепицы лежат на месте, – заметил я. – Они старые, и всякий, кто бы полез по крыше, непременно сдвинул с места хотя бы одну.

Затем, отвернувшись от окна, я посмотрел вверх на балку:

– Кроме того, если бы кто-то забрался в комнату и напал на Кафхилла, когда он лежал в постели, началась бы борьба.

– Но злоумышленники могли застать Майкла спящим и оглушить, а потом повесить.

– Тогда на голове остался бы след от удара. Коронер увидел бы его при осмотре тела.

– След удара мог оказаться прикрытым волосами, а на дознании явно особо не приглядывались...

Я задумался:

– Давай вспомним, что стоит на кону. Управление некими землями в Хэмпшире и, быть может, в перспективе брак Хью Кертиса, из которого опекун может извлечь выгоду. Через три года парень достигнет зрелости и земли перейдут к нему. Есть ли смысл Николасу Хоббею рисковать, устраивая убийство Майкла, дабы что-то скрыть? И когда он мог склониться к подобному решению? Он, семейный человек, обладающий определенным положением в обществе?

– Возможно, Майкл обнаружил нечто такое, за что Хоббею так и так грозила виселица.

– Что, например?

– Понятия не имею. А что скажете насчет отсутствующего ножа?

– Его могли потерять или украсть, Грайс не самый лучший из коронеров и вечно устраивает хаос, – улыбнулся я. – А тебе не кажется, Джек, что после всех тех ужасов, которых нам пришлось насмотреться за последние несколько лет, нам теперь повсюду стали мерещиться убийства? Не забывай, что предсмертная записка была зажата в руке Кафхилла и написана его почерком.

– Я по-прежнему считаю, что от этой истории дурно пахнет.

– Чем здесь уж точно пахнет, так это крысами! Посмотри на помет в углу.

– Интересно, а зачем Майклу вообще понадобилось оставлять дом своей матери и перебираться в такую дыру?

Я задумался. А потом пожал плечами:

– Понятия не имею. Однако не могу усмотреть здесь ничего, указывающего на убийство, если не считать отсутствия ножа, который вполне мог и потеряться. Ладно, теперь нам придется сконцентрировать свое внимание на предстоящем слушании.

В последний раз оглядев жалкую комнатуху, я вдруг понял, что, оставив мать, Майкл мог себя таким образом за что-то наказывать. Но вот за что? Взгляд мой вновь обратился к полоске ткани, и я поежился.

– Пошли, – обратился я к Бараку, – пора убираться отсюда.

– Как по-вашему, не стоит ли мне еще раз поговорить с констеблем? – спросил Джек, пока мы спускались по лестнице. – Я знаю, где его искать: в той самой таверне, куда я уже водил этого типа, чтобы угостить его пивом. Она находится в нескольких переулках отсюда. Быть может, Харман вспомнит, был в комнате нож или нет.

– Разве Тамазин уже не ждет тебя?

– Ничего, надолго я не задержусь.

Возвратив ключ Салли, мы покинули дом. Уже смеркалось, и, взглянув вниз, между домами, я заметил на воде красные отблески лучей заходящего солнца. Парней на углу не было.

– А ты сможешь составить черновик показаний и сегодня вечером отнести его Бротону? – спросил я Джека. – Завтра жду тебя к девяти. Придет миссис Кафхилл.

– Ладно. – Он глубоко вздохнул. – А вы известите меня, когда получите весточку от Карвера?

– Без промедления.

Барак направился вниз, в сторону реки, а я повернул домой, размышляя на ходу о смерти Майкла. Если Джеку казалось, будто здесь что-то не так, то, пожалуй, следовало к нему прислушаться. Мой помощник обладал несомненным чутьем на грязные делишки.

Минуя темный проулок, я насторожился, заслышав за спиной внезапный топот. Поспешно повернувшись, я успел заметить лишь молодые лица и синие одежды, прежде чем на моей голове оказался мешок, пропахший гнилыми овощами. Несколько пар рук подхватили

меня и потащили в проулок. Грабители... подобно Майклу Кафхиллу, я неосторожно обнаружил свое богатство.

Меня прижали спиной к каменной стене, и я с ужасом ощутил у себя на шее руки, оторвавшие меня от земли. Мои собственные руки были крепко зажаты, а ноги беспомощно лягали камень. Повиснув в воздухе, я задыхался. И тут жесткий молодой голос проговорил мне прямо в ухо:

– Слушай меня внимательно, горбун.

Горло сдавило со страшной силой. В угольных потемках мешка передо мной начинали плясать красные вспышки.

– Мы могли бы удавить тебя прямо сейчас, но пока что не станем, – продолжил злоумышленник. – Запоминай, что от тебя требуется. Ты отказываешься от этого дела и забываешь о нем. Некоторым людям не хочется, чтобы к ним привлекали внимание. А теперь скажи мне, что понял. Ты ведь меня понял, да?

Давление на шею ослабло, хотя руки мои по-прежнему удерживала прочная хватка.

Закашлявшись, я сумел выдавить:

– Да!

Сильные руки выпустили меня, и я повалился на раскисшую землю. Мешок по-прежнему прикрывал мою голову. К тому времени, когда я наконец стянул его, нападавшие уже исчезли. Лежа в сумрачном переулке, я со свистом старался набрать в легкие как можно больше воздуха. Потом я перекатился на бок, и тут меня вывернуло наизнанку.

Глава 8

Я с трудом добрался обратно на Канцлер-лейн, время от времени останавливаясь из-за головокружения. Ввалившись внутрь дома, я ощутил, что шея моя настолько распухла, что я едва могу глотать. Пришлось сразу же подняться в комнату Гая. Когда он открыл дверь, я с превеликим трудом сумел заговорить: голос мой превратился в скрип. Друг велел мне лечь и наложил припарку, принесшую некоторое облегчение. Я сказал ему, что якобы стал жертвой грабителей, и врач с сомнением посмотрел на меня, заметив, что мой кошель так и остался на поясе. Было очень неловко его обманывать, однако я решил пока помалкивать о случившемся.

Малтон велел мне лежать и отдыхать, но через некоторое время в дверь постучали. С любопытством посмотрев на меня, Колдайрон объявил, что пришел поздний гость, олдермен Карвер. Я распорядился, чтобы Уильям проводил посетителя в гостиную, и, преодолевая усталость, спустился вниз.

Смущенное выражение на пухлом лице Карвера сообщило мне, что явился он отнюдь не с добрыми новостями. Он также бросил взгляд на мое горло.

– Простите мой голос, сэр, – проскрипел я. – Но на меня только что напали грабители.

Гость покачал головой:

– Грабежей становится все больше и больше – теперь, когда столько констеблей ушло на войну. Безумные времена! И, увы, боюсь, мастер Шардлейк, что мне нечем вас порадовать: я не сумел добиться освобождения Барака от военной службы.

– Но его жена...

– Я обратился к мэру Лакстону, и он попытался договориться с Гудриком. Но тот непреклонен: ему нужен Джек Барак, и точка! Воистину закусил удила. Должно быть, ваш помощник здорово нагрубил ему. Гудрик заявил, что король велел не церемониться с наглецами. Лакстон сказал, что, в принципе, мы могли бы обратиться в Тайный совет, однако у них есть приказ короля – проявлять максимум строгости.

– А я не могу попросить королеву о заступничестве перед королем. Мое имя у него не в чести.

– Впрочем, Лакстон предложил еще один способ выхода из затруднительного положения. – Карвер приподнял бровь. – Уклониться от внимания Гудрика. Возможно, Барак сумеет на какое-то время исчезнуть из столицы. Ему очень скоро пришлют приказ о приведении к присяге.

– Он уже получил его.

– Если ваш помощник не явится, то магистрат попросят послать констеблей, чтобы его найти. Однако... – Олдермен хитро ухмыльнулся. – Им вовсе не обязательно усердствовать в поисках. И если вдруг Барака не окажется дома, что ж...

– Но куда он может направиться? Ни у Джека, ни у его жены не осталось в живых никого из родственников. У меня, правда, есть родня в Мидленде, однако Тамазин на восьмом месяце беременности, она не вынесет путешествия. И потом, что, если за Баракom снова явятся, дабы арестовать его за дезертирство? Это серьезное преступление.

– Гудрик и сам скоро отправится на войну, в этом можно не сомневаться. – Олдермен развел пухлые, усаженные кольцами пальцы. – Больше я, к сожалению, ничего не могу сделать.

– Понимаю. Мне придется переговорить с Баракom. И благодарю вас за все, сэр. – После недолгих колебаний я добавил: – А не могу ли я получить у вас некоторую информацию? Имеющую отношение к делу, которым я сейчас занимаюсь. Вы ведь уже много лет заседаете в мэрии, да?

– Да, это правда. Почти двадцать лет. – Пухлая фигура моего собеседника задышала гордостью.

– Я слышал, что городской совет недавно вел переговоры с королем о передаче ему Бедлама.

– Да, верно. Мы пытаемся уговорить короля финансировать больницы, находящиеся под контролем города. В том числе и эту лечебницу.

– Назначение смотрителя уже много лет является прерогативой короля. Насколько я знаю, сейчас попечителем является сэр Джордж Метвис. До него эту должность до своей казни занимал Джордж Болейн. А не знаете ли, кто именно был его предшественником? Году так, примерно, в двадцать шестом?

Карвер призадумался:

– Кажется, сэр Джон Говард. Насколько я помню, он и умер на этом посту.

Итак, с этой стороны об Эллен ничего не выяснишь. Впрочем, любые секретные договоренности должны быть известны последующим смотрителям.

– И позвольте еще вопрос, олдермен, – попросил я. – Не помните ли вы некоего Николаса Хоббея? Этот человек несколько лет назад числился в гильдии торговцев тканями.

Мой гость неторопливо кивнул:

– Да, я знаю мастера Хоббея. Он сумел вырасти из подмастерьев и завел небольшое дело. Впрочем, в жизни гильдии особого участия не принимал, ибо был занят приумножением собственного состояния. Помнится, он еще занялся импортом красителей и оттого пострадал, когда король порвал с Римом и запретил ввозить товары с континента. Хоббей тогда закрыл свое дело и перебрался в сельскую местность.

– Поговаривали, что свернуть торговлю ему пришлось из-за долгов.

– Действительно, припоминаю нечто подобное. – Карвер бросил на меня пронизательный взгляд. – Но, сэр, я не имею права предоставлять вам сведения о членах гильдии...

– Простите, быть может, мне не следовало задавать этот вопрос. Однако в данный момент я защищаю интересы подопечного мастера Хоббея, оставшегося сиротой. Это сын другого члена гильдии, скончавшегося несколько лет назад, Джона Кертиса.

Олдермен печально кивнул:

– Да, я помню мастера Кертиса. Приятный был человек, но слишком уж непоколебимый в вопросах религии. Я не слишком хорошо знал его.

– Ну что ж, сэр, благодарю вас за помощь, – улыбнулся я. – Я не забуду о своем обещании сделать пожертвование на нужды гильдии.

Закашлявшись, я встал и добавил:

– Прошу прощения, однако мне следует вернуться в постель.

Поднявшись, Карвер откланялся.

– Поберегите себя, сэр. – Он покачал головой. – Такие настали времена...

На следующее утро я брел на работу медленно и с большим трудом, ибо моя шея и горло еще болели. Пересекая Гейтхаус-корт, я обменялся кивками с парой знакомых, к счастью находившихся на приличном расстоянии и не видевших распухшую плоть над моим воротником.

Войдя в палату, я уселся за стол. Часы на капелле прозвонили девять раз. Барак должен был вот-вот подойти, а миссис Кафхилл я ожидал через полчаса. Я расстегнул ворот рубашки, чтобы он не давил на синяки.

Из окна я заметил Джека, широкими шагами пересекавшего Гейтхаус-корт, и вновь отметил про себя, что мой помощник набрал лишний вес. Постучав в дверь, он вошел и сразу же устался на мою шею:

– Гвозди Господни! Что с вами произошло?!

Я объяснил все по-прежнему скрипучим тоном и заключил:

– Дело куда хуже, чем кажется.

– Господи Иисусе! И кто же это был? Те парни, что околачивались возле дома Майкла?

- Я не видел. Они ухитрились наброситься на меня сзади.
- Думаете, происки Хоббея?
- Не знаю, но кто-то хорошо заплатил этим головорезам. Хотя особого риска не было: закон исчез с наших улиц.
- Интересно, а Хоббей сейчас в Лондоне? – задумчиво проговорил Барак.
- Если он не в городе, то никак не сумел бы организовать нападение. Я ведь взялся за дело всего два дня назад.
- А как насчет Дирика? Его-то наверняка обо всем известили!
- Сомневаюсь, чтобы барристер стал рисковать своей карьерой, вмешиваясь в подобные авантюры. Однако в принципе ничего невероятного в таком предположении нет.
- Когда Дирик мог получить бумаги, из которых следовало, что миссис Кафхилл наняла вас в качестве адвоката?
- Я задумался:
- Полагаю, вчера утром. Так что тот, кто организовывал это нападение, кем бы он ни был, действовал быстро.
- Джек внимательно посмотрел на меня:
- Как, по-вашему, эти мелкие ублюдки намеревались вас убить?
- Ну уж, мелкими их никак не назовешь. Насчет убийства, впрочем, сильно сомневаюсь. Скорее всего, они хотели меня напугать.
- Я по-прежнему думаю, что Майкла Кафхилла вполне могли убить. – И, не отводя от меня своих карих глаз, Барак обеспокоенно заявил: – Вам не следует ехать в Портсмут... Во всяком случае, одному.
- Согласен. Я решил поговорить с королевой и вчера вечером послал записку Уорнеру. Если Екатерина решит, что побывать на месте необходимо, то найдет мне какого-нибудь сопровождающего.
- Итак, вы все же поедете, если ее величество этого захочет.
- Не хватало еще, чтобы какие-то бандиты-подмастерья сочли, будто они устроили меня!
- Скоро появится миссис Кафхилл. Вы сообщите ей о том, что с вами приключилось?
- Нет. Это лишь испугает пожилую даму, а это нам ни к чему. Я переговорю с ней, после чего схожу в Иннер-Темпл и повидаясь с братом Дириком. Вчера вечером я предупредил его запиской о предстоящем визите.
- Барак хлопнул по своему ранцу:
- А у меня здесь показания Бротона.
- Хорошо. – Я посмотрел на него. – Но я должен еще кое-что сказать тебе, Джек. Вчера вечером меня посетил олдермен Карвер. И, увы, не с добрыми новостями.
- И я пересказал ему свой разговор со вчерашним гостем.
- Вот дерьмо! – свирепо воскликнул мой помощник. – Тамми права, мне следовало держаться с Гудриком более осторожно.
- А что, если поближе к вечеру я зайду к тебе и мы вдвоем обсудим положение дел?
- Я не могу позволить Тамми оставить Лондон, чтобы скитаться по раскисшим дорогам, – твердым тоном заявил Джек. – Я и так до безумия испугался, когда она позавчера чуть не потеряла сознание.
- Понимаю. Но мы должны найти какой-то выход. И найдем, я обещаю. А теперь позволь мне просмотреть показания преподобного Бротона.
- Барак достал из папки и передал мне бумагу, написанную его неровным почерком и подписанную викарием. Пока я читал, Джек хмуро смотрел на меня. Бротон повторил то, что рассказал нам о семействе Кертис, о смерти Джона и Рут и о поспешном оформлении мастером Хоббеем опеки над их осиротевшими детьми, а также о том, как они с Майклом Кафхиллом

пытались позаботиться о Хью и Эмме, однако наткнулись на враждебное отношение со стороны Николаса и его жены. Я поднял глаза на помощника:

– Как я вижу, ничего нового?

– Да. Викарий говорит, что больше ничего не помнит. Я спросил его, не могут ли знать какие-нибудь подробности соседи Кертисов, однако он усомнился в этом. Семейство, по его словам, держалось замкнуто, как и подобает благочестивым людям.

На окно легла мимолетная тень, и я поглядел наружу: мимо прошла Бесс Кафхилл. Лицо ее оставалось бледным под лучами солнца – блее пергамента, блее собственного чепца. Она снова была в черном платье, хотя предписанное время траура уже закончилось.

– Сходи и встреть ее, – велел я Джеку. – Скажи, что мне повредили шею при попытке ограбления. Но преподнеси ей эту новость аккуратно. Последнее, что мисс Кафхилл хотела бы видеть, – это человека с посиневшей шеей.

Мой помощник вышел из комнаты, а я снова туго затянул завязки рубашки, прежде чем взять со стола черновик показаний, которые приготовил к приходу Бесс. Барак ввел клиентку в комнату, и она села с другой стороны письменного стола. Посмотрев на мою шею, пожилая дама чуть поежилась и потупила взгляд, уставившись на собственные дрожащие пальцы. Но потом она снова взглянула на меня, уже слегка успокоившись.

– Спасибо, что пришли, Бесс. – Я постарался говорить как можно громче.

– Я делаю это ради Майкла, сэр.

– В соответствии с тем, что вы рассказали мне в Хэмптон-корте, я подготовил ваши показания в письменном виде. Позвольте мне зачитать их. Мы можем внести любые необходимые исправления и посмотреть, можно ли будет что-либо добавить.

– Я готова, – негромко произнесла миссис Кафхилл.

Мы вновь повторили рассказанную ею историю. Бесс энергично закивала, когда я дошел до абзаца о том, насколько близки были Майкл и его ученики, и бросила короткое и энергичное «да», услышав о попытках ее сына воспротивиться стремлению Хоббея немедленно взять в свои руки все дела семьи. Когда я дочитал до конца, женщина уверенно кивнула:

– Именно так, сэр, такова моя повесть. Спасибо. Я никогда не сумела бы изложить все так складно.

Я улыбнулся:

– Меня этому учили, Бесс. Однако имейте в виду, что для суда все рассказанное вам Майклом является просто показаниями с чужих слов. Таковые дозволены в случае, если речь идет о покойнике, но не обладают статусом показаний непосредственного свидетеля событий. И адвокат мастера Хоббея может задавать вам вопросы по этому поводу.

– Понимаю, – сказала моя посетительница уверенным тоном. – А сам Николас Хоббей придет?

– Этого я не знаю.

– Я готова встретиться с ними обоими лицом к лицу.

– Мы побеседовали с викарием Бртоном, оказавшим нам помощь. Он будет присутствовать на слушании в понедельник. Однако священник может подтвердить только то, что они с Майклом пытались не допустить этой опеки. Но может быть, я что-либо забыл или упустил? Или вы способны еще кое-что рассказать о детях?

Бесс печально качнула головой:

– Только разные мелкие и незначительные детали.

– Надо думать, брат с сестрой находились дома под присмотром матери до тех пор, пока не пришла пора учиться?

– Да. Джон и Рут Кертис слишком затянули с началом обучения своих детей. Майкл считал, что родители слишком любили сына и дочь и не хотели их разделять.

– А вы сами встречались с Хью и Эммой?

– Да. Однажды Майкл привел их ко мне в гости, а я сама много раз посещала сына в доме Кертисов и неоднократно видела обоих. Мастер и миссис Кертис обращались со мной самым вежливым образом, как если бы я была благородной леди. Помню, как Хью и Эмма пришли в комнату Майкла, чтобы повидаться со мной. Они смеялись, потому что Хью где-то подхватил гнид и его подстригли наголо. Девочка потешалась над бритой макушкой брата и называла его маленьким старичком. Я еще пыталась урезонить Эмму и объяснила, что она ведет себя некрасиво. Однако Хью не обиделся. Он лишь рассмеялся и сказал, что у него хватит сил отшлепать нахальную сестрицу. А потом оба с визгом гонялись друг за другом по комнате – ох и кутерьма тогда поднялась!

Пожилая дама сделала паузу и покачала головой:

– Как сейчас вижу их... волосы бедной девочки развеваются за спиной, а мы с Майклом радуемся их веселью.

– Миссис Кафхилл, – осторожно спросил я, – а как вы думаете, почему ваш сын в конце концов ушел из дома?

– Думаю, потому, что... – Ее губы неловко шевельнулись. – Одним словом, из-за меня, чтобы не огорчать мать. – Опустив голову, Бесс тихо проговорила: – Кроме Майкла, у меня никого в целом свете не было. Его отец умер, когда ребенку едва исполнилось три года, и я воспитывала его сама. Мы жили в доме лорда и леди Латимер на Чартерхаус-сквер. Получилось так, что леди Латимер очень заинтересовалась моим сыном, который любил учиться так же, как и она сама, и потому поощряла его. Ей прекрасно известно, какой это был мягкосердечный мальчик. Слишком уж добрый, наверное...

– Ну хорошо, – ответил я, – посмотрим, удостоится ли его доброта награды на предстоящем в понедельник слушании.

Мы с Баракком переглянулись, прекрасно понимая, что если дело не будет закрыто, то лишь благодаря проявленному к нему интересу королевы, а отнюдь не качеству свидетельских показаний.

Чуть погодя я вновь оказался на Миддл-Темпл-лейн с ранцем за плечами. Я свернул налево к церкви Тамплиеров. Палата Дирика располагалась как раз напротив – в древнем здании из тяжелого камня. Клерк поведал мне, что кабинет барристера находится на третьем этаже, и я усталым шагом побрел вверх по широкой лестнице из дубовых досок. Шею дергало, поэтому на середине подъема мне пришлось передохнуть. Путь я продолжил, уже держась за перила. На лестничной площадке третьего этажа возле двери была прикреплена дощечка с именем Дирика, выведенным элегантно почерком. Постучав, я вошел.

Все конторы барристеров одинаковы. Столы, стеллажи, бумаги, клерки... У Дирика на столах повсюду громоздились связки бумаг, что свидетельствовало об обширной практике. Помощникам отводилось два стола, однако занят был только один, за которым пристроился невысокий молодой человек в коротком балахоне клерка. Узкая голова его сидела на длинной шее, из которой выступало крупное адамово яблоко, а сквозь падающие на лоб спутанные волосы поблескивали голубые глаза. В обращенном ко мне взгляде читались надменность и неодобрение.

– Я пришел, чтобы повидаться с братом Дириком, – отрывисто проговорил я. – Сержант Шардлейк, к вашим услугам.

Распахнулась внутренняя дверь, и на пороге показался Винсент Дирик, торопившийся мне навстречу с протянутой рукой. Высокий и стройный, атлетически сложенный и к тому же полный энергии, он показался мне почти ровесником. Его бледное лицо венчала медная, до плеч, шевелюра. Не будучи красивым, этот человек тем не менее производил впечатление. Улыбка его открывала полный набор зубов, однако зеленовато-карие глаза смотрели жестко и внимательно.

– Доброе утро, сержант Шардлейк, – поприветствовал он меня. – Мы с вами как будто бы уже встречались в суде? И помнится, я два раза победил вас?

Я не забыл этот голос, глубокий, скрежещущий... голос образованного человека и тем не менее отдававший лондонской улицей. Очень подходящий для выступления в суде.

– Согласно моим воспоминаниям мы оба проиграли по одному делу, – возразил я.

– Вы в этом уверены?

– Вполне.

– Пройдемте в мой кабинет. Вы не будете возражать, если при нашем разговоре будет присутствовать мастер Фиверйир, мой клерк? – Он указал рукой в сторону молодого человека.

– Вовсе нет.

Моя стратегия заключалась в том, чтобы говорить, насколько это возможно, мало, позволяя Дирику выложить то, что он знает.

– Входи, Сэм.

Мой коллега распахнул настежь дверь в свой кабинет и пропустил Фиверйира вперед. Я последовал за ними.

– Прошу вас, садитесь. – Винсент указал на табурет, поставленный перед его широким дубовым столом, а сам опустился в кресло и посадил помощника рядом с собой на другой табурет.

Клерк взял в руки лежавшее на столе и уже заточенное перо и обмакнул его в чернильницу. Копии прошения Майкла Кафхилла и ответа Дирика лежали перед ним на столе. Расправив их обеими руками, Винсент посмотрел на меня. Улыбка покинула его лицо.

– Брат Шардлейк, горестно видеть адвоката вашего ранга вовлеченным в подобное дело. Я назвал бы эти обвинения пустыми и досадными, если бы человек, подавший сей лживый иск, не был явным безумцем. Самоубийцей, да простит его Господь. Мало того что прошение сие непременно отвергнут, так это еще повлечет за собой значительные издержки. – Он наклонился вперед. – И кто оплатит их? Найдутся ли у матери Майкла Кафхилла подобные средства? Я слышал, что она всего лишь старая служанка.

Итак, Дирик провел собственное расследование. И возможно, заплатил за информацию в Сиротском суде – вероятно, самому Миллингу.

– Любые издержки будут оплачены согласно закону, – повторил я то же самое, что уже вынужден был сказать Ричарду Ричу. Надо будет не забыть написать Уорнеру о том, что ему придется найти внушительный источник, способный возместить расходы миссис Кафхилл. – В том случае, если мы проиграем, конечно.

– Ну разумеется, проиграете! – Дирик расхохотался, бросив косой взгляд на Фиверйира. Тот поднял глаза от бумаг и тоже улыбнулся.

Я открыл свой ранец:

– Вам придется просмотреть это, брат. Здесь показания, данные миссис Кафхилл и викарием из лондонского прихода семьи Кертисов.

Я передал Винсенту бумаги, и мой коллега прочитал их, время от времени морща нос.

После чего, пожав плечами, он передал показания помощнику.

– И это все, чем вы располагаете, сэр? – Он выразительно развел руками. – Никаких фактов, одни лишь пустые сплетни? Этот ваш Кафхилл, прежде чем повеситься, выдвинул серьезные обвинения против моего клиента. Хотя ни его собственное заявление, ни эти, с позволения сказать, показания... – чтобы подчеркнуть значение своих слов, юрист наклонился вперед над столом, – не позволяют понять, в чем же, собственно говоря, состоят его претензии к Николасу Хоббею.

Он был совершенно прав: именно в этом заключалась наша слабость.

– Майкл Кафхилл сделал серьезное утверждение... – начал было я.

– Но там одни лишь общие слова, ничего конкретного, – перебил меня Винсент.

– На мой взгляд, – твердо продолжил я, – вполне достаточное для того, чтобы суд мог посчитать его необходимым основанием для проведения дополнительного расследования. Вспомните девиз Сиротского суда: «Помощник опекаемым, сиротам и вдовам».

Дирик поднял брови:

– И на чем, сэр, позвольте спросить, будет основываться это самое расследование? На свидетельских показаниях?

– Возможно.

– И кого же мы пошлем получать их? В такую даль, в Хэмпшир! И на какие деньги? Так можно разорить любого клиента, не только бывшую служанку. – Голос Винсента гневно высился. Он нахмурился, словно бы снова овладевая собой... или стараясь произвести подобное впечатление.

И тут меня осенило: все, что этот человек говорил и делал, было представлением, к которому он также привлек и своего помощника! Впрочем, представлением, разыгранным весьма искусно.

– На поездку уйдет всего несколько дней, – сказал я. – Платить придется вашему клиенту, если он проиграет. Но вы считаете, что этого не случится. А миссис Кафхилл, между прочим, имеет собственный дом.

– Должно быть, так она называет какую-нибудь лачугу на окраине?

– Не следует порочить чужого клиента, брат мой, – строгим тоном проговорил я. Дирик склонил голову, и я повторил: – Никогда не следует так поступать. – Мне было больно говорить, поскольку я перенапряг горло, так что я сделал паузу, а потом продолжил: – Однако я что-то не вижу никаких показаний вашего клиента. Мастер Хоббей сейчас находится в Лондоне?

– Нет, брат Шардлейк. Мастер Хоббей – сельский сквайр, и у него много дел в Хэмпшире. Кроме того, ему не о чем давать показания... не было выдвинуто никаких конкретных обвинений, достойных его ответа.

– Там, где речь идет о ребенке, проверки достойны любые подозрения.

«Итак, Хоббея сейчас в Лондоне нет, – подумал я. – И стало быть, он не мог приказывать тем людям с перекрестка напасть на меня».

– О ребенке?! – воскликнул мой оппонент. – Да Хью Кертису уже восемнадцать лет! Сильный и крепкий парень: я видел его, когда посещал своего клиента по делам. И вполне здоровый, упитанный и ухоженный, смею вас заверить.

– Но по-прежнему несовершеннолетний. И всецело находящийся во власти и под контролем...

Болезненный спазм сдавил горло и заставил меня умолкнуть. Охнув, я прижал руки к шее.

– Вот видишь, Сэм, – обратился Дирик к Фиверйиру. – У брата Шардлейка слова застревают в горле.

Кляня себя за слабость, я ожег коллегу яростным взглядом. И внезапно заметил в его глазах гнев, даже ярость, под стать моей собственной. Итак, это не спектакль...

– Ясно, что ответить вам особо нечем, сержант Шардлейк, – продолжил Винсент. – Но благодарю за полученные показания, хотя они и представлены с опозданием, о чем я не премину упомянуть в понедельник...

– Насколько я понимаю, владение мастера Кертиса в основном занимают леса.

– Да, и с ними обращаются должным образом. Вы же видели бумаги.

– Но я не видел счетов.

– Они хранятся у феодала в Хэмпшире. Возможно, вы незнакомы с практикой Сиротского суда, брат Шардлейк, однако так уж здесь принято.

– А скажите, брат Дирик, не планируется ли брак Хью Кертиса? Возможно, опекун уже подобрал ему невесту?

– Нет. – Мой собеседник склонил голову и улыбнулся. – Расследовать здесь и вправду нечего, брат Шардлейк.

– Однако обвинение должно быть рассмотрено, и, думаю, суд согласится со мной. – Каждое мое слово сопровождалось хрипом и свистом.

Винсент встал:

– Надеюсь, ваше горло поправится к понедельнику.

– Непременно, брат.

Я поднялся и проследовал к выходу. Обращенный ко мне взгляд Дирика был холоден, словно камень. Потом я посмотрел в сторону Фиверйира. И впервые заметил, что тот улыбается, но только не мне, а своему мастеру, которым, похоже, искренне восхищается.

Глава 9

Следующим утром я вновь шагал через центральный двор Хэмптон-корта. Было воскресенье, ясное и довольно прохладное, – последний день перед слушанием. Вокруг царила тишина: я заметил лишь нескольких клерков, а придворных не было и в помине.

Когда накануне я вернулся домой после встречи с Дириком, меня ожидало письмо от Уорнера. Колдайрон стоял наготове с ним в коридоре, крутя в руках толстую белую бумагу и рассматривая то выведенный каллиграфическим почерком адрес на одной стороне, то печать королевы – с другой. Эконом передал мне послание с непривычным для него почтением, к которому примешивалось болезненное любопытство. Я немедленно отпустил слугу и вскрыл письмо: меня приглашали на следующее утро опять посетить ее величество.

Мне было велено явиться в кабинет Уорнера, и, вновь поднимаясь по ступеням винтовой лестницы, я старательно прятал свои синяки. Пол в комнате барристера только что усыпали свежим тростником, и аромат его перебивал запах пыли и бумаги.

– А, брат Шардлейк! – проговорил Уорнер. – Сегодня опять холодно. Ну что за лето нынче!

– По пути сюда я заметил, что градом побило много пшеницы.

– На севере дела обстоят еще хуже. А в проливе бушуют сильные ветра. По милости Господней «Великий Гарри» и «Мэри Роуз» благополучно прибыли в Портсмутскую гавань. – Роберт пристально посмотрел на меня. – Я показал ваше письмо королеве. Нападение на вас встревожило ее так же, как и меня самого. Надеюсь, вам уже лучше?

– Да, благодарю вас.

– Ее величество хочет немедленно видеть вас. – Открыв боковую дверь, Уорнер позвал молодого клерка. – Сержант Шардлейк уже здесь. Ступай известить королеву. Сейчас она должна выходить из капеллы.

Поклонившись, клерк выбежал из комнаты. Шаги его простучали по лестнице, а потом я увидел из окна, как он бросился через двор бегом. Я невольно позавидовал скорости и легкости его движений. Пригласив меня сесть, барристер погладил бороду.

– Беззаконные нынче настали времена... Расскажите мне, что именно произошло.

Я поведал ему, как все было, закончив своим посещением Дирика, и в конце добавил:

– Этот человек будет насмерть стоять за своего клиента. И, откровенно говоря, позиция его гораздо сильнее.

Уорнер неторопливо кивнул:

– Как по-вашему, а не замешан ли он в нападении на вас?

– Свидетельств этому нет никаких. Поначалу, увидев Дирика, я решил, что тот лишь разыгрывает роль возмущенного адвоката. Однако за юридическими ужимками можно было почувствовать гнев, вполне искренний. – Я помедлил. – Кстати, миссис Кафхилл говорила мне, что королева очень симпатизировала Майклу.

– Подобное впечатление сложилось и у меня самого.

Роберт нахмурился. Было заметно, что он был бы рад вместе с Екатериной забыть об этом деле.

– И еще, мастер Уорнер, – продолжил я. – Говорят, что на момент своего переезда в Хэмпшир мастер Хоббей увяз в долгах. Я спрашивал об этом олдермена Карвера, который представляет в мэрии торговцев тканью, однако он не захотел рассказывать о члене своей гильдии. Нет ли другого способа узнать это?

– Попробую что-нибудь сделать.

Заслышав легкие шаги на лестнице, мой собеседник поднялся, кивком предложив мне последовать его примеру.

Дверь отворилась, и оба мы застыли в глубоком поклоне. Первой в дверях появилась камеристка, придерживавшая створку открытой перед ее величеством.

Для воскресного дня королева Екатерина была одета слишком просто: серое шелковое платье и накидка с капюшоном без всяких драгоценностей. Я решил, что этот наряд, хотя и подчеркивает красоту ее золотистых, цвета осенних листьев, волос, королеве не так к лицу, как те яркие ткани, которые она обычно предпочитала. Жестом она предложила нам с Уорнером сесть. Камеристка опустилась на табурет возле окна и сложила руки на коленях.

– Мэтью, – начала Екатерина, – Роберт рассказал мне, что на вас напали. Как вы себя чувствуете?

– Вполне нормально, ваше величество.

– Слава Богу за это! А что вы можете сказать о деле? Насколько я понимаю, новых свидетельств немного. – Королева посмотрела на меня полными печали глазами.

Бесс была права. Екатерина несомненно испытывала к Майклу глубокую симпатию.

Я сообщил ее величеству, что, помимо уже известных фактов, выяснить удалось немного – разве что Бротон подтвердил, что они с Кафхиллом были настроены против этой опеки.

Немного подумав, королева негромко произнесла:

– Я знала Майкла с самого его детства и могу сказать только одно: он был хорошим человеком, наделенным теми добротой и милосердием, которые Господь наш желает видеть в каждом из нас, хотя выпадают они на долю далеко не всякого. Он не стал бы ничего выдумывать просто ради того, чтобы насолить Хоббею. Нет, Майкл никогда бы не пошел на это, даже в том случае, если бы слегка тронулся умом.

– Таково и мое впечатление, – согласился я.

– Если этому мальчику и впрямь причинили некое зло, – заметил барристер, – это дело может произвести волнение. Не говоря уже о воспламенении общего мнения против Сиротского суда. Вдруг король будет недоволен этим?

– Нет, мастер Уорнер! – возразила Екатерина с внезапной резкостью. – Его величество не пожелает, чтобы несправедливость оставалась безнаказанной. Майкл хотел защитить этого несчастного мальчика, Хью Кертиса, все родные которого умерли. Этого же хочу и я. Ради него самого, ради Майкла и его матушки, ради самого правосудия!

Я посмотрел на Роберта. На мой взгляд, его прогноз относительно возможной реакции короля был точнее, чем представлялось в данный момент королеве. Однако Екатерина продолжила:

– Мэтью, завтра состоится слушание, но не считайте себя обязанным и впредь влачить это бремя. Можно назначить другого барристера, который поведет дело дальше и поедет на юг.

– Он должен будет знать все подробности дела, чтобы заниматься им надлежащим образом, – заметил я.

Ее величество кивнула:

– Это будет честно по отношению к нему.

– Можно найти человека, который за хорошие деньги продолжит расследование, – проговорил Уорнер, – однако одобрит ли его кандидатуру сержант Шардлейк?

Я понял, что мой коллега хочет, чтобы расследование и дальше вел я. Он доверял мне, и чем меньше людей будет знать о том, что королева замешана в таком сомнительном деле, которое к тому же может оказаться скандальным, тем лучше. Я просто ощущал, что Роберт желает посоветовать мне не отказываться.

– Я продолжу свою работу над этим делом, доведя его до логического конца, ваше величество, – заявил я.

Екатерина снова улыбнулась, открытой и теплой улыбкой:

– Я знала, что вы меня не разочаруете. – Живое лицо ее вновь сделалось серьезным. – Однако я помню все, что произошло в прошлый раз, когда вы погрузились в темные воды после злодейского убийства вашего друга, мастера Эллиарда. Это было еще до того, как я стала королевой.

– Я не сожалею о том, что ввязался в ту историю.

– Однако Хью Кертис не является вашим другом. Вы даже не знакомы с ним.

– Мне бы хотелось помочь ему, если я в состоянии это сделать. Но позвольте попросить назначить мне какого-нибудь спутника. Мой клерк не имеет возможности ехать со мной, а домоправитель непригоден для подобных дел.

Ее величество кивнула:

– Вы желаете, чтобы вас сопровождал хороший клерк и сильный человек. Уорнер, можете ли вы устроить это?

– Сделаю все возможное.

Королева улыбнулась:

– Я вижу ваше волнение, мой добрый слуга. Но я хочу, чтобы расследование по этому делу было проведено должным образом. Потому что оно ранит мое сердце. И еще потому, что этого требует справедливость. – С этими словами она повернулась ко мне. – Благодарю вас, Мэтью. А теперь мне пора идти. Я должна присутствовать на обеде вместе с королем. И пожалуйста, – она протянула мне руку для поцелуя, – непременно сообщите мне все, что случится на слушании.

Губы мои прикоснулись к мягкой коже, на меня пахнуло мускусным ароматом, и королева Екатерина оставила комнату, а последовавшая за ней камеристка закрыла дверь. Уорнер опустился в кресло и сочувственно посмотрел на меня:

– Стало быть, жребий брошен, брат Шардлейк.

– Да.

– Известите меня обо всем сразу же после окончания слушания, и, если вам придется оставить город, я позабочусь о том, чтобы вас сопровождали надежные люди.

– Благодарю.

Помедлив немного, Роберт произнес:

– Полагаю, что вы не впервые заботитесь об обездоленных детях.

Я улыбнулся:

– Разве Господь наш не говорил, что надлежит заботиться о малых сих?

Барристер наклонил голову. Мне было понятно, что он гадает о причине, побуждающей меня заниматься таким делом. Я и сам сомневался в собственных мотивах, если не считать того, что грозящие детям опасности и творимое юристами зло всегда самым тесным образом задевали меня. Как и желания королевы, к которой я ощущал более чем дружеские чувства. Впрочем, распространяться об этом было ни к чему. Откланиваясь, я ощутил новый прилив решимости, которую Барак иногда именует упрямством.

Через несколько часов я вновь шел по двору Бедлама. Его затянула какая-то теплая дымка, поглощавшая городской шум.

В то утро я решил побывать у Эллен. Мысль о том, что она не располагает даже официально положенной безумцу защитой, еще больше напрягала присущее мне чувство ответственности. Как минимум двое людей не могли не знать правду: попечитель Джордж Метвис и смотритель Эдвин Шоумс. С Метвисом я встречался два года назад – во время расследования по делу одного моего заточенного в Бедлам клиента. Этот типичный придворный даже не скрывал того, что воспринимает занимаемую должность исключительно как источник дохода. Заставить его поделиться своими секретами могли только суммы, находящиеся за пределами моих возможностей. А надзиратель Шоумс был лишь оружием в его руках. Посему я решил,

быть может с излишней поспешностью, вновь повидаться с Эллен и еще раз попытаться что-либо выведать у нее самой.

Я постучал в дверь. Ее открыл один из младших надзирателей, крепкий, с отвисшей челюстью молодой человек по имени Пэлин. Он сонно кивнул мне.

– Я хочу повидать Эллен Феттиплейс, – сообщил я ему.

– Ага, – произнес надзиратель, но тут его отодвинул в сторону Хоб, занявший место в дверях.

– Мастер Шардлейк, – проговорил он тоном, в котором приветствие мешалось с насмешкой. – Не ожидал увидеть вас вновь так скоро!

– Не исключено, что меня в ближайшие дни ожидает дальняя дорога, и я хотел сообщить об этом мисс Феттиплейс, – объяснил я.

Смотритель шагнул в сторону, пропуская меня внутрь. Дверь кабинета оказалась открытой, и я увидел сидевшего за столом и что-то писавшего человека. Этот жирный мужчина средних лет, похоже, никогда не вылезал из черного, слегка запятнанного камзола. Заметив посетителя, он обратил ко мне невозмутимый каменный взгляд. Мы с ним были давними противниками.

– Пришли повидать Эллен, мастер Шардлейк? – прорычал он басом.

– Да, сэр.

– Похоже, что кто-то пытался вас придушить, – заметил толстяк. – Должно быть, какой-нибудь несчастный клиент, обезумевший от судебных проволочек?

– Увы, всего лишь обыкновенные воры, любители чужих денег, как и все мошенники. Но спасибо за приветствие, мастер Шоумс. Вижу, что в Бедламе всегда рады гостям.

– Посмотрел бы я, что бы вы запели, оказавшись на нашем месте. Прямо скажем, мало радости выполнять подобные обязанности. Так, Хоб? – Эдвин бросил острый взгляд на Гибонса.

– Точно так, сэр, – подтвердил смотритель.

– Эллен сейчас в гостиной, – вновь повернулся ко мне Шоумс. – И скажите ей заодно, чтобы привела старого Эммануила – подписать расписку за свою одежду – или же подписала за него сама. Передайте, пусть принесет документ вместе с чернильницей ко мне в кабинет.

Эллен Феттиплейс занималась в гостиной тем самым, что умела лучше всего: спокойным и ровным голосом ободряла одного из пациентов. Им оказался тот самый высокий и худощавый мужчина, которого я видел во время предыдущего своего визита. Эти двое сидели за широким исцарапанным столом, на котором между ними стояла чернильница с пером. Эллен изучала какую-то бумагу, а новый пациент со смущением взирал на нее, прижимая к груди жалкий сверток. Когда я вошел, оба повернулись ко мне. Лицо моей приятельницы сразу преобразила восторженная улыбка. А ее собеседник, наоборот, уронил свой сверток на стол, вскочил и испуганно замахал руками в мою сторону.

– Адвокат! – завопил он. – Они подослали ко мне адвоката, чтобы упечь в долговую тюрьму Маршалси!

– Нет, Эммануил, – проговорила Эллен, хватая его за плечо. – Это мой друг, мастер Шардлейк. Он пришел, чтобы повидаться со мной. – В словах ее звучала гордость.

– Я же выплатил все, что мог, сэр! – ломая пальцы, сообщил мне этот несчастный. Он отодвинулся от меня подальше, приходя во все большее волнение. – Дело мое погибло, у меня осталась только та одежда, что на мне и в этом свертке. Суд разрешил мне пользоваться ею, и вы не имеете права...

Я поднял руку в умиротворяющем жесте:

– Сэр, я пришел сюда, чтобы поговорить с Эллен. О вас мне совершенно ничего не известно...

– Как бы не так! Все вокруг обманывают меня! Даже король подsunул фальшивое серебро! Я видел его! А все мое подлинное серебро забрали!

– Пэлин! – позвала Феттиплейс, так как Эммануил вырвался из ее рук и бросился к двери. Немедленно появившийся молодой человек крепко схватил беглеца.

– Пойдем-ка, дружище, – проворчал он. – Пойдем приляжем. Никто за тобой не гонится. Он повел плачущего больного прочь, а я повернулся к Эллен. Она с ужасом смотрела на мою шею:

– Мэтью, что с тобой произошло?

– Попытка ограбления. Ничего страшного, – добавил я непринужденным тоном.

– Спасибо тебе огромное, что пришел опять. Ведь с прошлого посещения не прошло и четырех дней. – Женщина снова улыбнулась.

– Эллен, я хочу кое о чем расспросить тебя. – Я решил сразу перейти к делу. – Однако Шоумс говорил, что сперва ты должна отнести ему какую-то бумагу.

– Да, вот она, расписка за скудные пожитки мастера Эммануила. Он не подписал ее, и потому это придется сделать мне.

Так моя подруга и поступила, выведя свое имя элегантным округлым почерком, подтверждавшим, что она получила кое-какое образование.

После того как мисс Феттиплейс возвратила бумагу и перо в кабинет Шоумса, я последовал за нею по длинному коридору в ее комнату. На Эллен было то же самое голубое платье, что и в среду, и я заметил, что оно протерлось в нескольких местах. Мы миновали помещение, где жил жирный пожилой джентльмен, полагавший, что именно он и является королем. Дверь в его комнату была приоткрыта, и один из надзирателей менял покрывавший каменный пол тростник, прикрыв нос куском ткани, чтобы избавить себя от густой вони, которую распространяли старые подстилки, наваленные грудой в углу. Сам старик в бумажной короне сидел на стуле, укрываясь потрепанным покрывалом. Он с каменным выражением лица взирал перед собой, пренебрегая идущими мимо простыми смертными.

Мы вошли в комнату Эллен. Как обычно, она села на свою постель, а я остался стоять.

– Бедный мастер Эммануил, – сказала она с печалью. – Еще в прошлом году он был процветающим негоциантом, торговцем зерном. Но после денежной реформы принял платеж за крупную партию зерна новой монетой и понес огромные убытки. Он попытался скрыть этот факт за счет займа, но потерял свое дело. А с ним и разум.

Я посмотрел на нее:

– Ты ведь переживаешь за здешних больных, правда, Эллен?

– Кому-то приходится заботиться о тех, о ком больше позаботиться некому, – печально улыбнулась женщина.

– В данный момент я пытаюсь помочь одному молодому человеку, о котором также некому позаботиться, – ответил я и, помедлив, добавил: – И для этого мне придется на некоторое время уехать из города.

Мисс Феттиплейс выпрямила спину, и на лице ее отразилась тревога.

– Куда? И надолго?

– В Хэмпшир, получить показания. На неделю, быть может, или чуть больше.

– Так далеко? И я останусь одна... – В голосе больной проступило волнение.

– Я получил дело в Сиротском суде. Его представителям нередко приходится ездить туда, где живет подопечный.

– Я слышала, что этот суд – недоброе место.

После некоторых колебаний я глубоко вздохнул и негромко произнес:

– Там также хранятся и заключения о признании людей сумасшедшими. Мне пришлось посетить сие учреждение во вторник. По поводу моего теперешнего дела. И я... заодно спросил у клерка, находится ли там твое дело.

Впервые с момента нашего знакомства Эллен посмотрела на меня с гневом в глазах. Лицо ее переменялось, став каким-то плоским и жестким.

– Как вы могли это сделать? – спросила она, вдруг перейдя на «вы». – У вас нет никакого права лезть в мои бумаги! Нет права просматривать их.

Мисс Феттиплейс отодвинулась от меня, стиснув в кулаки лежавшие на коленях руки.

– Эллен, я просто хотел убедиться в том, что о тебе сделана соответствующая запись.

– Ложь! – Дышавший гневом голос женщины возвысился. – И вы славно посмеялись, да? Повеселились над тем, что читали?

– Эллен! – Я тоже повысил голос. – Читать было нечего! Там вообще нет никакого заключения относительно тебя.

– Что? – переспросила моя собеседница уже чуть слышно.

– Ты официально не зарегистрирована в качестве сумасшедшей.

– Но мои бумаги должны находиться там.

Я покачал головой:

– Однако их там нет. Тебя не должны были отправить сюда.

– И вы расскажете про это Шоумсу? – проговорила она едва слышно, с испугом. Все ее безграничное доверие ко мне разом испарилось.

Я умиротворяюще поднял руку:

– Конечно нет. Поверь, Эллен, я не враг тебе. Напротив, мне хотелось бы защитить тебя, помочь по мере сил. Но чтобы сделать это, я должен узнать, каким образом ты попала сюда, что именно произошло много лет тому назад. Пожалуйста, расскажи мне!

Женщина, не отвечая, смотрела на меня со страхом и недоверием. И тут я произнес слова, показавшие, как мало я тогда понимал ее:

– Эллен, дорога до Портсмута проходит возле границы с Сассексом, неподалеку от городка Рольфсвуд, откуда ты, как мне известно, родом. Не найдется ли там какого-нибудь человека, кто мог бы помочь тебе и к кому я мог бы заехать?

При упоминании Рольфсвуда грудь мисс Феттиплейс заходила ходуном, словно ей было трудно дышать. А потом она даже не закричала, а страшно завопила хриплым голосом:

– Нет! Нет!! Нет!!!

Лицо ее побагровело.

– Они были такими сильными! – выкрикнула она затем. – Я не могла пошевелиться! А небо вверху было таким широким... таким широким, что могло проглотить меня!

Последние ее слова наполнял чистейший ужас.

– Эллен... – Я шагнул к ней, но она отшатнулась, прижимаясь к стене:

– Он горел заживо! Бедняга, он был целиком охвачен пламенем...

– Что?

Глаза ее остекленели, и я понял, что мисс Феттиплейс не видит сейчас ни меня, ни этой комнаты, что взгляд ее обращен к чему-то ужасному, оставшемуся в прошлом.

– Я видела, как расплавилась, почернела и лопнула его кожа! – Эллен буквально выла от страха. – Он попытался подняться, но упал!

Дверь со стуком отлетела в сторону. Ворвавшийся Шоумс бросил на меня яростный взгляд. У него за спиной теснились в дверях Пэлин и Хоб Гибонс. Пэлин держал в руке моток веревки.

– Гвозди Господни! – выкрикнул Эдвин. – Какая чертовщина здесь происходит?!

Посмотрев на них, Эллен сразу притихла, припав к стене, словно бедная мышь, загнанная котом в угол. Шоумс вцепился в мою руку мясистыми пальцами и потащил меня прочь.

– Все в порядке, – проговорил я. – Она всего лишь испугана...

И тут, когда было уже слишком, слишком поздно, я протянул мисс Феттиплейс руку. Однако она, не замечая меня, кинулась прочь от Хоба и Пэлина. Бросив на меня через плечо

возмущенный взгляд, Гибонс покачал головой. Шоумс снова дернул меня за руку, толкая в сторону двери. Я упирался, и, пригнувшись ко мне, он произнес с тихой яростью:

– Послушайте-ка меня, мастер горбун! Здесь командую я. Или вы сейчас по-хорошему выходите из этой комнаты, или я прикажу Хобу с Пэлином выставить вас отсюда без всяких церемоний. Неужели вы хотите, чтобы мисс Феттиплейс увидела это?

Поскольку я все равно ничего сделать не мог, то позволил ему вывести меня из комнаты, оставив надзирателей стоять напротив Эллен, как если бы она была опасным животным, а не отчаявшейся и беспомощной женщиной. Затем Эдвин захлопнул за собой дверь, задвинул небольшое квадратное окошко, посредством которого в Бедламе наблюдали за пациентами, и повернулся ко мне лицом. Он тяжело дышал.

– Что у вас произошло здесь, мастер адвокат? – потребовал он ответа. – Мы услышали ее крики аж с противоположного конца здания. Дикая вопли этой женщины... обыкновенно самой спокойной и рассудительной среди всех наших подопечных. Что такого вы ей сказали или, быть может, сделали с ней? – И он злобно усмехнулся.

– Ничего. Я только сказал ей, что ненадолго уезжаю. – Ради Эллен я не мог вдаваться в подробности.

– Ну, положим, это самая лучшая новость с тех пор, как голову Кромвеля насадили на пику. – Глаза Шоумса сузились. – И это все? Я слышал, как она кричала о каких-то горящих людях, о небе, готовом поглотить ее.

– Когда я сказал Эллен о том, что уезжаю, она сразу начала вопить, и я ровным счетом ничего не понял.

– Когда безумные приходят в возбуждение, то начинают болтать полнейшую бессмыслицу. – Эдвин вновь едко усмехнулся. – Значит, не по нраву ей ваше отсутствие, так?

За дверью раздались мужские голоса. Что-то с грохотом подвинули.

– Что с ней делают? – забеспокоился я.

– Связывают. Так происходит со всеми, кто начинает буянить. Радуйтесь, что дело не дошло до цепей.

– Но она ведь больна...

– А тех, кто болен, и положено ограничивать. Чтобы они учились правильно вести себя. – Смотритель склонился ко мне. – Вина за этот припадок полностью лежит на вас, мастер Шардлейк, это все из-за ваших частых визитов. Надеюсь, что в следующий раз вы явитесь к нам не скоро. И если вы уедете, мисс Феттиплейс, вероятно, поймет, что вы не намереваетесь строить свою жизнь возле нее, и это может пойти ей во благо. Мы здесь присмотрим за ней, постараемся, чтобы она не натворила глупостей.

– Наверное, вам было бы проще, если бы она умерла, – заметил я негромко.

Покачивая головой, мой собеседник серьезно посмотрел на меня:

– Ошибаетесь, мастер Шардлейк. Мы охраняем ее безопасность уже девятнадцать лет и будем оберегать и дальше.

– Оберегать от кого?

– От себя самой. – Эдвин снова наклонился и неторопливо проговорил, подчеркивая каждое слово: – Единственную опасность для Эллен Феттиплейс представляют люди, способные ее взволновать. Для всех будет лучше, если она будет жить здесь, довольная собой, как корова на выпасе. В общем, ступайте прочь и занимайтесь своими делами. А когда вернетесь, тогда и посмотрим, что к чему.

– Позвольте мне хотя бы заглянуть в комнату, прежде чем я уйду. Хочу убедиться, все ли с ней в порядке, – попросил я.

Поколебавшись немного, Шоумс постучал в дверь комнаты Эллен. Открыл Гибонс. Пэлин стоял возле постели моей приятельницы. Ее руки и ноги были связаны. Она смотрела на меня уже не пустыми, но полными гнева глазами.

– Эллен, – произнес я, – прости меня...

Женщина не ответила, а только сильнее стиснула связанные руки. Шоумс закрыл дверь.

– Ну вот, – проговорил он, – полюбовались на то, что натворили?

Глава 10

И вновь я одолевал лестницу, ведущую в Сиротский суд. Рядом со мной поднимался Барак, державший перевязанные красной лентой бумаги по делу Кертисов. Мы прошли под резным девизом: «*Pupillis orphanis et viduis adiutor*».

Стояло прекрасное теплое утро. Пешком я добрался до Вестминстера, где мы с Джеком договорились встретиться возле здания суда за полчаса до начала слушания, и обнаружил своего помощника подпирающим стену. Выражение его лица при этом было необычайно встревоженным.

– Вчера вечером снова приходил Гудрик, – проговорил он без всякого вступления.

– Матерь Божия, вот упрямый осел!

– Тамми открыла дверь и сказала, что меня нет дома. Он приказал мне в течение двух дней явиться для принятия присяги. Если я не приду, меня сочтут дезертиром.

– Тебе пора убраться из Лондона, – строгим тоном произнес я. – Не важно куда.

– Даже если я и уеду, Гудрик не оставит меня в покое. В наши дни за дезертирство можно запросто попасть на виселицу.

Прежде чем я успел ответить, к моему локтю кто-то прикоснулся. Это была Бесс Кафхилл, вновь облачившаяся в черное платье. Она явно волновалась.

– Я не опоздала? – спросила старая служанка. – Я уж боялась, что заблужусь среди этих домов и переулков...

– Нет, миссис Кафхилл. Пойдемте, нам уже пора. А о твоих делах, Джек, мы переговорим после слушания, – сказал я.

Мы поднялись по лестнице и прошли под гербом. Я с облегчением увидел преподобного Бротона, сидевшего на скамье в своей сутане, невозмутимого и решительного. Находившийся немного дальше Винсент Дирик, увидев меня, чуть качнул головой, словно удивляясь абсурдности всей ситуации. Расположившийся возле него молодой Сэмюэль Фиверйир перекладывал бумаги в большой папке.

– Доброе утро, – поздоровался я с ними, возможно не самым приветливым образом, так как почти всю ночь не спал, переживая из-за Барака и Эллен.

Бесс встревоженно посмотрела на Дирика.

– Где будет происходить слушание, сэр? – осторожно спросила она.

Мой оппонент кивнул на дверь суда:

– Здесь, мадам. Но не беспокойтесь, – добавил он с пренебрежением, – долго мы там не задержимся.

– Вот что, брат Дирик, – произнес я с укором. – Как защитник, вы не имеете права разговаривать с подателем иска.

Мой коллега фыркнул:

– Вы хотите сказать: с личным представителем скончавшегося подателя иска.

Барак тем временем подошел к Фиверйиру:

– Ну и груды бумаг ты понаписал, приятель!

– Да уж поболее твоей будет, – самоуверенно согласился клерк, обратив взгляд к узенькой стопке документов, принесенной моим помощником.

– Ну, я за количеством не гонюсь, – парировал Джек. – Зато у меня вся суть схвачена. Вот так-то.

Уязвленный Фиверйир ехидно указал тонким пальцем на принесенные им документы:

– Они перевязаны красной лентой. А в Суде по делам опеки используется черная. – И он кивнул на свои собственные бумаги.

Дирик оживился:

– Бумаги подателя иска перевязаны лентой не того цвета? – Он посмотрел на меня. – Мне приходилось слышать о делах, которые отказывались принимать к рассмотрению в суде и за меньшие ошибки.

Винсент расплылся в хищной улыбке, а я в душе обругал себя за допущенную в спешке оплошность.

Тут дверь суда отворилась, и в ней появился одетый в черное пристав, которого я видел в конторе Миллинга.

– Прошу войти всех лиц, заинтересованных делом об опеке Хью Кертиса, – нараспев проговорил он.

Бесс испуганно вздрогнула и поперхнулась. Поднявшийся с места Дирик, шелестя облачением, направился к двери.

Зал суда оказался самым маленьким из всех, в которых мне когда-либо приходилось присутствовать. Простые, ничем не украшенные стены едва освещали узкие арочные окна, расположенные в высоком алькове. Сэр Уильям Паулит, возглавлявший Суд по делам опеки, восседал во главе застланного зеленой тканью длинного стола. На деревянной перегородке у него за спиной красовался королевский герб. Возле него, опустив голову, сидел Гervасий Миллинг. Пристав указал мне и Дирику места за столом лицом к председательствующему. Барак и Фиверйир разместились возле нас. Бесс Кафхилл и преподобного Бротона усадили на сиденья, отделенные от суда невысокой деревянной преградой.

Паулит был облачен в красную судейскую мантию, а шею его украшала золотая цепь, знак особых полномочий. Этому человеку уже перевалило за шестьдесят, и его морщинистое лицо окружала короткая седая борода, подчеркивавшая узкие губы. Большие синие глаза сэра Уильяма светились умом и властью, однако чувства в них не было. Я знал, что он председательствовал в этом суде уже пять лет, с момента его основания. В свое время он был судьей на процессе над Томасом Мором, а за девять лет до того командовал королевскими войсками, направленными против мятежников на север страны.

Он начал с того, что обратился ко мне с едва заметной улыбкой:

– Сержант Шардлейк, с мастером Дириком я знаком, но вы впервые посещаете наш суд.

– Да, сэр, – ответил я.

Судья смерил меня взглядом и слегка нахмурился. Я понял, что его смущает вмешательство королевы. Коротко кивнув в сторону разложенных перед ним бумаг, Паулит произнес:

– Я вижу тут довольно странные утверждения. Прошу изложить дело.

Винсент привстал на своем месте:

– Если мне будет позволительно обратиться к тонкостям процедуры, сэр, то замечу, что бумаги персонального представителя истца перевязаны красной лентой, а не черной. А это является нарушением правил...

– Не надо говорить глупостей, брат Дирик, – невозмутимо ответил Паулит. – Садитесь.

Мой противник покраснел, но остался стоять:

– Кроме того, документы в том виде, в каком они есть, были представлены позже срока...

– Садитесь же, – повторил председатель суда.

Дирик, хмурясь, опустился на место. Он-то надеялся хотя бы на укоризненное слово в мой адрес со стороны судьи!

А Паулит тем временем повернулся ко мне:

– Итак, сержант Шардлейк?

Я сделал все, что мог, располагая столь слабыми свидетельствами. Заскрипели перья: Барак, Фиверйир и Миллинг начали записывать. Я рассказал о долгой дружбе Майкла с детьми Кертисов, о его добром нраве и репутации хорошего учителя, а также о том, что он серьезно

встревожился за Хью после недавнего визита в Хэмпшир. Отметил, что, по мнению матери Майкла, поданный им иск заслуживает срочного расследования.

Когда я договорил, Паулит повернулся к Бесс и с полминуты внимательно изучал ее. Покраснев, пожилая женщина неловко ерзала на своем месте, но не отводила глаз. Преподобный Бротон опустил свою ладонь на ее руку, заслужив тем самым неодобрительный взгляд судьи. Наконец Паулит вновь переключился на меня.

– Итак, весь иск основывается лишь на показаниях матери, – проговорил он.

– Именно так, сэр Уильям.

– Смерть истца представляется мне достаточно странной. Самоубийство... должно быть, он повредился в уме.

Бесс коротко всхлипнула, однако Паулит оставил сие без внимания.

Я продолжил:

– Но в таком случае, сэр, событие, лишившее разума этого доброго и достойного человека, должно и в самом деле оказаться очень серьезным.

– Я бы не утверждал это столь категорично, мастер Шардлейк. Скажем так: оно *может* оказаться серьезным. – Председатель суда повернулся к Дирику. – Теперь заслушаем представителя мастера Хоббея, поскольку сам ответчик, как я вижу, отсутствует.

Винсент поднялся:

– Мой клиент занят выполнением контрактов: в настоящий момент он поставляет древесину для нужд королевского флота в Портсмуте... Это, как вы понимаете, дело государственной важности. – Дирик многозначительно посмотрел на меня и добавил: – Древесина, должен уточнить, из его собственных лесов, а не из владений Хью Кертиса.

Паулит на мгновение задумался:

– Насколько я понимаю, перспектива брака подопечного не рассматривается?

– Абсолютно верно. Мастер Хоббей не хочет женить своего воспитанника до тех пор, пока тот не найдет себе невесту по собственному выбору. – Дирик повысил голос. – Как нам известно, человека, подавшего столь возмутительный иск, более нет в живых. Свидетельство его матери представляет собой всего-навсего досужие домыслы. А показания преподобного Бротона связаны лишь с предоставлением опеки, а сие произошло много лет назад. – Тут в тоне его появилась укоризненная нотка. – Эта опека была предоставлена мастеру Хоббею на абсолютно законных основаниях, посредством должной и надлежащей процедуры, с соблюдением всех норм и предписаний.

Сэр Уильям кивнул и посмотрел на викария:

– Именно так. Не вижу особой добродетели, сэр, в том, чтобы оспаривать решение суда по прошествии стольких лет.

Бротон встал:

– Я говорил истинную правду, свидетелем в том мне сам Господь.

– Не стоит препираться со мной, или я отправлю вас во Флит за неуважение к суду.

Паулит не стал возвышать голос, но эти слова, произнесенные спокойным тоном, резали как острый нож.

Застыв на мгновение в нерешительности, священник опустил на место. Снова повернувшись к Дирику, судья вздохнул:

– Однако обвинения, выдвинутые Майклом Кафхиллом, при всей их неопределенности все-таки заслуживают проведения расследования. Хотите ли вы допросить свидетелей?

Защитник посмотрел на Бесс. Она ответила ему смелым взглядом, гордо задрав подбородок. После недолгих колебаний Дирик ответил:

– Нет, сэр.

Я внутренне улыбнулся. Мой оппонент понял, что, расспрашивая пожилую даму по поводу ее показаний, он сможет добиться только доказательств ее полной искренности. Я даже

на какое-то мгновение испытал торжество, осознав, что победил, хотя бы на первом этапе нашей баталии... Недовольное лицо Дирика лишь подтвердило мою догадку. Однако я не стал приписывать этот успех себе, поскольку трудно было усомниться в том, что, если бы не давление, оказанное на него королевой, Паулит в считанные мгновения выставил бы нас за дверь.

– Полагаю, – произнес сэр Уильям, – что суду надлежит получить показания всех лиц, в настоящее время связанных с благосостоянием Хью Кертиса. – Он посмотрел на меня. – Кто, по-вашему, к таковым относится, сержант Шардлейк?

– Ну, во-первых, конечно же, сам Хью Кертис. Кроме того, мастер Хоббей, его жена, возможно, их сын, управляющий. И нынешний учитель... – перечислил я.

– Такового не существует, – заявил вскочивший с места Винсент, и лицо его побагровело от сдерживаемого гнева. – А Дэвид Хоббей, смею заметить, пока еще является несовершеннолетним.

– Желаете еще что-нибудь добавить, мастер Шардлейк? – уточнил судья.

– Да. Я полагаю, что необходимо также взять показания у местного феодаря... Пусть он представит счета, связанные с поместьем Хью Кертиса.

Паулит задумался:

– Феодарием Хэмпшира является сэр Квинтин Приддис.

Я позволил себе небольшую лесть:

– Столь обширные познания делают вам честь, сэр.

На тонких губах председателя суда вновь появилась улыбка.

– Ну, вообще-то, я ведь тоже из Хэмпшира. И через несколько дней намереваюсь отправиться в Портсмут в качестве губернатора, чтобы навести там порядок среди солдат и матросов. – Он задумался и через некоторое время заговорил снова: – Показания Приддиса... что ж, я согласен на это. Но в отношении счетов... не думаю. Это может быть истолковано как сомнение в честности сэра Квинтина.

Паулит обратил ко мне невозмутимое лицо, взглянул своими большими пустыми глазами, и я понял, что добиться правды мне будет непросто. Если поместье Хью приносило доход, что подтверждалось тем, что Николас Хоббей производил там вырубку леса, то без местного феодаря дело явно не обошлось. Не предоставляя счетов, этот человек мог говорить все, что угодно, и способа проверить его честность не существовало.

– А теперь, – со светской обходительностью продолжил сэр Уильям, – встает вопрос о том, кто же снимет эти показания. – Он посмотрел на раздумывавшегося Дирика. – Как насчет сержанта Шардлейка?

– При всем уважении, – ответил мой противник, – здесь необходимо нейтральное лицо...

Паулит откинулся на спинку своего высокого кресла:

– У меня есть лучшее предложение. Вы можете отправиться в Хэмпшир вместе с сержантом Шардлейком.

Я прекрасно понимал, что задумал судья. Он намеревался продолжить расследование, но при этом затруднить мои действия, приставив ко мне Дирика и лишив меня доступа к счетам. Винсент не мог не понимать этого, однако радости на его лице не было.

– Но, сэр, – возразил он, – подобная перспектива связана для меня с рядом трудностей. Семейные узы...

– Они не имеют значения по сравнению с теми узами, которые связывают вас с судом, брат Дирик. Мастер Шардлейк, имеете ли вы какие-нибудь возражения против моего предложения? Или, возможно, желаете высказать некие пожелания?

Тут меня осенило. Я посмотрел на Барака, ответившего мне вопросительным взглядом.

– Сэр Уильям, – проговорил я, – если мне надлежит отправиться в путь вместе с братом Дириком, то нельзя ли попросить, чтобы в пути нам помогали наши клерки?

Паулит наклонил голову:

– Что ж, вполне разумное условие.

– Наверно, их стоит назвать поименно. Просто для того, чтобы обеспечить в расследовании честность и равенство обеих сторон.

Судья повернулся к защитнику:

– Вы имеете что-либо возразить?

Тот задумался. Сэр Уильям принялся барабанить пальцами по столу. Наконец Дирик кивнул:

– Хорошо. Пусть будет так, как того хочет сержант Шардлейк.

Посмотрев на Джека, я подмигнул ему. Если суд своим решением отправлял Барака в Хэмпшир, армейское начальство теряло свою власть над ним.

– Назовите фамилии клерков, – велел председатель суда.

– Барак и Фиверйир, мастер Паулит.

– Запиши эти имена, Миллинг.

К собственному удивлению, я заметил, что помощник Винсента радостно улыбается.

Судья откинулся назад:

– А теперь я назначу следующее слушание, скажем... ровно через четыре недели после сего дня, дабы завершить это дело. Возможно, к тому времени я и сам успею вернуться в Лондон, ведь тогда мы уже прогоним французов, так ведь, а?

Гервасий, сжимавший в руке перо, рассмеялся шутке начальника, так что голова его заходила ходуном. Сэр Уильям одарил нас холодной, как зима, улыбкой и добавил:

– В противном случае слушание проведет мой заместитель.

Мой оппонент снова поднялся:

– Но, сэр, если нам с сержантом Шардлейком придется ехать вдвоем, издержки будут высоки. Я должен просить полного возмещения затрат мастера Хоббея в том случае, если обвинения против него окажутся беспочвенными, а я не сомневаюсь, что именно этим все и закончится.

– Если обвинения и впрямь окажутся беспочвенными, то затраты будут возмещены, мастер Дирик, я позабочусь об этом. – Судья повернулся к Бесс. – Обладаете ли вы соответствующими средствами, мадам, чтобы оплатить достаточно внушительные расходы?

Миссис Кафхилл поднялась со своего места:

– Я готова оплатить их, сэр.

Паулит смерил ее долгим и жестким взглядом. Наверняка он заподозрил, что деньги будут предоставлены королевой. Я надеялся, что Уорнер сумеет под благовидным предлогом провести платеж через казну ее величества. Председатель повернулся и посмотрел мне прямо в глаза.

– Хорошо бы, сержант Шардлейк, чтобы утверждение сие не оказалось голословным, – невозмутимо проговорил он, – иначе, боюсь, это станет ударом по вашей профессиональной репутации.

Затем он вновь обратился к Миллингу:

– Подготовьте соответствующее распоряжение.

Кивнув, клерк взял чистый лист бумаги и начал писать. До сих пор он ни разу не поглядел ни на одного из нас. Я даже подумал, уж не предупредил ли старик о моем участии в процессе Винсента и не мог ли тот натравить на меня подмастерьев. Противник мой приводил в порядок бумаги, и его резкие движения выдавали раздражение.

Паулит заговорил снова:

– Мастер Дирик, мне хотелось бы сказать вам пару слов.

Он поднялся, и все присутствующие торопливо последовали его примеру. Сэр Уильям кивнул, отпуская нас. Защитник с отвращением посмотрел на меня и вышел следом за судьей.

Мы возвратились в вестибюль. Как только дверь закрылась, Бротон схватил меня за руку: – Свет милосердия Господня просиял в этих стенах! Увидев этого сурового судью, я сперва подумал, что мы проиграли, однако вышло наоборот.

– Пока что мы добились только права продолжить расследование, – напомнил ему я.

– Но вы же найдете истину, я знаю это! Николас Хоббей явно купил опекунов, заботясь лишь о собственной выгоде. О, я знаю таких людей: они лишены совести, стремятся лишь к накоплению все новых и новых богатств, алчут почестей, забывая о Боге...

– Воистину так, – отозвался я, гадая о причине, заставившей Паулиа отозвать Дирика в сторону.

Тем временем ко мне подошла заметно побледневшая Бесс.

– Можно мне присесть? – спросила она.

– Конечно. Садитесь, пожалуйста.

Я усадил клиентку на скамью.

– Итак, Майкл добился исполнения своего желания, – сказала она негромко. – Расследование состоится.

– Не сомневайтесь, я с пристрастием допрошу всех в Хэмпшире.

Я посмотрел на Барака, который с задумчивой миной прислонился к стене. Стоявший возле него Фиверйир откинул со лба прядь жидких волос. Перспектива путешествия по-прежнему радовала его.

Миссис Кафхилл тяжело вздохнула:

– Спасибо за все, что вы сделали, сэр.

Она взглянула на меня. А потом протянула руки к затылку и что-то сняла с шеи. Открыв ладонь, Бесс показала мне небольшое, прекрасной работы золотое распятие, после чего положила его на скамью между нами. Я посмотрел на фигуру Спасителя, изображенную во всех подробностях. Виден был даже крошечный терновый венец.

– Этот крест обнаружили на теле Майкла после его смерти, – пояснила Бесс. – Прежде он принадлежал Эмме, это был подарок ее покойной бабушки, и девочка носила его не снимая. После смерти Эммы моего сына уволили, и он попросил у миссис Хоббей что-нибудь на память о своей бедной воспитаннице. Абигаиль отдала ему этот крест... сунула нетерпеливым движением, как сказал мой сын. Эта вещь была очень дорога Майклу. Не передадите ли вы крест мальчику Хью? Я не сомневаюсь, Майкл предпочел бы, чтобы в данной ситуации им владел именно он.

– Конечно передам, – согласился я, вставая и забирая у нее крест.

– Молю, чтобы вы вырвали бедного ребенка из лап этого злодейского семейства! – вздохнула моя клиентка. – А знаете, за несколько недель до смерти мой сын вновь занялся стрельбой из лука. Думаю, что если бы он остался в живых, то поступил бы в ополчение.

– А не говорил ли он вам, что опасается призыва? – спросил я.

Миссис Кафхилл нахмурилась:

– Нет, сэр, напротив, он хотел сразиться с французами. Майкл был смелым и честным человеком, настоящим патриотом.

Преподобный Бротон прикоснулся к ее руке:

– Пойдемте, добрая женщина, я хочу поскорее уйти из этого места. Не разрешите ли проводить вас домой?

Бесс позволила священнику увести ее. В дверном проеме она на мгновение обернулась, улыбнулась нам с Бараксом и ушла.

Дверь суда отворилась, и Дирик направился в мою сторону. Он пребывал в состоянии холодного гнева:

– Итак, мастер Шардлейк, судя по всему, нам предстоит поездка в Хэмпшир.

– Похоже на то, – согласился я.

– И вы готовы к подобному путешествию? – спросил мой противник с тенью насмешки в голосе.

– Один раз мне уже приходилось ездить по делу в Йорк.

– Я надеялся провести ближайшие недели с женой и детьми. У меня две дочери и сын, и во время сезона судоговорения я почти не вижу родных. А теперь мне придется сказать им, что я должен на все это время застрять в Хэмпшире!

– Долгого отсутствия не предвидится. Три-четыре дня уйдет на дорогу туда, столько же обратно, если поторопиться, и несколько дней мы проведем там.

– Если не ошибаюсь, сэр, у вас самого семьи нет? Тогда вам легче. – Склонившись ко мне, Винсент негромко пробурчал, буравя меня свирепыми глазами: – Думаете, я не знаю, почему сэр Уильям вынес подобное решение? Да при обычных обстоятельствах он без малейшей задержки вышвырнул бы любого, явившегося со столь необоснованным обвинением.

– Быть может, он хочет добиться свершения правосудия?

– Сейчас Паулит рассказал мне о том, что миссис Кафхилл много лет была служанкой у леди Латимер, каковой тогда являлась ее величество.

– Даже слуга королевы может рассчитывать на правосудие, сэр.

– Странные у вас понятия, брат. Нельзя же без всяких на то оснований обвинять порядочного человека.

– Не будем торопиться с выводами. После визита в Хэмпшир каждый из нас сможет честно высказать свое мнение.

– Сэр Уильям также сказал мне, что если королева вправе настаивать на расследовании, то на исход его она повлиять не в состоянии. Так что впредь на помощь ее величества вам рассчитывать не стоит. – Голос защитника скрежетал, словно напильник.

Встретив гневный взгляд Дирика, я пожал плечами:

– Нам следует обсудить практическую сторону нашего путешествия.

– Я намереваюсь отправиться в Хэмпшир как можно раньше. Чем скорее выедем, тем скорее вернемся. К тому же, полагаю, нам потребуется больше трех-четырех дней, чтобы добраться туда. Дороги после дождей раскисли, да вдобавок их разбили направляющиеся на юг солдаты и повозки с припасами.

Заметив на себе взгляд Барака, я кивнул:

– Хорошо. Послезавтра вас устроит?

Винсент явно удивился столь быстрому согласию с моей стороны. Я же продолжил:

– Предлагаю доплыть на лодке до Кингстона – так будет быстрее всего, – а там нанять крепких верховых лошадей, чтобы не затягивать путешествие.

– Очень хорошо. Я сегодня же отошлю Фиверйира, чтобы он заранее нашел коней. – Дирик повернулся к своему клерку. – Ты сумеешь это сделать?

– Да, сэр.

– Боюсь, это окажется не так-то просто, – заметил я. – На лошадей в наше время огромный спрос.

– Тогда мы должны будем заплатить за них больше обыкновенной цены.

Я застыл в нерешительности. Если нам не удастся ничего обнаружить, все расходы лягут на плечи Бесс. Или, точнее, на плечи королевы. Однако мой жеребец по кличке Бытие привык к непродолжительным поездкам, а на этот раз нам предстояла весьма долгая и длинная дорога. Четыре года назад я ездил на своем скакуне в Йорк, но то путешествие проходило неторопливо, да и животное было тогда моложе. Поэтому я кивнул в знак согласия.

– Возьмете ли вы с собой, кроме клерка, также и слугу? – спросил мой противник.

– Возможно. – Я подумал о человеке, которого обещал выделить мне Уорнер.

– А я не стану этого делать, – заявил Винсент. – Фиверйир будет доставать все необходимое и нести мои вещи. Нам придется путешествовать по возможности налегке. И я должен послать письмо с гонцом мастеру Хоббею, чтобы, по крайней мере, заранее предупредить его об этой нелепице. Предлагаю встретиться в среду в Кингстоне. Желательно пораньше – я пришлю вам записку.

– Итак, в практическом отношении мы договорились: начало положено, – сказал я, чтобы поднять себе настроение.

Согласитесь, мало радости провести в обществе Дирика больше недели.

Он же вновь склонился ко мне поближе:

– И будьте уверены: вам ничего не удастся найти. А когда мы через месяц предстанем перед судом, я заставлю вас пожалеть обо всей этой глупости. Естественно, если только на нашу страну не нападут французы и мы не застрянем в зоне военных действий.

Глубоко вздохнув, Винсент посмотрел на меня и прибавил:

– Впрочем, вас все равно не переубедишь. Ну что ж, настаивайте на своем. Ступайте следом за своей клиенткой и посоветуйте ей ждать неизбежного разорения. Если я только не найду доказательств того, что все дело сфабриковано королевой, в каком случае миссис Кафхилл может и вовсе оказаться в тюрьме.

Я выдержал его взгляд. Понятно было, что защитник блефует, что он никогда не посмеет вовлечь королеву Екатерину в подобную историю. Оделив меня напоследок полным злобы взглядом, он повернулся к Сэмюелю:

– Ладно, пошли.

Мы с Бараком остались в вестибюле.

– Пойдем-ка и мы, Джек, – предложил я. – Нам есть о чем поговорить.

Глава 11

Я повел помощника в таверну.

– Это вы хорошо придумали, – проговорил он, – занести мое имя в официальный приказ. Думаете, теперь Гудрик от меня отстанет? – Его рука, державшая кружку пива, чуть подрагивала.

– Даже не сомневайся. Это судебное распоряжение предписывает тебе лично сопровождать меня, – объяснил я Бараку. – Сэр Уильям Паулит обладает значительно большей властью, чем какой-то солдафон. Сходи сегодня еще раз в опеку, заberi подписанное Паулитом предписание и отнеси его Карверу в магистрат. Пусть тот покажет документ Гудрику. А послезавтра нас здесь уже не будет.

– Гудрик наверняка пронюхает, что это ваших рук дело.

– Ну и что? Он все равно не сумеет ничего изменить. Сам Паулит уезжает в Портсмут, а клеркам в Сиротском суде это дело не интересно. – Я с горечью улыбнулся. – Заработать на нем нельзя.

– Эта идея осенила вас прямо в суде?

– Да. И слава богу, что Дирик не стал возражать! – Я со всей серьезностью посмотрел на Джека. – Сам знаешь, я не хотел срывать тебя с места, однако другого способа обеспечить твою безопасность просто нет. Надо будет сказать Уорнеру, что клерк мне больше не нужен, а вот присутствие крепкого слуги и телохранителя не помешает.

Барак тоже взглянул на меня:

– Тамазин не знает о том, что подмастерья напали на вас не просто так... Она и не подозревает, что это было весьма недвусмысленным предупреждением.

– Тогда и не говори ей ничего. Теперь собственная безопасность заботит меня куда меньше, чем прежде. Дирик знает, что я пользуюсь покровительством королевы, и наверняка сообщит об этом Хоббею в своем письме. Если опасность исходила от этой парочки, на новое нападение они не решатся. Впрочем, я все больше сомневаюсь, что именно эти двое натравили на меня тех парней. Дирик, конечно, не подарок, однако не думаю, что он решится пойти на нечто, способное доставить ему неприятности в зале суда.

– Откровенно говоря, этот тип мне совершенно не понравился. Что вы о нем знаете?

– Я тут порасспрашивал кое-кого из Линкольнс-Инн. Винсент Дирик родился в Лондоне, в семье мелкого клерка. Хорошо сдал экзамены и решил специализироваться на земельных тяжбах и делах об опеке. Станный человек... Выглядит так, словно, кроме нападения, никаких других способов в жизни не существует. Тем не менее, судя по его собственным словам, будет очень тосковать по жене и детям.

– Но кто, если не он, мог подучить этих мальчишек напасть на вас? И потом, самоубийство Майкла по-прежнему кажется мне весьма подозрительным.

Я ненадолго задумался:

– Сомневаться в том, что Кафхилл покончил с собой, оснований нет. Мы не располагаем никакими свидетельствами, но имеем только пустую комнату.

– Надо думать, что, если бы кто-то действительно хотел, чтобы вы не путались под ногами, он приказал бы этим головорезам убить вас или покалечить.

– Согласен. – Я взглянул на своего помощника. – Вот что, Джек. Когда мы поедем на юг, тебе не стоит искать неприятностей на свою голову. Тот человек, которого обещал выделить мне Уорнер, вполне может проводить меня в город, где раньше жила Эллен.

– Вас это по-прежнему интересует?

– Ну да.

Джек приподнял бровь и негромко сказал, сменив тему:

– Вы же знаете Тамазин. Последнее слово непременно должно принадлежать ей. Вы не заглянете к нам домой, чтобы сообщить новость?

Через полчаса мы уже были в доме Барака, в маленькой гостиной. Хозяйка сидела напротив нас. За окном, над цветами в ее ухоженном палисаднике жужжали пчелы.

– Тебе решать, Тамми, – проговорил мой помощник.

Его жена глубоко вздохнула:

– Ох, Джек, а ведь тебе всего только и нужно было вежливо поговорить с этим человеком...

– Тамми, я сожалею о своей несдержанности куда сильнее, чем умею выразить.

– Если все пойдет удачно, – вмешался в беседу я, – мы успеем обернуться меньше чем за две недели. Так что к родам точно вернемся.

Миссис Барак посмотрела на мужа:

– Что ж, во всяком случае, ты все это время не будешь мозолить мне глаза.

Голос Тамазин прозвучал непринужденно, однако я видел, что она глотает слезы в преддверии разлуки. Кроме того, я понимал, насколько супруги боятся того, что и этот ребенок тоже родится мертвым, и как нуждаются они сейчас друг в друге. Однако лучшего плана спасти Барака у меня не было. Подойдя поближе, Джек взял жену за руку.

– В нынешние времена путешествие наверняка окажется сложным, – заметила она.

– Нам случалось совершать и более дальние и трудные поездки, – возразил Барак. – Например, в Йорк, где я встретил тебя.

– Постарайся лучше никого не встретить в Хэмпшире, – отозвалась Тамазин с насмешливой угрозой, и я понял, что она посчитала мой план наилучшим выходом из ситуации.

– Хорошо, – пообещал Джек.

Его супруга повернулась ко мне:

– Но что, если вторжение французов начнется как раз тогда, когда вы еще будете там? Застрянете надолго, а я даже и знать ничего не буду.

– Хойленд, куда мы едем, располагается в нескольких милях от моря. И в связи с этим мне кое-что пришло в голову. Должно быть, сейчас между Лондоном и войсками, сосредоточенными на берегу, курсирует уйма королевских почтальонов. Хорошо обученных своему делу, располагающих подставными лошадьми и обладающих правом первоочередного проезда на дороге. Не сомневаюсь в том, что мне удастся уговорить мастера Уорнера разрешить нам посылать и получать письма с их помощью. По крайней мере, вы сможете извещать друг друга о новостях. Кроме того, я хочу иметь возможность поддерживать связь с Уорнером. – Я улыбнулся. – Мне совершенно не повредит пара-другая писем с печатью двора королевы.

– А как насчет вашего собственного дома? – спросила Тамазин. – Неужто вы оставите его на этого кабана-дворецкого?

– Мне придется попросить Гая распоряжаться в доме. Я не желал беспокоить его, но теперь не вижу иного выхода. Кроме того, я хочу, чтобы он приглядел за кое-кем еще.

– За Эллен? – уточнил Барак.

– Да.

– Эта женщина, – промолвила его супруга, – приносит вам только все новые и новые хлопоты. – Я не ответил, и она снова посмотрела на Джека. – Другого способа избавить тебя от армии не существует, так ведь?

Барак кивнул:

– Боюсь, что так. Мне очень жаль. Пожалуйста, не сердись.

Тамазин вновь посмотрела на меня:

– Возвращайтесь домой как можно скорее. – Она крепко сжала руку мужа. – И береги хорошенько мастера Шардлейка.

- А ты береги нашего сына, – ответил Барак. – Моего Джона.
- Молодая женщина печально улыбнулась:
- Мою Джоанну.

На следующий день я снова посетил Бедлам. Я помнил, что смотритель Шоумс обычно долго обедает в соседней таверне, и предположил, что в это время он едва ли окажется на месте. Открыл мне Хоб Гибонс, отнюдь не обрадовавшийся моему визиту:

– Гвозди Господни! Начальник же велел вам держаться подальше от этого места! Если он застанет вас здесь...

– Шоумс не выйдет из таверны еще час.

– Вы не сможете повидать Эллен. Он приказал держать ее связанной до вечера. Никаких гостей.

– Хоб, я хотел увидеть именно вас. Вот что, впустите меня. Нечего беседовать прямо во дворе у всех на виду. Да не переживайте вы так, мой визит не сулит вам никаких неприятностей.

– Хотелось бы мне никогда более в жизни не видеть вашей согбенной спины, – проворчал Гибонс, однако позволил войти внутрь, а потом провел меня в крохотную контору.

Из гостиной доносился шум голосов.

– Как чувствует себя мисс Феттиплейс? – спросил я.

– Уже ест. Но после воскресенья не произнесла ни единого слова. – Смотритель жестко хохотнул.

Я прикусил губу: горько было понимать, что Эллен связана, причем из-за того, что я наговорил ей лишнего.

– Завтра я уезжаю. Примерно дней на десять, – сообщил я.

– Вот и славно!

– Я хочу, чтобы вы приглядели за мисс Феттиплейс... Позаботьтесь о том, чтобы Эллен было хорошо. Чтобы ей снова позволили заниматься своими делами. А если она опять начнет буйствовать, чтобы с ней обходились помягче.

– Послушать вас, так это я всем здесь распоряжаюсь! Это не так.

– Вы являетесь заместителем Шоумса. Вам приходится следить за повседневными нуждами пациентов, от вас зависит сделать обхождение с ними более жестким или мягким.

Запустив руку в кошель, я извлек из него золотой соверен. Гибонс так и впился в монету глазами.

– Вы получите и второй, если, вернувшись, я найду, что с мисс Феттиплейс обращались хорошо, – пообещал я.

– Клянусь Господними зубами, вы тратите на нее уйму денег!

– Кроме того, я хочу, чтобы во время моего отсутствия Эллен посетил мой друг-доктор и написал мне о ее состоянии.

– Тот самый черномазый тип, которого вы приводили, когда у нас тут находился Адам Кайт? Помнится, он всех пациентов у нас тогда перепугал.

– Устройте так, чтобы доктор Малтон мог посмотреть ее. – Я покрутил монету в руке.

Кивнув, Хоб спросил:

– А куда вы едете, сэр?

– В Хэмпшир, снять показания по одному делу.

– Постарайтесь, чтобы французишки не захватили вас. Хотя в таком случае моя жизнь сделается много легче.

Я вручил смотрителю соверен. И осведомился:

– Могу ли я повидать Эллен? Не поговорить с ней, а просто взглянуть, как она там?

Помедлив, мой собеседник неохотно кивнул:

– По счастью для вас, те из наших подопечных, кто не находится под замком, сейчас обедают в гостиной под присмотром Пэлина. – Он поднялся. – Только давайте побыстрее!

Гибонс жестом указал мне на выход, проводил меня по коридору к закрытой двери комнаты Эллен и отодвинул задвижку с глазка. Мисс Феттиплейс лежала на постели в той же позе, что и в воскресенье, сложив связанные руки на коленях. Казалось, что за прошедшее с тех пор время моя приятельница даже и не пошевелилась. Она смотрела на меня все такими же полными свирепого обвинения глазами. Взгляд этот смутил меня. Мне вдруг померещилось, что на этом самом тюфяке лежит какая-то незнакомка, совершенно не похожая на хорошо известную мне Эллен.

Днем я снова сходил в Хэмптон-корт и поднялся по лестнице в кабинет Уорнера. Он молча выслушал меня, когда я рассказал, что решено назначить расследование, и с видимым облегчением воспринял весть о том, что Паулит не потерпит дальнейшего вмешательства со стороны королевы.

– Вы сожалеете о том, что этому делу вообще был дан ход, – догадался я.

– Откровенно говоря, да. Впрочем, я волнуюсь и за вас. Должен сообщить вам последние новости. На следующей неделе король и королева отправляются в Портсмут, чтобы произвести смотр собранным там военным кораблям. С ними едет и половина Тайного совета. Как нетрудно себе представить, в Уайтхолле сейчас стоит великая суeta, поскольку надо все как следует организовать.

– Если король с королевой намерены посетить Портсмут, то получается, что сообщения шпионов верны и французы собираются нанести удар именно там?

– Похоже на то. Огромный вражеский флот уже стоит наготове по ту сторону Ла-Манша. Хорошо, что вы выезжаете уже завтра... возможно, успеете вернуться домой прежде, чем королевская свита прибудет в Хэмпшир. Ваш старый друг сэр Ричард Рич также будет там. По слухам, он ведает поставками снаряжения и припасов для солдат и моряков.

– Это после всех прошлогодних обвинений в казнокрадстве?

– Король всегда высоко ценил его деловые качества.

Я глубоко вздохнул:

– Ладно, мне пора идти. Как говорится, жребий брошен. А вы будете сопровождать королеву в поездке на юг?

Роберт кивнул, и я задал следующий вопрос:

– Я намеревался спросить, не можете ли вы устроить так, чтобы королевские гонцы доставляли адресованные мне и Бараку письма в Хорндин, что возле Хойленда.

– Я могу это сделать. А если вы захотите написать мне, гонцы будут прибывать к королевскому кортежу во время путешествия на юг.

– Благодарю вас. Кстати, теперь мне не нужен клерк, однако буду рад надежному и сильному спутнику.

– Я располагаю таким человеком и могу приставить его к вам. Завтра утром я пришлю слугу к вам на дом.

– Благодарю вас.

– Счастливого пути, брат Шардлейк, – пожелал мой коллега.

Я поклонился:

– И вам также всего самого доброго.

Вечером я долго беседовал с Гаем. Я уже рассказывал доктору в общих чертах про дело Кертисов, и он согласился с тем, что не поехать в Хэмпшир я просто не могу. Я не знал, как Малтон воспримет поручение заботиться сразу об Эллен и о Тамазин, однако, к счастью, старый друг с энтузиазмом воспринял возможность снова заняться делом. Он также сказал, что

будет рад на время моего отсутствия взять домашнее хозяйство в свои руки. Мне даже показалось, что медик начинает потихоньку выходить из состояния меланхолии. Пришлось рассказать ему также и о случившемся с Эллен припадке, и я попросил Малтона не расспрашивать ее о прошлом, на что он заметил, что это и впрямь совершенно ни к чему и уж точно не пойдет больной на пользу.

Весь следующий день я проторчал в судебной палате, приводя в порядок бумаги и составляя инструкции для Скелли. Последние два дня стояла великолепная погода: дожди закончились, и я от души надеялся на то, что нас ждет еще достаточно солнечных дней.

Я оставил палату ближе к вечеру и, пересекая Гейтхаус-корт, вновь подумал о Дирике. Мысль о том, что мне придется провести некоторое время в обществе этого человека и его странного маленького клерка, не доставляла мне никакого удовольствия. Впрочем, рядом со мной будет Барак. И я поклялся сам себе, что не стану вовлекать помощника в расследование прошлого Эллен.

Войдя в дом, я без особого удовольствия обнаружил Колдайрона, пригнувшегося к закрытой двери гостиной, – он явно подслушивал происходивший внутри разговор.

Эконом испуганно подпрыгнул и стал торопливо оправдываться:

– Мне вот показалось, будто тут на полу мышинный помет.

– Я ничего не вижу, – ответил я сухо.

Уильям приложил руку к пустой глазнице:

– Теперь зрение у меня уже не то, что было когда-то... один глаз – это, сами понимаете, не два. – Он подобострастно ухмыльнулся.

После полученного из Хэмптон-корта письма с королевской печатью этот человек начал относиться ко мне со смесью трепета и почтения.

– Завтра я уезжаю, – сказал я, – примерно дней на десять. На южное побережье.

Ретиво кивнув, домоправитель сложил морщинистые ладони и отвесил мне полупоклон:

– Отправляетесь по делам Короны, сэр? Связанным с войной, должно быть? Вздуть этих треклятых французишек?

– По вопросам юридического характера.

– Эх, жаль, что я уже не так молод, чтобы лично задать трепку этим французским петушкам! Помнится, когда в былые времена, в битве при Флоддене, я зарубил шотландского короля, сам граф Суррей похвалил меня...

– Я хочу сделать кое-какие распоряжения на время своего отсутствия...

– Можете положиться на меня, сэр. Я сохраню все в полном порядке. Буду вести дела с торговцами, присмотрю за мальчишками и за Жожо...

– Я оставляю распоряжаться домом доктора Малтона.

Сказав это, я с наслаждением увидел, как вытянулось лицо Уильяма. Он проговорил жалобным, скулящим тоном:

– Там, где я работал до вас, сэр, за хозяина всегда оставался эконом.

– Если в доме проживает джентльмен вроде доктора Малтона, распоряжаться всем должен он, – заявил я.

Колдайрон метнул в меня короткий и злобный взгляд.

– Ну а теперь к делу: я голоден, – бросил я непринужденно. – Ступай и пригляди за приготовлением ужина.

Затем я с любопытством вошел в гостиную, желая узнать, что там происходит. Гай и Джозефина сидели за столом. Девушка закатала рукав на правой руке, открыв обширный, переходящий с ладони на запястье ожог, который врач обрабатывал лавандовым маслом: характерный запах наполнил всю комнату.

– Джозефина обожгла руку, – пояснил мой друг.

Дочь эконома тревожно посмотрела на меня:

– Прошу прощения, сэр, но доктор Малтон любезно предложил мне свою помощь...

– Я рад, что он это сделал. Ожог, судя по всему, очень болезненный.

– Да уж, – согласился Гай. – Какое-то время Джозефине лучше не работать этой рукой.

Кроме того, кожу надо смазывать маслом четыре раза в день.

– Понятно, – улыбнулся я и вновь посмотрел на служанку. – Делай только легкую работу, пока доктор Малтон не разрешит тебе свободно пользоваться рукой.

Девушка явно испугалась:

– Но отец...

– Я переговорю с ним.

Джозефина перевела взгляд с меня на медика. Глаза ее наполнились слезами.

– Вы такие добрые... оба. – Она вскочила, смахнув со стола закупоренную бутылочку с маслом.

Гай ловко поймал ее в воздухе и вернул пациентке со словами:

– Будь поосторожнее.

– О, спасибо вам, сэр! Я такая неуклюжая... Мне так неудобно! – И, сделав реверанс, девушка заспешила к двери.

Мой друг тяжело вздохнул:

– Ожог трех- или четырехдневной давности. Джозефина говорит, что все это время отец заставлял ее работать. Боль при этом, наверное, была адская.

– Этот Колдайрон – настоящая скотина. Гай, ты уверен, что хочешь командовать им во время моего отсутствия?

– Уверен. – Доктор улыбнулся. – Не бойся, Мэтью, я справлюсь.

– Обращайся с ним, как считаешь нужным. Я найму нового эконома сразу, как только вернусь, и тогда его можно будет уволить. – Сказав это, я немного помедлил и добавил: – Впрочем, меня смущает судьба Джозефины...

– Да, девочка во всем зависит от отца. – Малтон поднял на меня глаза. – Не думаю, чтобы она была настолько глупа, как это кажется. Просто папаша вконец затюкал бедняжку.

Я задумчиво кивнул:

– Интересно, найдется ли какой-нибудь способ избавить ее от власти Колдайрона?

– Довольно уже и того, что ты взвалил на себя ответственность за Эллен. – И, бросив на меня едкий взгляд, мой товарищ невозмутимо поинтересовался: – Мэтью, а если вдруг мисс Феттиплейс сообщит мне, что любит тебя, и спросит, может ли она рассчитывать на взаимность, то что в этом случае прикажешь ей ответить?

Меня бросило в краску.

– Можешь сказать, что ты просто не знаешь ответа.

– Но я прекрасно знаю его.

– Тогда объясни ей, что на такие темы следует беседовать со мной самим.

Врач обратился ко мне проницательный взгляд своих карих глаз:

– А ведь Эллен вполне может решиться на это. Что ты будешь делать тогда?

– Посмотрим... все будет зависеть от того, что я сумею узнать в Сассексе.

– Подозреваю, что ничего хорошего ты не узнаешь.

В этот момент я с облегчением услышал громкий стук во входную дверь и развел руками:

– Извини.

В дверях стоял молодой посыльный с кокардой королевы на дублете. Впустивший его в дом Колдайрон круглыми глазами взирал на этот знак отличия.

– Письмо от мастера Уорнера, сэр, – проговорил юноша.

Повернувшись к Уильяму, я бросил:

– Подавай ужин.

И эконо́м, вопреки собственному желанию, вынужден был ретироваться на кухню. Посыльный вручил мне письмо. Прочитав его, я выругался сквозь зубы:

– Проклятье!

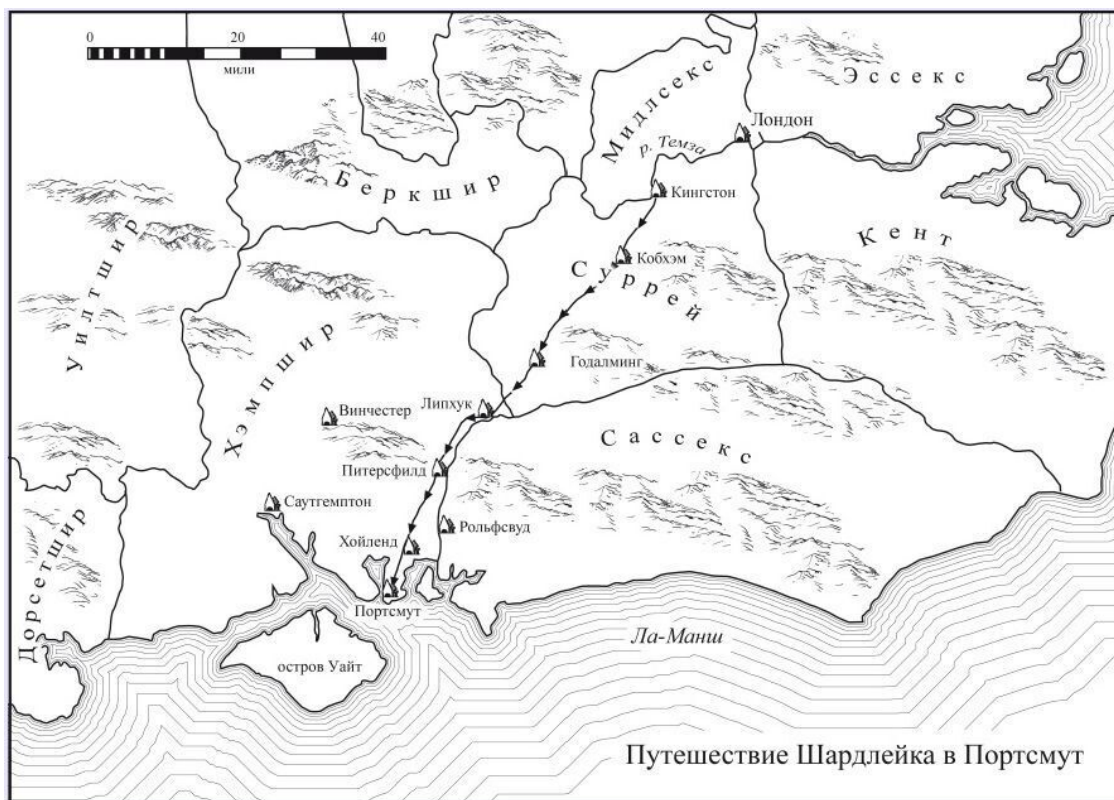
Барристер писал, что при всем своем желании не сможет послать со мной обещанного спутника: тот в этот день уже принял присягу, – теперь в Хэмптон-корте каждый крепкий и здоровый слуга на счету.

– Будет ли ответ, сэ́р? – спросил посыльный.

– Нет, – отрицательно покачал я головой и закрыл за ним дверь.

Не в манере Уорнера было подводить людей, однако на тех, кто служил при дворе, давили еще сильнее, чем на всех прочих. Я подумал, что, поскольку мы уезжаем завтра утром, искать кого бы то ни было уже поздно. Оставалось только благодарить судьбу за то, что я не рассказал Бараку о привидевшемся Эллиен сожженном заживо человеке. Теперь придется решать эту загадку, рассчитывая только на свои собственные силы.

Часть вторая Путешествие

Глава 12

В среду, первого июля, я поднялся до рассвета. Облачившись в рубашку и тонкий дублет, натянул кожаные сапоги для верховой езды и еще в полумраке спустился вниз, с сожалением вспоминая былые времена: прежде, куда бы я ни собирался, Джоан вставала еще раньше и трепетно заботилась о том, чтобы я захватил с собой все необходимое.

У подножия лестницы меня ожидали Колдайрон и его дочь; рядом с ними стояли на полу приготовленные для путешествия корзины и короб. Груз был слишком велик для меня, и накануне я приказал Уильяму проводить меня до речного причала, где была назначена встреча с Баракком.

Джозефина сделала реверанс:

– Доброе утро, сэр.

А эконом добавил:

– Отличная погода для путешествия.

Глаза его были полны любопытства: он считал, что я отправляюсь по личному поручению короля.

– Доброе утро, Уильям. И тебе тоже, Джозефина, – поздоровался я с обоими. – Почему ты встала так рано?

– Она понесет одну из корзин, – ответил Колдайрон, а девушка нервно улыбнулась и протянула мне небольшой полотняный мешочек:

– Сэр, здесь немного хлеба и сыра, а также несколько ломтиков ветчины. И сладкое печенье, которое я купила на рынке.

– Спасибо тебе, Джозефина, – улыбнулся я.

Служанка покраснела и снова сделала книксен.

На улице уже потеплело; на небе нельзя было найти ни облачка. Я шел по пустынной Канцлер-лейн, а Уильям и его дочь следовали за мной. На Флит-стрит стояла тишина, все окна были закрыты ставнями, и несколько бродяг спали в дверях лавок. Вдруг сердце мое заколотилось при виде одетых в синие балахоны четверых подмастерьев, расположившихся возле шлагбаума. Отделившись от него, они неспешным ленивым шагом направились нам навстречу. Все парни были при мечях.

– Особая стража, – проговорил один из них, тощий, веснушчатый, лет восемнадцати, не больше. – Слишком рано вы нынче вышли из дому, сэр. До окончания комендантского часа еще целый час.

– Я адвокат, и мне нужно взять лодку у причала, – ответил я, не вдаваясь в подробности. – А это мои слуги.

– Мой хозяин занят чрезвычайно важным делом! – отрезал Колдайрон. – А вам всем следовало бы находиться в армии, а не бедокурить на улице.

Подмастерье ухмыльнулся в ответ:

– А глаз куда подевал, папаша?

– Потерял в битве при Флоддене, щенок.

– Пошли, – сказал я.

Мы перешли через улицу. Один из мальчишек выкрикнул нам в спину:

– Калеки!

Мы перешли на Миддл-Темпл-лейн. Тонкий и зябкий речной туман окружил нас в садах Темпла. Барак ожидал меня на лестнице со своим собственным коробом. Он уже успел нанять с утра пораньше лодочника, суденышко которого было привязано неподалеку. Вокруг зажженного фонаря в тумане сиял желтый ореол.

– Ну что, готовы? – спросил Джек. – Этот человек отвезет нас до Кингстона.

– Вот и хорошо. Как там Тамазин? – поинтересовался я.

– Вчера целый вечер проплакала. А сегодня я тихонько улизнул из дому, не разбудив ее, – ответил мой помощник и отвернулся.

Я же обратился к Колдайрону:

– Поставь вещи в лодку. Вместе с корзиной Барака.

Пока эконом спускался вниз, я негромко шепнул Джозефине:

– Во время моего отсутствия дома распоряжается доктор Малтон. Он твой друг.

Девушка в ответ только кивнула без всякого выражения на лице, так что оставалось лишь гадать, поняла ли она, что может искать у Гая защиту от своего тирана-отца.

К нам, преувеличенно пыхтя, поднялся Уильям. Барак шагнул в лодку.

– До свидания, Колдайрон, – проговорил я. – Постарайтесь выполнять все, о чем попросит доктор Малтон.

Единственный глаз эконома злобно блеснул. Спускаясь по скользким ступеням, я невольно подумал, что тип этот охотно столкнул бы меня в воду, вне зависимости от того, нахожусь я на королевской службе или нет.

Над рекой навис густой туман. Вокруг царил полнейшее безмолвие, нарушавшееся одним только плеском весел. Из тумана навстречу нам выплыла стайка лебедей, вскоре снова растворившаяся в тумане. Лодочник наш был стар, и его усталое лицо избородили морщины.

Затем мимо нас скользнула большая баржа: на веслах в ней сидела дюжина мужчин. Палубу ее занимали с полсотни молодых людей в белых одеждах с красным английским крестом на груди. На борту баржи было как-то неестественно тихо, а туман превращал лица людей

в белые диски. Если бы не плеск весел, баржу эту вполне можно было принять за корабль мертвецов.

Поднявшееся солнце проредило туман, наполнив все вокруг столь необходимым теплом, а когда мы оказались возле Кингстона, на реке появились и другие лодки. Мы причалили к старинной каменной пристани. Я посмотрел за реку – на покрытый лесом простор Хэмптон-корт-парка. Королева, должно быть, уже готовила свой двор к отъезду.

По короткой улочке мы дошли до рыночной площади. Дирик прислал мне записку: они с Фиверйиром ожидали нас в таверне «Голова друида». Барак, несший на плечах два короба, показался мне молчаливым и задумчивым. Я вопросительно посмотрел на него.

– Спасибо, что избавили меня от этого кошмара, – негромко произнес он. – Помните этот полный солдат бот, что попался нам навстречу? А ведь из-за собственной глупости я вполне мог оказаться одним из них!

– Ну, слава богу, теперь ты в безопасности.

Мы вошли во двор гостиницы. Двери просторной конюшни были распахнуты настежь, и в стойлах находилось несколько коней. Возле нее располагалась кузница, где покрытый потом кузнец ковал подковы на наковальне возле плававшего горна. Мы вошли внутрь. В гостиной почти никого не было, если не считать двоих завтракавших за столом мужчин, оставивших на скамье возле себя шляпы и шпоры. Это были Дирик и Сэм. Подойдя к ним, мы поклонились. Помощник Винсента привстал, однако сам адвокат ограничился лишь кивком.

– Хорошо, что вы уже здесь, – буркнул он. – Пора в дорогу.

– Мы выехали из Лондона с первым светом, – подчеркнул я.

– А я отправился в путь еще ночью, чтобы встретить Фиверйира и посмотреть на коней. Видный человек должен ехать на соответствующей его облику лошади.

– У нас есть четыре добрых коня и еще пятый – для вещей, – самодовольным тоном проговорил клерк.

На лоб его, как обычно, свисали сальные волосы. Молодой человек казался утомленным в отличие от Дирика, пребывавшего в состоянии привычной бодрости.

Утерев рот платком, мой противник порывисто встал:

– Пора выезжать. К вечеру нам нужно добраться до Кобхэма, лежащего в девяти милях отсюда, а я слышал, что портсмутская дорога полна солдат и всяких телег с припасами. Бери корзины, Сэм. – И, взяв со скамьи шляпу, Дирик первым направился к конюшне.

Барак улыбнулся и покачал головой, заслужив тем самым укоризненный взор Фиверйира.

Когда мы оказались в конюшне, Винсент кивнул конюху:

– Наконец прибыли и все остальные. Лошади оседланы и готовы?

– Да, сэр. Мы выведем их во двор.

Мы вышли наружу. Конюх и помогавший ему мальчишка вывели пять лошадей: крупных и сильных на вид животных, гнедых и серых в яблоках.

– Ты хорошо поработал, – обратился я к Сэму.

– Хозяин приказал мне не жалеть денег. Туда и обратно – пять фунтов.

– Боже милостивый! – ужаснулся Барак.

– Лошади нынче в цене, – пояснил конюх.

– Предлагаю вам заплатить ему, брат Шардлейк, – проговорил Дирик. – Расходы вам возместит ваша клиентка, когда проиграет дело. Или же ее щедрая госпожа.

– Я заплачу половину. Как того ожидает суд. Пусть лучше каждый из нас самостоятельно тратит свои деньги до решения суда.

Винсент вздохнул, но кошелек все же извлек.

– Сумеет ли мы добраться до Портсмута за четыре дня? – спросил я конюха.

Тот покачал головой:

– Вряд ли, сэр, только если очень повезет. Я бы рассчитывал на шесть или семь дней, дорога просто забита народом.

– Вот видите, мастер Шардлейк, – подал голос Дирик. – Я знал, что будет именно так.

Мы поднялись в седла – Дирик и я ехали впереди, а Барак с Фиверйиром сзади. Коня, навьюченного нашими вещами, привязали веревкой к жеребцу Сэма. Когда мы выезжали на улицу, во двор влетел всадник на покрытой пеной лошади. Я заметил на нем кокарду самого короля. Должно быть, это был гонец, заранее проверяющий, все ли благополучно на пути его величества.

Выехав из Кингстона, мы попали на просторы Суррея. По обе стороны дороги тянулись огороды и засеянные зерновыми поля, призванные удовлетворять ненасытные аппетиты Лондона, а за ними маячил огороженный лес Хэмптон-корта. В эту пору уже полагалось убирать сено, а поля уже должны были пожелтеть, однако прибитые дождями злаки еще всю зеленели. Представляю, как те, кто работал на этих полях, мечтали о хорошей погоде. Когда солнце поднялось повыше, стало жарко, и я порадовался тому, что голову мою защищает широкополая шляпа, предназначенная для верховой езды. Продвигались мы быстрее, чем предполагал Дирик: широкая дорога не успела подсохнуть и была полна глубоких колеи, оставленных тяжело нагруженными телегами, однако худшие ее участки уже починили: землю утрамбовали, рытвины засыпали камнями, а на топкие места положили плетни. Все наши кони казались, как на подбор, крепкими, выносливыми и спокойными.

– Нынче мы должны добраться до Кобхэма, – обратился я к своему коллеге.

– Надеюсь на это, – отозвался он.

– Каков наш маршрут? Я никогда еще не ездил в Хэмпшир.

– Сегодня доедем до Кобхэма, а завтра до Годалминга, если повезет. Потом, на следующий день, пересечем границу Хэмпшира и отправимся дальше мимо Питерсфилда и Хорндина.

– Если не ошибаюсь, Хойленд расположен в семи или восьми милях к северу от Портсмута?

– Абсолютно верно. На границе старинного леса.

Я посмотрел на Винсента:

– Насколько я понимаю, вам уже приходилось прежде посещать мастера Хоббея?

– Да. Хотя он обычно советуется со мной, когда приезжает по делам в Лондон.

– Он по-прежнему занимается торговлей тканями?

– Нет, – жестко ответил Дирик.

– Вы упомянули в суде о том, что он недавно продавал лес, свой собственный. А ведется ли вырубка на землях мастера Кертиса?

Винсент развернулся в седле в мою сторону:

– К чему это вы клоните, брат Шардлейк? Уже пытаетесь поставить под сомнение честность моего клиента, да? – В голосе оппонента вновь появился характерный скрежет.

– Меня всего лишь интересует управление землями Хью Кертиса.

– Разумеется, какая-то часть леса вырубается. Было бы глупо не воспользоваться существующим ныне спросом. Однако все доходы должным образом учтены феодалом.

– Отчеты которого мне видеть не дозволено.

– Ибо подобная проверка поставила бы под сомнение честность сэра Квинтина Приддиса, равно как и моего клиента. – Винсент явно был разгневан. – Вы получите возможность поговорить с сэром Квинтином, и этого должно быть достаточно для всякого благоразумного человека.

Какое-то время мы ехали в безмолвии. Наконец я произнес кротким тоном:

– Брат Дирик, нам суждено провести вместе целую неделю, а может, и больше. Готов предположить, что наша жизнь станет легче, если мы ограничимся вежливым общением. Таков уж обычай у адвокатов.

Склонив голову, коллега на мгновение задумался:

– Ну что ж, брат, эта поездка действительно раздражает меня. Я намеревался этим летом поучить сына стрельбе из лука. Тем не менее этот визит может оказаться полезным. Вместе с приобретенными землями аббатства мастер Хоббей получил также манориальное право на местную деревушку Хойленд.

– Мне это известно, – кивнул я.

– Мы с моим клиентом переписывались, обсуждали его планы приобрести принадлежащий жителям этой деревни участок леса. Селяне получают за это компенсацию, – добавил мой собеседник.

– Без общинных земель большинство деревень просто не в состоянии выжить.

– Так вы возразили бы мне на суде! Но сейчас я прошу вас дать мне честное слово не связываться с жителями Хойленда. – Винсент улыбнулся. – Что скажете? Дружбы ради?

Я осадил его взглядом:

– Вы не имеете права на подобные просьбы.

Дирик пожал плечами:

– Но, сэр, если вы начнете подбирать себе клиентов среди этих селян, то едва ли сможете надеяться на хорошие отношения с мастером Хоббеем.

– Я вовсе не намереваюсь искать там клиентов. Но тем не менее не хочу ничем покупать вашу вежливость. Либо вы относитесь ко мне как к собрату по профессии, либо нет.

Дирик отвернулся с саркастическим выражением на лице. Я посмотрел назад, на Барака, который явно пытался завести разговор с Фиверйиром, и услышал резкий ответ последнего:

– Да он самый настоящий антихрист!

Посмотрев на меня, Джек воздел глаза к небу и покачал головой.

Мы продолжали уверенно продвигаться вперед и остановились только один раз у ручья, чтобы напоить лошадей. Бедрa мои уже начинали неметь. Винсент и Сэм отошли на несколько шагов, негромко переговариваясь.

– Путешествие не сулит нам ничего приятного, – обратился я к Барaku.

– Похоже на то. Я слышал ваш разговор с мастером Дириком.

– Начинаю подозревать, что он из тех, кто примется сутяжничать с придорожными птицами, если рядом не найдется людей. А что там Фиверйир говорил насчет антихриста?

Барак рассмеялся:

– Помните, некоторое время назад мы проезжали мимо людей, выкапывавших придорожный крест?

– Ну да. Теперь их вообще немного осталось.

– Чтобы завести разговор, я сказал, что такая работа в жаркий день – не подарок. А Фиверйир на это заявил, что кресты – это идола папистов, а потом перешел к логическому заключению, что и сам папа римский является антихристом.

Я застонал:

– Твердолобый протестант. Этого нам еще не хватало!

За несколько миль до Ишера наше быстрое продвижение закончилось. Мы уткнулись в конец долгой вереницы телег, вынужденных остановиться, поскольку дальше было не проехать. Облаченные в серые рубахи мужчины и женщины, вероятно из ближней деревни, ровняли взрытый глубокими колеями низменный участок дороги, спешно приводя его в порядок. Пришлось прождать больше часа, прежде чем нам позволили продолжать путь. К тому времени и за нами тоже выстроилась длинная цепочка телег, а Дирик, не вылезавший из седла,

так и кипел негодованием по поводу задержки. Движение сделалось гуще, и оставшуюся часть утра нам пришлось неторопливо пролагать себе путь мимо повозок и всадников.

Наконец мы въехали в крохотный городок Ишер, где остановились, чтобы пообедать. Винсент по-прежнему пребывал не в духе и потому обругал Фиверйира, когда тот пролил немного похлебки на стол. Клерк покраснел и принялся извиняться. А я, признаться, удивился тому, сколь много значило для этого молодого человека мнение его господина.

После полудня путешествие сделалось неторопливым и тягучим. На юг направлялось все больше и больше телег, полных бочонков со съестным и пивом. Другие повозки перевозили всякие плотницкие припасы, ткани и оружие – одна из них была доверху заполнена полотняными колчанами, набитыми тысячами стрел. Однажды нам пришлось отъехать на обочину, чтобы пропустить массивную телегу на прочных колесах, груженную крепко перевязанными веревками бочками, на боках которых был выведен краской огромный крест. Пушечный порох, понял я. Чуть позже мы пропустили ватагу иностранных наемников, рослых мужчин в ярких мундирах: в разрезах их желтых рукавов и штанов виднелась красная ткань. Они прошли мимо уверенным шагом, переговариваясь по-немецки.

К середине дня небо потемнело, и сильный ливень, промочив нас, превратил дорогу в болото. Путь наш пошел в гору: мы покидали долину Темзы, поднимаясь на холмы Суррейской гряды. К тому времени когда мы добрались до Кобхэма, крохотного городишки, длинная центральная улица которого вытянулась вдоль реки, я уже полностью выдохся. Седло натерло мне ноги и зад, а бока коня покрывал пот. Барак и Дирик также выглядели уставшими, а тощий Сэмюэль навалился всем телом на луку седла.

Местечко оказалось многолюдным. Повсюду возле дороги стояли телеги, и возле многих из них сучали на страже местные мальчишки. За дорогой на широком лугу торопливо ставили квадратом белые конические шатры какие-то люди. Все они были молодыми, крепкими, выше среднего роста и широкоплечими, с коротко подстриженными волосами. Облачены рекруты были в короткие куртки без рукавов, по большей части коричневой или какой-нибудь светлой дешевой ткани, обычной для бедняков, хотя я заметил и несколько кожаных. На дальней стороне поля располагались шесть больших фургонов. Дюжину могучих коней уже уводили к реке, а остальные путники устраивали кухонные очаги и копали выгребные ямы. Пожилой седобородый мужчина, в превосходном дублете и с мечом у пояса, неторопливо объезжал группу по краю на поджарой охотничьей лошади.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.